

Станислав Федотов

ЗАБЛУДШИЙ
ПУТНИК

ТЕНИ ОБРАТНОЙ СТОРОНЫ

Станислав Федотов

**Тени Обратной Стороны.
Часть 1. Заблудший путник**

«Автор»

2023

Федотов С.

Тени Обратной Стороны. Часть 1. Заблудший путник /
С. Федотов — «Автор», 2023

Молодой монах по имени Айдан отправляется в путь, чтобы узнать о судьбе загадочной экспедиции, отправившейся на Обратную Сторону – тёмную изнанку мира, способную воплощать легенды, даровать могущество и ввергать в безумие. Вместе с попутчиками он оказывается вовлечён в загадочные и опасные события: неизвестный чародей атакует королевство Гевинтер, древние боги пробуждаются от векового сна, а вовремя рассказанная история становится смертоносным оружием. Айдану предстоит по крупицам восстанавливать историю двадцатилетней давности, одновременно стараясь уцелеть и понять, кому из новых друзей он может верить.

© Федотов С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Старый хронист. Молодой хронист	8
Дорога на Толимар	31
Боги, герои, проклятья	47
Город безбожников	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Станислав Федотов
Тени Обратной Стороны.
Часть 1. Заблудший путник

* Иллюстрация на обложке и карта созданы Николаем Филатовым

Старый хронист. Молодой хронист

В хмурый, бесцветный замок Айдан вошёл трепещущим от неизвестности, а к барону поднялся если не успокоенным, то по крайней мере сытым и хорошо информированным человеком – и всё благодаря встреченным на кухне птичнице и судомойке. Одна круглая и румяная, а другая сухонькая, морщинистая, они впихнули в парня добрую половину пирога с мясом и к тому же сообщили о хозяине замка больше сведений, чем могла бы любая из хроник, столь тщательно берегаемых в монастыре. Случившийся рядом плотник ворчал, что они обе – мерзкие сплетницы и должны болтаться на суку, но и сам отнюдь не помалкивал.

Барон Генрих фон Ланциг был сыном Ульриха фон Ланцига, который, в свою очередь, был сыном барона Герарта фон Ланцига, но – вот досада – не его наследником. Покручинившись немного о том, что не сможет вечно протирать штаны в отцовском замке, юный Ульрих прибил к компании таких же молодых бездельников, быстро сделался главарём шайки из примерно трёх дюжин отчаянных рубак, – и с тех пор слухи о нём доносились то с берегов Среднего моря, то с ведерского рубежа, то чуть ли не из дикого и пугающего Иштрана. Сынуля Ульриха пошёл в папашу: Генрих тоже продавал свой меч любому, кто подороже заплатит, пьянствовал, чревоугодничал и расхищал церковное добро, а однажды даже умыкнул, – как говорят, не без её согласия – дочку какого-то вайтернахтского графа и обвенчался с ней в первом попавшемся храме. За пределы славного королевства Гевинтер будущий барон не выезжал, но побывал, пожалуй, во всех его герцогствах, вольных городах и приоратах, один только край не особо жалуя – родную Ведерскую марку, она же Северная, она же медвежий угол и глухомань – изрядный клочок бесплодных земель на северной окраине Гевинтера, очерченный изгибом студёного Ведера. Генриха можно было понять: здесь даже и в добрых городах навряд ли добычи едва наберётся и на одну банду – что и говорить про пустынные холмы вокруг. Намного лучше трепать нервы неповоротливым негодьям на торных дорогах юга! Развесёлая жизнь кончилась, когда законный наследник, внук старого Герарта, погиб на охоте, и оказалось, что между Генрихом и баронским титулом нету других претендентов. Поначалу новая жизнь пришлась ему по вкусу: а что, ночуешь не под кустом, а в собственной постели, не лезешь каждый день под вражеские стрелы, вдобавок все вокруг кланяются и называют «мой господин». Что может быть милее зарубелому сердцу наёмника? Но потом оказалось, что жизнь в родовом замке скучна и однообразна, что надо заниматься какими-то пустяковыми, бессмысленными делами вроде потёкшей кровли, что надо председательствовать в суде, разбирая споры нечистых на руку торговцев и безмозглых крестьян, что Церковь Света хочет построить в городе ещё один храм, а Королевская гильдия магов – ещё одно представительство – нескончаемый поток идиотизма. Порядком подустав, барон Генрих сколотил отряд головорезов и удрал на передовую сражаться с орками, там даже успел немного прославиться, но очень скоро сюзерен, герцог Ведерской марки, вызвал его, отругал и отправил обратно в Ланциг. Тогда Генрих решил просто плюнуть на всё: отправил кастеляна чинить крышу, стольника – разбирать жалобы в суде, а сам отдался пьянству. Через год крестьяне восстали, недовольные рыцари прислали депутацию, епископ пригрозил интердиктом, а герцог с посланником передал своё крайнее недовольство. Но хотя бы крыша не рухнула окончательно. Пришлось барону отставать в сторону кубок и, воссев на положенном ему престоле, вершить закон и справедливость – и так за каких-то пять лет из беззаботного, разудалого рубаки он сделался унылым домоседом, поколачивающим жену. Говорили, что радостным его теперь застанешь, только когда особо крупная орда орков прорывается на южный берег Ведера и против них бросают все силы, даже тех, чья крепость не у самой реки – да ещё во время традиционной зимней охоты на волков. По крайней мере, так судачили на кухне; сам-то Айдан ещё не видел нашего героя. Да и расказчики не во всём соглашались друг с другом: так, птичница была уверена, что у супруги

барона синяк под левым глазом, судомойка – что под правым, а плотник твердил, что ей просто нездоровится. Вот что значит ненадёжные источники!

Дюжий слуга распахнул дверь, и Айдан ступил, семеня и неуклюже озираясь, в большой зал. Значительную часть его занимал стол, полускрытый спинками грубых некрашенных кресел; впрочем, ни мебель, ни затылки сидящих не в силах были заслонить подлинного торжества чревоугодия. В Гевинтере вообще умеют и любят – не готовить, пожалуй, – но поесть от пуза уж точно. Вон голова поросёнка торчит, вот блюдо с остатками пирожков, гора варёных бобов – теперь уже больше похожая на древний вулкан, – толстые, коричневые с чёрным сосиски – и, конечно же, зоркий прислужник с бутылкой вина. Отсюда видно, кстати, что одно из кресел, то, что против барона, пусто, а значит, его супруга и в самом деле не явилась к обеду.

– Поди-ка сюда, – раздалось низкое, скорее ворчливое, нежели повелительное.

Айдан покорно приблизился. У барона было широкое, красное и совершенно не дружеское лицо, на котором густые и неопрятные усы смотрелись куда живее тусклых, угрюмых глаз. Его ногти были грязны, а пальцы блестели от жира, и даже под меховой накидкой угадывалась дикая, просто-таки звериная силища. Скупое и решительно орудуя руками, он расправлялся с запечённой рулькой, ароматной, хрустящей – и самой большой из когда-либо виденных Айदानом. Завидев гостя, барон что-то промычал, махнул над краем стола пальцами, роняя на пол капли жира, – и прислуга пододвинула к нему поближе ещё одну табуретку.

– Садись, – повелел Генрих. Его приближённые оставили на время еду и почтили ново-прибывшего толикой внимания. Двое тощих длинноволосых юнцов по ту сторону стола, похожие друг на друга, как вертикальные штрихи у хорошего писца, злорадно переглянулись. Рыцарь с ранней сединой и шрамом через всю щёку, сидевший по левую руку от властителя, – должно быть, это кастелян Швайгер, – был полон самого высокомерного презрения. Дама в зелёном – его супруга, наверное, – смотрела лишь украдкой, в остальное время не поднимая глаз от стола. Сестра Айдан так и не решился. Лучше уж постоять и сойти за мямлю, но не приближаться к барону на расстояние удара.

– Да садись, чтоб тебя, не маячь тут! – рявкнул Генрих и шлёпнул по табурету ладонью. Шлепок что надо, дама в зелёном аж подскочила. Пришлось повиноваться. Теперь, наверное, ряса будет в зале. Барон повернулся к Айдану, одобрительно кивнул и пододвинул поближе блюдо с грудой картошки и мяса. Кажется, местные это кушанье устаивают звания жаркого.

– Голодный? Хочешь поесть? Да вижу, что голодный. Не стесняйся.

– Благодарю благороднейшего за его предложения, однако...

– Да жри уже! – гаркнул барон.

Изо рта его прескверно пахло. Только бы не скривиться. Прибьёт ведь – первым, что попадёт под руку – вот этой самой рулькой. Принял мученическую смерть от рульки – чем не конец для жития? Теперь бы не засмеяться в голос... А картошка и впрямь неплохая. Жалко только, что в Северную марку так и не добрались вилки, приходится есть руками.

– Давай, давай. На мясо налегай, что ты одну эту-то берёшь? – проследив, чтобы гость не пренебрёг его советом, барон вернулся к рульке, очистил и старательно обсосал кость и бросил в угол, где ею завладела морщинистая и довольно уродливая собака. Затем отпил из кубка в форме кабаньей головы, повернулся вновь и произнёс: – Тебя как зовут, парень?

– Айдан.

– Ты из Аойне, что ли? – удивлённо переспросил властитель. Не дожидаясь ответа, он заявил: – В Аойне все сплошь пьяницы и бездельники. Был у меня в отряде один молодчик, так он пил не просыхая и всё бегал по девкам. Нахвтался от них всякой заразы, – один из юнцов сдавленно хихикнул, тотчас притихнув под грозным взглядом Генриха. – Ну, поглядим, Айдан, что из тебя-то выйдет. Ты новый хронист, да? Хорошо... Правду говорят, что ты колдун?

Неспешный выдох. Айдан уже почти научился не бросаться на людей, задающих подобные вопросы, хотя монаху, который первым в Ланциге спросил об этом, всё-таки плюнул в

рожу, снискав репутацию не только чернокнижника, но и буйного невежи. Нет, он не был колдуном, и он был бы рад, чтобы его успехи, неважно, праведные или сомнительные, приписывались только лишь его эрудиции, а не волшебству, к которому у него не было ни малейших способностей.

– Это преувеличение, – спокойно проговорил Айдан.

– Да? – барон разочарованно крикнул. – Но с Обратной Стороной ты знаешься?

– Ну, в некотором роде, – может быть, не стоило сознаваться. Вдруг он для того и позвал, чтобы выудить из подозрительного монашка признание и по-быстрому казнить его? Взгляд Швайгера и впрямь заострился, как лезвие у палаческого клинка. Их можно было бы понять. Все до смерти боятся Обратной Стороны, и если просто чародей в рясе – это сомнительная, но всё же теоретически допустимая ситуация, то монах, владеющий тайнами Обратной Стороны, наверняка продал душу Падшему, а с такими в Гевинтере не церемонятся.

– Хорошо, хорошо, – Генрих покивал сам себе. – Рассказывай.

– Что именно? – представив, как его тащат на виселицу за сговор с тёмными силами, Айдан всполошился. И не сбежишь: кастелян так близко, точно успеет перехватить. Чувствовал же – не надо было садиться. Барон так и не ответил, но смотрел очень хмуро и отказа явно не потерпел бы. – Простите... Вам прямо всё рассказывать? – молчание. – Про Обратную Сторону или?..

– Барон хочет знать, – подсказал Швайгер, – почему тебя считают колдуном.

– Эм, да, хорошо, – Айдан подумал, что, если кинуть в кастеляна блюдом с остатками рагу, тот, наверное, замешкается, и можно будет удрать. А дальше куда? В обитель Добрых Братьев, и там попросить убежища. Лишь бы не затравили собаками. – Я тогда помогал писать хронику нашего города. Меня попросили добавить несколько строк о самых последних событиях. Я... – нелюбимая история захлебнулась под волнами страха.

– Швайгер, что с ним такое?

– Может быть, в горле пересохло? – безоблачным голосом предположил кастелян, а сам пребольно наступил горе-рассказчику на ногу.

– Так налей ему!

– Ох... – пока слуги возились с вином, Айдан соображал, можно ли как-то переиначить историю, чтобы никто не поймал на вранье, но в то же время показаться чистеньким. Ничего не успел придумать, конечно. – Простите, мне уже лучше. Да. Я помогал писать хронику...

– Мы поняли. Дальше что?

– Простите. Я... – отпил ещё немного. Хоть и крошечная, но всё же отсрочка. Спина деревянная, словно тут холод стоит, и слова примерзают к языку. – За пару месяцев до этого в город приехал эльф. Жутко перепуганный, словно за ним гнались демоны. Да за ним точно кто-то гнался, потому что он заплатил одному мальчишке, чтобы тот следил за восточными воротами и сказал ему, если кто-нибудь явится следом.

– Явился? – влез Генрих.

– Э-э, считается, что да, наутро действительно появилась пара странных эльфов, но тот уже успел умереть.

– Слышал, он чуть весь город не утащил с собой, – вставил кастелян. – Вроде, кто-то из местных обесчестил его сестру, да? И он решил так отомстить?

– Это была одна из версий, – когда дошло до выстраданных им выводов, Айдан почувствовал себя уверенней и даже почти перестал думать о травле собаками. – Жители соседних домов действительно почувствовали недомогание, а кто-то даже видел во сне чёрные долины Обратной Стороны. Но я не поверил. Напуганный, с трудом способный связать два слова эльф – какой из него мститель? Я не хотел домыслами портить хронику, решил выяснить, как было на самом деле. Надо стараться писать правду, не так ли?

– И ты вызвал его душу с того света?

– Да нет! Простите. Я... Я смог заполучить вещи, найденные в комнате эльфа, и его записи, – а как именно, не стоило уточнять. – И я попробовал разобраться, что же он сотворил такое в ту ночь, а потом... – Айдан осёкся. Ещё до того, как стать монахом, он интересовался эльфийской культурой, недурно знал их язык, даже помнил наизусть одну особо полюбившуюся ему эпическую поэму, да и когда пришлось примерить рясу, продолжил свои занятия при молчаливом попустительстве настоятеля своего первого монастыря. Может быть, кому-то ещё записки эльфа показались бы загадочными, даже бессмысленными, но для него и схема расстановки ингредиентов, и описание ритуала были яснее самой простой молитвы. Практически сами собой чёрные пирамидки заняли положенные места, и только ждали пароля, чтобы выпустить на волю зловещую, но такую заманчивую правду. Айдан тогда оторопел и, наверное, сам по себе не решился бы произнести нужное слово, сделать этот последний шаг, да в подвал завалились два монаха, которым только и охота была, что поглумиться над незадачливым коллегой.

«Опа, – гоготнул один из них, – Айданусик!»

Айдана затрясло, он терпеть не мог, когда его так называли.

«Погляди-ка, наш тихоня играет в солдатиков», – тоненько, противно захихикал и другой. Айдан успел подумать, что лучше бы им в самом деле принять ритуал за безобидную игру, но по крайней мере один из двух идиотов оказался проникательным:

«Да, слушай, нет, это какой-то ритуал»

– «У-у, чёрная магия? Хочешь аббата со свету сжить? Или демонов призываешь? Демонов? Суккубов, поди?» – он изобразил, как делает то, что обычно делают с суккубами в фантазиях измученных воздержанием монахов.

«Я думаю, – рассудительно проговорил первый, – судомойных демонов, чтобы на кухне ему помогали».

«Знаешь что, Айдан? – ухмыльнулся второй. – Теперь ты будешь нашим судомойным демоном, если не хочешь, чтобы мы рассказали настоятелю, как ты поклонялся в подвале Падшему и кувыркалися с суккубами!»

«Смотри, язык проглотил!» – оба заржали. Айдан и в самом деле не знал, что сказать, и судорожно соображал, что лучше: прослыть демонопоклонником или вором, потому что пирамидки ему, само собой никто не давал, он просто стащил их в ратуше. Потом первый добавил: – «А знаешь, не только судомойным, но и огородным демоном, я думаю. Что-то мне надоело уже горбатиться над картошкой».

«О-а, да-а! – у второго загорелись глазки. – А что думаешь, может быть, даже и суккубом, а?» – и смотрит на приятеля. Тот, правда, скривился и кашлянул. – Чё молчишь, Айданусик? Ты у нас теперь спины разгинать не будешь, всё по грядкам да по котлам! Во заживём, а?»

«Слушайте», – Айдан попробовал их урезонить. – «Это исследование, просто...»

«Просто настоятелю не стоит о нём знать? – хмыкнул первый. Молчание было вполне красноречивым ответом. – Мы и не скажем. Мы ведь хорошие друзья, правда?»

«Да мы просто изумительные друзья, братишка! А ты видел, как он перетрухнул, когда я сказал про суккуба?» – второй так зашёлся хохотом, что его согнуло пополам и смешки попали в нос.

«Считай, что мы, Айдан, – назидательно проговорил первый, – заботимся о твоей душе: ведь теперь у тебя не будет времени на всякое мракобесие. Кстати, что это у тебя?» – он стал осторожно приближаться к конструкции из пирамидок, и второй за ним. Айдан же стал понемногу отступать, бормоча:

«Слушайте, вы не понимаете, что это. Я расследую странную смерть эльфа, который...» – впрочем, с тем же успехом это можно было рассказывать стенке или церковному трибуналу.

Айдан разозлился. Из всех монахов его застали за ритуалом именно те двое, кому не было никакого дела до эльфийских тайн – недоумки, у которых предел мечтаний – найти кого-нибудь, кто будет батрачить за них на кухне. Ему захотелось пойти и признаться настоятелю, их

тоже заложив за компанию, он уже почти решился пригрозить этим, но тут один из них подобрался совсем близко и бестолковой ножищей почти что сдвинул одну из пирамидок, которые Айдан целую неделю выравнивал по звёздам – и это, между прочим, в подвале. Он сам не заметил, как с языка сорвалось заветное слово – и тогда жадная, голодная пустота Обратной Стороны объяла всех троих. Айдан чувствовал, как одна за другой утекают мысли, чувства, воспоминания, как то, что составляет его, разлетается по кусочку, как пепел. Он пытался молиться, но позабыл слова. Кто-то из братии прибежал на крики и догадался метнуть в одну из чёрных пирамид ботинок – а когда фигура была нарушена, и заклинание пало.

Насмешники повредились в уме. Сам экспериментатор, стоявший подальше от своего творения, отделался испугом, но братия решила выжить из монастыря паршивую овцу, да к тому же по городу поползли слухи, что некий хронист угробил двух своих врагов при помощи тёмной магии, а миряне жуть как не любят, чтобы в рясе расхаживал чернокнижник. Пришлось поспешно покинуть обитель, да и Аойне в целом. Хорошо ещё, аббат помог. Сказал: уж если где прятаться, то непременно в Ведерской марке, – и отправил с протекцией в Ланциг, велел помалкивать о своих свершениях. И Айдан в самом деле строил из себя обычного хрониста, целых два года продержался, да только вот с языка на язык вести о той злосчастной ночи добрались даже до северной глухомани, седмицы три назад зазвучав в трапезной, а оттуда, надо полагать, перепорхнув и в замок.

– Швайгер, может, ему ещё подлить?

– Хватит с него. Так что же?

– Э-э, простите. А о чём я?.. В общем, я сконструировал вновь чародейский механизм и воспроизвёл, как мог, точные обстоятельства его применения. Тогда...

– Швайгер, переведи для обычных людей.

– Выходит, он всё-таки колдун.

– Да не колдун я!

– Как так?

– Это мог сделать любой. Даже вы, эм, даже вы, если бы не были столь добрыми детьми Света, смогли бы. Если бы ещё умели читать... в смысле, понимать запутанные, загромождённые специальной терминологией тексты на эльфийском и толковать значение некоторых неочевидных... – Айдан откусил хвост неудавшейся фразе и обессиленно замолчал. Наверное, вели сейчас даже Генрих травить его собаками, хронист не нашёл бы в себе воли, чтобы бежать. Одно желание: скорей бы...

– Не пойму: он меня оскорбляет?

– Не думаю. Не надо было ему вообще наливать.

– Тьфу. Говорил тебе: в Аойне одни пропойцы, – барон схватил кость и принялся угрюмо тыкать ей в стол, словно надеясь выковырять из деревяшки ещё одного хрониста, более вменяемого. Не преуспев, Генрих приподнял взгляд на Айдана и, тут же уронив, проговорил: – Правду говорят, что ты прикончил кого-то?

– Ох, да нет. В смысле, не совсем. Да в смысле нет, не прикончил! – разозлившись на себя ещё даже больше, чем на давящегося смехом Швайгера, крикнул Айдан. – Они живы, просто... Не в себе. А зачем было лезть и мешать эксперименту?

– Кхм. Если бы кто-то стал мне мешать на охоте, – задумчиво изрёк барон, – я бы тоже не стерпел. Скажи, Швайгер? – и неспешно покивал остаткам рульки. – Значит, говоришь, ты не колдун... – Айдан не стал отвечать, чтобы не вспылить ненароком. – Как-то всё сложно у тебя, – прижав глаза ладонью, простонал Генрих. – Темнишь, по-моему. Ох. Ты, Швайгер, что думаешь? Справится?

Кастелян выпучил глаза и развёл руками, но когда барон надавил на него взглядом, повернулся к Айдану и промолвил:

– То есть я правильно понял, что ты спёр эльфовы записки, разобрался в них и смастерил такую же колдовскую штуковину, как у него, да?

– Ну, не то чтобы спёр. Я...

– Это называется «спёр», – Швайгер по-отечески улыбнулся и кивнул.

– А в остальном да, так.

– Ясно, – кастелян посмотрел на барона.

– Кхм. Он сразу не мог сказать по-нормальному?

Айдана тряхнуло: страх ослабил немного свою хватку, и напряжение затекшей спины разрешилось неудержимой судорогой. А что это в глазах одного из близнецов? Уж не любопытство ли?

– Да чтоб тебя... – ненадолго прояснившись, лицо барона вновь оплыло, и, страдальчески посмотрев на кастеляна, Генрих воскликнул: – Я думал, он колдун!

– Зато он исследователь! – бодро возразил Швайгер.

– Посмотри, трясётся, как осиновый лист!

– Осмотрительность – лучшая подруга рыцаря!

– Он мямля!

– Но вдумчивый! – радостно гаркнул кастелян.

– Скажешь, у него получится?

– У меня получится! – уязвлённый и претензиями одного, и дурачеством другого, воскликнул Айдан. Сразу понял, что лучше было молчать, но Швайгер уже простёр к нему руку и возвестил так, словно представлял на турнире знаменитого смутьяна:

– Да он рвётся в бой!

– Кхх... пхх, – скривившись, как от кислоты, с чувством произнёс Генрих.

– А что надо делать?.. – запоздало вставил Айдан. – Вы расскажете?

– Он меча в руках не держал.

– А что вы теряете? – парировал Швайгер. – В худшем случае всего лишь одного хрониста. Ланциг не оскудеет; когда я последний раз считал, их было две дюжины с гаком – один туда, один сюда, не заметите даже.

Айдану весьма не понравилось, что цвет гевинтерского монашества считают на дюжины, как яйца, и намёки кастеляна тоже не вселяли уверенности. Крохи здравомыслия робко шептали, что надо валить, пока ещё не получил роли в баронских пьяных выдумках, но, с другой стороны, почему хотя бы не послушать предложение? Интересно же.

Попытавшись осадить близнецов, которых раззадорили арифметические упражнения с хронистами, и ничего не добившись, Генрих снова уставился на гостя. Под поверхностью затуманенных глаз мелькали очертания несформулированных вопросов, но этот рот был больше рад вину, чем разговорам – и, щёлкнув пальцами, барон велел всем выметаться, оставшись наедине с Айданом.

– Есть у меня к тебе дело, – повозив ладонями о штаны, Генрих ковырнул зуб и тем же, заново изгвазданным пальцем показал на противоположную стену, где, как уже было известно Айдану, красовался портрет его родителя. Это был – если верить художнику, конечно, – впечатляющий мужчина. Кажется, всё, что в нынешнем правителе нелепо, преувеличено, в нём сочеталось в оптимальных пропорциях: мощь без тяжести, суровость без грубости, фатализм без усталости. Длинные тёмные волосы, взгляд с хитринкой, чуть закруглённый нос, воронёные доспехи, рука в перчатке, покоящаяся на рукояти меча – истинный рыцарь, особенно в сравнении с тем, кто нынче сиживает напротив его портрета. Вот и золочёная надпись на коричневом однотонном фоне прославляла Ульриха как величайшего из рыцарей современности.

– Знаешь, что было с моим отцом?

Генрих фон Ланциг не знал своей матери, она, вроде бы умерла при родах, зато отца он просто боготворил; кроме этого, прижизненного портрета заказал себе ещё один, конный, в

спальню, а другой повесил в спальне жены, совершенно не считаясь при этом с её мнением. Поэтому быть в курсе обстоятельств его исчезновения обязан был каждый обитатель замка. На счастье, обстоятельств этих известно было совсем немного. Так что и Айдан пришёл подготовленным:

– Он отправился с Дейермером в его поход и не вернулся.

– Ага, – в глазах полыхнуло. – Не вернулся. А ты знаешь, куда они держали путь?

– Вниз по течению Ведера. Учёные люди сходятся в том, что их целью был провал, Туманный ров подле Чёрной и Белой Крепости, который предположительно ведёт на Обратную сторону.

– А ты выучил много умных слов, парень, – барон помотал головой, будто отгоняя незваную учёность. – А что они там забыли, а? Почему отец всё бросил и помчался с этими нищелюдами? Да вообще, они сделали то, зачем шли, или он сгинул напрасно?

– Этого никто не знает.

– Не знает, – барон стукнул по столу кулаком. – Не знает. А ты узнаешь! Вот тебе моё поручение, парень, первое и единственное.

С учётом того, что добрый Генрих приходился ланцигскому монастырю светским аббатом, в его праве отдавать монахам поручения вряд ли кто-то мог усомниться. Даже если поручение это абсурдно и заведомо невыполнимо.

– Но мастер Бернхард, начальник над хронистами...

– Твой мастер Бернхард – просто старый кретин, он ничего не понимает! Знай себе болтает, что мир ещё не готов к этому знанию. Тьфу! Трус он, как и все монахи. А ты... не знаю, может, разберёшься.

– А почему бы вам не пригласить настоящего чародея? – вымолвил Айдан, и сразу сам себе ответил: королевская гильдия магов за такое не возьмётся, а даже если бы и взялась, то столько бы запросила – всех ланцигских земель с привилегиями не хватит. Не то что скромный хронист, ему и вовсе платить не обязательно.

– История моего отца, история Дейермера – это книга, написанная кровью и прахом. А кто прочитает книгу лучше, чем монах? Попробуй, в общем, разберись, что к чему. Как тогда разобрался. А если нет, то лучше бы тебе поискать другое место. Усёк?

Ну, да, как же...

– Вот и отлично! Что нужно будет – приходи, – на мгновение в его голосе даже почудилось какое-то радушие. – Захочешь хоть в сам Хейвенфельт покопаться в архивах – отправлю! Ты, кстати, стихи сочинять умеешь?

– Э... Нет, вот это у меня не очень хорошо получается.

– Жалко, – барон прицокнул. – Но ты знаешь: это любой бездарь сможет, была б история. А ты главное всё разужай: что, как, зачем – чтобы наконец появилась песня о самом последнем и главном подвиге моего отца, – это он произнёс почти шёпотом, едва ли не как молитву, и вдохновенно посмотрел на портрет. – Ну, всё, а теперь проваливай!

От монастыря замок отделяло приличное расстояние, и Айдан был полон решимости занять себя по пути размышлениями о грядущей миссии. В этом ему изрядно мешал очень толстый и практически лысый монах по имени Брайан, от чьей компании Айдан с радостью бы отказался, будь у него хоть какой-нибудь выбор. Увы, этот самый Брайан происходил из Ивар Мэлхью и вбил себе в голову, что без томных звуков родного аойненского языка несчастный Айдан до срока украсит собою монастырское кладбище, и потому норовил составить ему компанию в самые неподходящие для этого моменты: подсаживался рядом в скриптории, вызывался помочь отвезти готовые рукописи в городской архив – ну, и, конечно, потопал с ним на

приём к барону и верно прождал его, починяя сапоги на скамейке у ворот. И вот сейчас он весело шагал рядом и вливал целительный бальзам верхнетайнского диалекта в таких количествах, что из лекарства он, пожалуй, уже становился отравой. Увы, Айдан умел слушать и совершенно не способен был затыкать рассказчиков, что делало его лучшим другом и непременной жертвой старых дев и престарелых сплетников – вот и с присутствием постылого Брайана он тоже безропотно мирился, лишь про себя браня его за то, что болтовнёй заглушает мысли. Додумался в итоге лишь до того, что о походе Дейермера практически ничего не знает.

Монастырь был городом в городе. Точнее, он был тут ещё когда дальний предшественник барона обретался в убогой деревянной сторожке на соседнем холме, и уже тогда его окружали добротные каменные стены. В них имелись большие ворота, почти всегда запертые; если же изобретательный путник находил способ проникнуть внутрь, ему объясняли, что всех до одного пилигримов, страждущих и убогих, рады будут видеть в обители Добрых Братьев дальше по дороге. Было и несколько неприметных лазеек, через которые некоторые не обременённые излишней духовностью монахи водили к себе любовниц. Внутри собралось довольно пёстрое общество: несколько действительно верующих людей, истово сражавшихся за спасение душ всех добрых детей Владыки Света, трое рыцарей Шипа, ушедших на заслуженный покой и пестующих застарелые ранения, дюжина обойдённых наследников, не решившихся пойти в разбойники – ну, и, конечно, цвет обители: порядочное количество хронистов, переписчиков, иллюминаторов. Начальником над ними был старый мастер Бернхард, большой любитель сквернословить; кто-то из молодых даже пустил слух, что в молодости он служил матросом на пиратском судне. У мастера были свои принципы. Согласно одному из них жаб на миниатюрах следовало рисовать исключительно серого, а не зелёного цвета, и туго приходилось тому, кто в пылу вдохновения позволял себе иное; другой же принцип категорически запрещал интересоваться всякими «тёмными» материями, к которым, без сомнения, относилась и Обратная Сторона. Как следствие, поход Дейермера считался в монастыре предосудительной темой для обсуждения. Официальная доктрина Церкви Света утверждала, что Обратная Сторона – этот чёрный, искажённый двойник мира – есть вотчина сил мрака, обиталище если не самого Нергеддеона Заточённого, то уж во всяком случае какого-то его здешнего представителя; место, куда стекаются после смерти тронутые гнилью души. Но иногда и самый обычный человек мог прийти в соприкосновение с нею, тьма проникала в его сны, заставляя снова и снова представлять себя посреди бескрайней чёрной равнины. Это начиналось обычно на пороге юности, вместе с первыми порывами вожделения – столь ясный и недвусмысленный знак для бдительного ума; ревнители целомудрия любили повторять, что это Нергеддеон вознаграждает похотливых юнцов и девиц своим отравленным даром одержимости, но на самом деле у недуга не было предпочтений, он поражал всех без разбора – одного из тысячи, если верить дотошным, любящим цифры хронистам. Таких людей отчего-то называли Пробуждёнными. Некоторым из них удавалось, скрывая свой недуг, вести почти обычную жизнь, но многие сходили с ума от выматывающей пустоты этого нелепого края, и среди молитв матерей нередко можно было услышать сокровенное: «Да не пробудится моё дитя на Обратной Стороне». Айдан и сам когда-то до смерти страшился этой участи; к счастью, известный момент уже прошёл. И всё же он был там однажды, видел и чёрные холмы, и мелкие, бессильные звёзды Обратной Стороны, задыхался, тщетно глотая недвижимый воздух – лишь несколько мгновений после того, как отзвучала колдовская команда, но и то едва жив остался, а каково тем, кто каждую ночь может проснуться там? Да будет милостив к их душам Владыка Света!

Про Дейермера болтали всякое, и чем дальше – тем более фантастическими становились эти истории. Одни твердили, что он был вербовщиком самого Нергеддеона и отряд свой повёл напрямик в пасть Заточённому, другие – что он был самоотверженным героем, стремившимся покончить раз и навсегда с ужасами Обратной Стороны; кто-то выдумал даже, что Дейермер и легендарный маг Хоран, ниспровергатель богов – это одно и то же лицо. Сами участники

экспедиции молчали о том, что с ними случилось; Айдан слышал, что некоторые из них вернулись – но не Ульрих фон Ланциг. В любом случае, принято было считать, что там, в чёрном отражении мира, Дейермер сделал что-то, к добру или к худу, и вот всё застыло в ожидании, что это как-то проявится – и все ждали, боялись, надеялись – уже как двадцать лет. Мастер Бернхард, когда его спрашивали, что же всё-таки писать в хрониках, твёрдо отвечал, что, по его мнению, тем, кто желает держаться стези Света, не стоит интересоваться кривыми тропками Тьмы. Но если сам барон поднял этот вопрос, размышлял Айдан, то мастер должен сделать исключение. Разве нет?

От перспектив порой перехватывало дыхание. Собственная история – миряне вряд ли представляют, что значат эти слова для простого ланцигского насельника. У каждого монаха ведь своя специализация. Среди писцов лишь некоторые – Бернхард и ещё пяток мастеров – считались достаточно квалифицированными, чтобы самостоятельно сочинять. Ещё несколькими доверяли компилировать сборники, а остальные переписывали, что попадалось, и хорошо, если не какое-нибудь занудное наставление. В Аойне были ещё рубрикаторы, которые оформляли заголовки: но там буквицы, конечно, прихотливей формой, превращаются то в свору собак, то в лабиринты, то в деревья, в Гевинтере буква и буква, с каким-нибудь ненавязчивым орнаментом, с парой каких-нибудь отростков, пустивших листья, так что у рубрикаторов было бы не очень много работы. Зато внутри то епископ, держащий книгу, то рыцарь, попирающий многоножку, – этих исполняли иллюминаторы. Как считал Айдан, аойненские рисовальщики не особо старались, чтобы люди походили на людей, лицо торчит из груди покрывал – и ладно, в Ланциге же было двое специальных монахов, которые рисовали только человеческие фигуры, и ещё один, которого звали доделывать лица. Недавно завели ещё главного по природе: он с юга, чуть ли не в Ламии учился у тамошних живописцев, которые, по слухам, просто волшебники – и теперь исполнял вполне приличные деревья. Так что те негодяи, которые сулили, мол, представляешь, Айдан, будет у тебя своя хроника, сильно покривили душой. В лучшем случае ему разрешали собирать что-нибудь из кусков других хроник – но, может быть, так оно и лучше: скучно, да, зато куда меньше ответственности. А здешние суетливые, изломанные, липнущие друг к другу буквы он даже почти полюбил, хотя предательская подстрочная петелька до сих пор ему не очень хорошо давалась – и это после четырёх лет в Гевинтере. Но именно что почти. Айдан по-прежнему скучал по привольному, как зелёные холмы его родной страны, шрифту Аойне, по его благородной размеренности, по плавности линий. Увы, в Ланциге жило несколько монахов с чернильницей на месте сердца, которые сопротивлялись попыткам обогатить гевинтерское письмо парой удачных заимствований, но и то Айдану почти удалось убедить братию, что аойненская косая чёрточка намного лучше, чем их собственное убожество.

Обитель встретила пустотой и молчанием. Во дворе четыре козы неодобрительно качали головами, ворон ругнулся с крыши сарая, в беспорядке валялись мешки с шерстью, серые камни влажно блестели – тут всегда такая сырость в этом проклятом Ланциге! – Айдан опять чуть не полетел вверх тормашками на этих гладких, почти круглых булыжниках! Ворота снова отворились, пропуская одутловатого, одышливого келаря с пучком свечей в потной руке. Привалившись к створкам, толстяк какое-то время стоял, полуприкрыв глаза, его грудь и щёки ходили ходуном, в углах рта вспухали мелкие пузыри.

– Только воротились, да? – наконец выдохнул келарь. – Дурные новости, ох дурные. Мастер Бернхард того, преставился. С утра не вышел на молитву, а когда мы его сыскали, уж поздно было. Давайте-ка за мной, поспешим – поспеем к прощанию, – и, согнувшись, он побежал в храм.

В Гевинтере не любили мёртвые тела. Считалось, что вечная, неподвластная смерти душа сотворена великим Создателем, Владыкой Света Эрдонартом, тогда как слабая, гниющая плоть принадлежит Нергеддеону – поверженному, но не сдавшемуся Повелителю Мрака. Поэтому даже с почившими властителями старались поскорее проститься, а потом, как это называется,

предать тленное Нергеддеонову пламени. Вот и мастера сейчас, должно быть, ждёт краткая, пусть и весьма торжественная поминальная служба, а потом – погребальный костёр да скромная табличка на стене колумбария.

Монастырская церковь первое время вызывала у Айдана противоречивые чувства. В его родном Аойне, следуя ещё имперской традиции, храмы обычно строились круглыми, с как можно более широкими и высокими окнами – насколько хватало мастерства зодчих, лишь бы только всё это не рухнуло – избегая искусственных источников света, особенно пламени, которое принято ассоциировать с Владыкой Мрака. В последнее время сверху стали подвешивать кристаллы Эр-Хандова камня, дающие чистое и лишь немного пульсирующее свечение, – целыми гроздьями в особенно богатых церквях. Но Эр-Хандовы кристаллы не зря звались чародейскими: их сияние питали те же самые потоки Силы, которые и колдунам дарили способность к магии – а разве не запрещено колдовать в храмах? Конечно, сравнивать бездушный осколок с волшебником из плоти и крови можно лишь с натяжкой, но многих богословов это сопоставление всерьёз беспокоило. Впрочем, пока учёные спорили, простые клирики всюду закупали кристаллы для своих церквей. Никуда не денешься: в пасмурную погоду без них либо свечи, либо тоска беспросветная. А если дождь? Королевская гильдия магов предлагала собственные светильники, ещё более надёжные и сравнительно недорогие, но творения безбожных рук лишь оскорбят Эрдонарта.

Здесь храм был совсем другой. Начиная с того, что в плане это был прямоугольник, а любой хоть сколь-нибудь образованный аойнец сразу скажет, что именно эта форма свойственна храмам неэРН, отвратительных рогатых тварей, поклоняющихся тьме. Внутри он рядами колонн разделялся на три нефа, из которых крайние были весьма приземистыми, а центральный взмывал далеко ввысь, и под сводом его переглядывались два ряда узких окон. Стена напротив главного входа рассечена по вертикали, она сочится спокойным белым светом – так называемый «Алтарь святого Ремигия» – во время общей молитвы его сияние делается золотым, тёплым и таким вещественным, что хоть по кубкам разливай. Своё прозвание он унаследовал от одного не вполне ортодоксального священника, совмещавшего проповедь с чародейскими изысканиями; этот Ремигий даже и близко не был святым и умер под церковным осуждением, но одно из его изобретений обессмертило если не душу его, то, по крайней мере, имя. Впрочем, более старые и циничные монахи говорили порой просто: «Дырка в рай» – а чаще даже: «Замочная скважина святого Ремигия».

Кое-как отдышавшись, Айдан просунулся в неплотно прикрытую дверь – только б не скрипнула! – и в золотистом ореоле узрел ангела, простершего десницу над гробом, торжественно и громогласно роняя слова последнего благословения. Братия расступилась перед посланцем небес, укрывшись в полутени, под сводами боковых нефов, их шеи были согнуты, взгляды – потушены. Осторожно ступая, подошёл, приткнулся в толпу – ну, конечно, какой тебе ангел! Брат Мельхиор, положив пятерню на лоб покойного, раскатисто, хоть и несколько нудно распевал зауспокойные молитвы, а другие повторяли за ним положенные формулы. Тела почти не было видно, весь свет доставался Мельхиоровой спине.

– Что с ним случилось? – Айдан шепнул соседу.

– Говорят, сердце.

– Ещё же вчера всё в порядке было. Восприми его, о Владыка!

– А в прошлом месяце он сетовал на грудную жабу, – подсказали с другой стороны. – От брани всё, от гневливости, – стоявший перед сплетниками пожилой монах обернулся и пробежал по ним суровым взглядом. Те смущённо замолчали.

– Уж не магия ли? – вполз ещё один шепоток.

Взгляд Айдана метнулся к неприятно корчащейся ухмылке, к лицу, которое так и говорило: что, совесть нечиста? Насмешника, конечно, заткнули, но сколько ещё монахов думает о том же? Бесплезно было объяснять им разницу между настоящим колдовством, со способ-

ностью к которому надо родиться, и предметной магией, подвластной каждому, кто закупил необходимые ингредиенты и знает, как их соединить в чародейскую схему – Айдан пробовал растолковать, но ещё только хуже сделал: ведь раз отпирается – значит, виновен, особенно если перед этим почти два года скрывал свои таланты. Мастер Бернхард был одним из тех немногих, кто никак не переменял к нему отношения, не бросал косых взглядов через трапезную и не предлагал свою несуществующую вину искупать пожизненным постом и ношением власяницы.

– Вознеси... – перепутав слово, Айдан запнулся.

После службы он как будто невзначай подо двинулся к паре благоволивших к нему пожилых монахов, которые как раз обсуждали, кто сменит Бернхарда, а точнее – кого назначит Генрих фон Ланциг: ведь тот был светским аббатом монастыря и мог, теоретически, назначать и снимать главных хронистов по собственному разумению.

– Скорей бы уже выбрал, – стонал один. – Узнать и отмучиться. Ему же хватит ума и нашего Брайана назначить!

– Скорей не получится, – желчно бросил другой. – Генриху до рукописей дела нет. Он и читать едва не умеет. Как-то показывал ему наше Священное Писание – знаешь, он что сказал? Картинки ничего, только баб рисовать не умеете, – в поисках поддержки он выцепил взглядом Айдана и со значением округлил глаза.

– Да, он действительно странный, – неловко хихикнул тот. Эту байку он слышал уже не раз, хронисты постарше очень её любили, порой разукрашивая дополнительными подробностями: например, заставляя Генриха требовать картинок с голыми девицами.

– Но нет, – возразил первый, – барон всё-таки следит за нашими успехами.

– За успехами – конечно! Мы же ему подати платим.

Айдан кивнул. Для Генриха монастырь был в основном источником лёгких денег и, хотя сам он вряд ли разобрался бы в мутной бухгалтерии брата-эконома, на беду братии Генрих поручил это дело Швайгеру, а тот был вьедливый мерзавец: не найдёт, так придумает – хронисты вечно ходили перед ним в долгах, а под новый год даже заложили деревню, которая с давних времён числилась за монастырём и которую очень долго удавалось скрывать от барона. Иллюминаторам пришлось краску экономить – вот как прижали. Брат Мельхиор ездил с жалобой к епископу, там обещали принять меры – это значило, что Генриху погрозят пальцем и ничего не поменяется. А вот интересно, подумал Айдан, если под исследование о походе Дейермера выбить для монастыря немного денег, другие хронисты примирятся с тем, что их собрат однажды баловался с магическими приспособлениями? Перестанут шептаться и называть колдуном?..

– А как думаете, кого назначат? – вставил Айдан.

– Может быть, брата Мельхиора? – робко предложил один. – Он опытный, знает все каноны, а как молитву читает!

– Говорю тебе: не будет он никого назначать, год будем без начальника, не меньше.

– Но почему?

– Да чтобы спорить с ним было некому! Бернхард, хоть и мало чего мог добиться, много крови попортил его светлости. Старик же чуть что – в замок, и едва не до драки доходило.

– Ой, он всегда так сквернословил... Прости его Владыка!

– Думаешь, твой Мельхиор, так сможет? Говорю тебе: если кого и назначит, то Рихарда. Он свой: почти тоже рыцарь, с бароном тихий, почтительный, а с нас будет драть три шкуры, это как пить дать!

– А как думаете, будет расследование? – встрял ещё один монах. – Наверное, нового не назначат, пока оно не закончится?

– Было бы что расследовать. Дурные соки – сами понимаете...

– А вы знаете, что вчера вечером мастер Бернхард ходил в таверну к девицам? – злорадство в голосе.

– Ещё усопший не сгорел, а вы злословите?

– Так ведь правда! Он же ходил в таверну и вернулся такой довольный! Зачем ещё, если не к девицам?

– А вчера же ещё кого-то зарезали неподалёку, – не сдавался сплетник. – Торговца, вроде. Вдруг это связано?

– Достаточно, молодой человек!

В этот момент Айдан заметил плотную тушу, пробирающуюся к нему сквозь лес из ряса, и буркнув себе под нос: «Да чтоб тебя, Брайан!» – улетелнул.

На другой день Айдан рассеянно плыл в сторону скриптория, где его дожидалась едва начатая рукопись — «История Церкви в Северной Марке». Её заказал кто-то из герцогских приближённых, и это была очень безрадостная работа: растянуть на целый манускрипт историю, которую можно было бы рассказать за страницу. И вот уж месяц Айдан штудировал погодные записи, старательно выписывая имена миссионеров, отправлявшихся в страну орков и, как нетрудно догадаться, пополнявших вскоре каталог мучеников. Одно лишь невольный историк Церкви вспоминал с приязнью: как, уловив нестыковки в житии пятидесятилетней давности подвижника по имени Хенгист, он покопался в источниках и обнаружил крепкие доказательства того, что Хенгиста выдумал мечтавший о собственном святом настоятель одного захудалого монастыря под Молином, а народ подхватил – и вскоре новоявленный подвижник зажил на страницах летописи своей собственной, непостижимой жизнью. Айдан тогда решил показать свои изыскания мастеру Бернхарду, посоветоваться, как деликатнее сформулировать опровержение – старик долго смеялся и много крепких слов адресовал доверчивым селянам, но потом посерьёзней и повелел никому больше не говорить об этом, а в книжке злосчастного Хенгиста вывести настоящим человеком. Сказал: зачем и простой люд, и других клириков расстраивать? Они же могут и в глаз дать, и жалобу подать епископу – тебе это зачем надо? Айдан повздыхал, но смирился. Вот ведь как: официальное учение Света осуждает культы святых, провозглашая, что вся милость лишь у Владыки – но в северном суровом краю нужны все, каких только получается найти, заступники против холода, орков, разбойников, баронского произвола – и ещё Обратной Стороны, конечно же. И возвести хулу на подвижника здесь всё равно что впасть в ересь. Но хотя бы можно было гордиться своей внимательностью. А пока хронист раздумывал о судьбах святых, команда художников проводила свои дни в спорах о том, как правильно изображать на миниатюрах орков. Вот ведь странность: каноны мелочно и придирчиво, различая сотни частных случаев, предписывают, как должны на иллюстрациях выглядеть люди, а про другие расы нет зачастую даже и самых расплывчатых указаний. Но при этом ясно, что если ты нарисуешь, допустим, эльфа не так, как его видит самодур-заказчик, то кто в этом будет виноват? – ну, конечно, не тот, кто сначала твердил, что эльфы высокие и красивые, а потом стал кричать, что все они дети мрака и должны быть злобными и безобразными и, дескать, отдавайте мне мои деньги. Как же здорово будет забросить этот унылый труд и заняться походом Дейрмера! Пока, правда, не очень ясно было, с чего начать. В монастырской-то библиотеке ничего не найдётся полезного. Барон говорил про Хейвенфельт, но это ведь деньги нужны, подорожная, рекомендательные письма к столичным хронистам – к кому теперь за этим всем, раз мастер Бернхард преставился? Айдана окатила волна глупой, подлой обиды на мертвеца: почему именно вчера, почему нельзя было повременить ещё день или два? Совсем растерявшись, он решил, что сегодня посидит над «Историей Церкви»,

В дверях Айдана окликнул брат Рихард, крепкий, суровый, наделённый взглядом посланника богов и статью староимперской статуи. Когда-то он почти стал рыцарем Шипа, но упал с дерева и повредил ногу, – впрочем, это не мешало ему каждый день по несколько часов

размахивать во дворе тяжеленным деревянным мечом и производить впечатление великого магистра ордена имени себя самого. Хронисты его побаивались, потому что брат Рихард вычитывал почти все рукописи, выходявшие из-под перьев братии, и славился умением находить ошибки – а легко представить, что бывает, когда на полностью законченной странице, с прекрасными иллюстрациями и золочёными краями, кто-то находит ошибку или даже просто неверный штрих. Сам брат Рихард писать не любил, буквы получались кривыми и теснились, как воробьи на ветке в холодный день, но умел поддерживать дисциплину и пользовался расположением, почти даже дружбой барона – поэтому многие предполагали, что именно он может сменить мастера Бернхарда.

– Я слышал, ты взялся писать хронику похода Дейермера.

– Кто вам сказал? – выпалил Айдан. Он никому ещё не говорил, прекрасно зная, что не все монахи одобряют это. И так уже достаточно косых взглядов. Правильно барон сказал: трусы.

Ответа не было, лишь пресный взгляд – без любопытства и злости, как на муху, побирающуюся к ломтю хлеба. Конечно, с Рихардом кастелян поделился или даже сам барон рассказал, если протрезвел к ужину.

– Его светлость приказал мне расследовать обстоятельства исчезновения своего отца, – буркнул Айдан и попытался войти, но наткнулся на прочную, непреклонную руку. Пришлось отступить.

– И ты, конечно же, согласился? – к скрипторию шаркал один из пожилых братьев, внутри тоже поднялась пара любопытных лиц, и Рихард отнял руку от косяка, приглашая Айдаана пройти с ним в укромный коридор по соседству.

– Барон вообще-то не спрашивал, хочу ли я.

– Надо же.

– Он просто приказал мне.

– Какой ужас, – всё так же безучастно протянул Рихард.

– К тому же это интересно.

– Вот как? – Рихард приподнял бровь. – Ты ведь понимаешь, что не тебе первому барон предложил узнать, чем кончил его отец?

– Ну... да.

– Ну, да? – усмешка тронула уголки его рта. – Сперва он терзал запросами Королевскую гильдию магов, а когда понял, что там ему ничего не светит, принялся за монахов. И ты, наверное, задавался вопросом, почему история Ульриха фон Ланцига до сих пор не написана?

– Они побоялись?

– Ты прав, – серьёзный кивок. – Им было страшно. А поскольку их отговорки барон даже слышать не желал, мастеру Бернхарду приходилось идти к нему и угрожать совокупным гневом епископа и Владыки Света. Один раз они даже подрались. В итоге Генрих разочаровался в ланцигских монахах и оставил нас в покое – но тут вдруг до него дошли слухи о некоем колдуне в ря...

– Я не колдун! – Айдан и сам понимал, что не надо бросаться на каждого, кто так его называет, но не мог сдержаться.

– О, да, барон был очень разочарован этим. Но ты хотя бы согласился, и он возлагает на тебя большие надежды. В отличие от меня.

– Я знаю, что вы сейчас скажете, – подобные разговоры приелись Айдану ещё в предыдущем монастыре, но и отвечать непрошенным советчикам он успел научиться: – Я не верю, что истина может навредить душе. Бог истины – Владыка Света, Нергеддеон же повелитель лжи, и умолчание – тоже его вотчина. Скрывая правду, мы только вредим себе, а отыскивая её – прославляем Эрдонарта!

– Неплохо, – Рихард кивнул. – Думаю, ты не в первый раз произносишь эту ошеломляющую речь, но кто-то из несчастных жертв твоего красноречия должен был не потерять рассу-

док от восхищения и спросить в ответ, почему ты так уверен в своей способности различить истину?

– Ну... а какой вообще смысл быть хронистом, если не верить, что можешь отличить правду от заблуждений?

Мастер Рихард развеселился, да и сам Айдан признал, что прозвучало уж очень самоуверенно. В прошлый раз он едва не лишился рассудка – сведений же перепали жалкие крохи. Но то было другое: колдовской инструмент, эльфийские ритуалы – а что может быть опасного в обычном сборе сведений?

– И тебя не смущает, что Церковь считает изучение Обратной Стороны губительным для души? Как там... – он воздел палец и словно прислушался к едва слышным отзвукам архиепископских наставлений, и затем изрёк пастырским звенящим голосом: – Изобретателен Падший, кому-то услаждает очи, ласкает слух – иных же манит запретным знанием. И горе тем, кто ищет правды о проклятом чёрном крае, об Обратной Стороне: своей пытливостью они лишь распаивают душу свою для алчных демонов. Неплохая была энциклика, мне нравится её слог.

– А вы сами в это верите? – раздражённо буркнул Айдан, и когда Рихард промолчал в ответ, ввернул давно уже дожидавшийся своего часа довод: – В Писании такого не было, в Писании в принципе нет Обратной Стороны. А Церковь – она и ошибиться могла, правда?

– Потрясающе.

– Вы не ответили. Вы верите, что?..

– Не важно, во что верю я, – он пожевал щёку, раздумывая, что сказать дальше. – Хорошо, я понял, что ты ни во что не ставишь учение Света, устав и монашеские обеты. Само по себе это не является проблемой. Но вот не подумают ли другие монахи, что им тоже всё можно?.. – взгляд Рихарда рассеянно скользнул по стене. – Хм-м.

– То есть вы намерены запретить мне исследовать путешествие Дейермера, чтобы удерживать других от искушения? – спросил Айдан, когда молчание стало утомительным. – И как вы это сделаете? Пойдёте ругаться с бароном?

– Что? – вырванный из паутины раздумий, Рихард моргнул и непонимающе уставился на Айдана. Тому пришлось повторять вопрос. – А. Нет. Я не буду препятствовать. Прости. Тебе, боюсь, не понять моей тревоги о душах других монахов. Ты же у нас ревнитель истины.

Айдан стерпел этот плевок и холодно бросил:

– Так я могу идти?

– Куда? В скрипторий?

– В скрипторий, в Хейвенфельт – в любое место, куда меня призывает Владыка.

– Ах, Владыка. Он такой: как призовет – не отвертись, не правда ли?

– Я могу идти?

– Да-да, конечно, – пренебрежительно махнул рукой, а потом, уже в спину, промолвил: – Ты ведь понимаешь, какой приём тебя ждёт в Хейвенфельте?

– Простите? – Айдан обернулся.

– Это же очевидно, – Рихард позволил себе половинку довольной улыбки. – В столице твой интерес к Обратной Стороне вряд ли встретит понимание. А вот, кстати ещё, – он нахмурился, словно эта мысль сейчас только посетила его, – полагаю, архиепископ уже осведомлён о том, что ты колдун. Хм, такое неудачное сочетание: чародей в рясе, интересующийся Обратной Стороной... Будь ты ещё мирянин... Но тогда ты утратил бы все привилегии и связи, которым сейчас обладаешь, – теперь улыбка высветилась целиком, хоть и ненадолго.

– На меня донесли, да? – не очень-то и удивившись этому, выдохнул Айдан.

– А ты как думал? Брат Мельхиор написал, как только услышал. Сколь жутко доброму чаду Света делить кров с мерзким колдуном. И его послание мы с Бернхардом перехватили – тебе бы оно понравилось, сильные формулировки – но кто знает, сколько ещё монахов поспе-

шили доложить о тебе архиепископу? Так что подумай. Это мне ты можешь сказать: отвали, не то будешь иметь дело с бароном, а в Хейвенфельте Генрих фон Ланциг не сможет защитить тебя.

– Вы хотите сказать, что меня обвинят в ереси? – Айдана прошиб холодок.

– В ереси? Хм. Ты не проповедуешь ничего зловредного, так что нет. Просто отступничество. Думаю, тебя закуют в колодки и посадят на хлеб и воду, – как будто чтобы успокоить, он добавил: – Выпустят, наверное, лет через десять, если раскаешься, но книг тебе больше не видать.

– Что же делать?..

– Не знаю, – так вкусно выговорил, даже облизнулся. – Может быть, всё-таки стоит сказать Генриху, что ты погорячился и не хочешь марать душу об это дело?

– Я... Я подумаю.

– Ну, подумай. Досадно будет, если ты сгинешь, ничего не добившись. Хотя... – Рихард пожал плечами. – Мне всегда казалось, что в этой обители слишком много хронистов, – он отсутствующе кивнул и пошёл прочь.

– Но как же барон? – теперь Айдан кричал ему в спину. – Он ведь... Он ведь сам предложил мне поехать в Хейвенфельт, – два проходивших мимо монаха встрепенулись, как напуганные шумом птицы.

– Как же так, да.

– Ладно барон. А как же Швайгер? Он ведь умный.

– Ах, Швайгер? Швайгер неглуп, да, и у него есть знакомые в столице. Но вряд ли он понимает, как всполошится Церковь, когда ты заявишься там с вопросами по поводу Обратной Стороны. Может быть, если король заступится за тебя... – Рихард мечтательно щипнул подбородок. – Он мог бы: унижить Церковь – доброе дело в глазах его союзников из Королевской гильдии магов. Но, может быть, им будет проще устранить тебя, чтобы не искушал попусту?

Брат Рихард совсем ушёл в себя, беседа разладилась. Айдан не стал тормозить его и побрёл наконец в скрипторий, с трудом продираясь сквозь дебри страхов, которые обильно посеял и взрастил зловредный мастер. Айдану совсем не хотелось на хлеб и воду, и в колодки тоже, но этот исход теперь казался почти неизбежным. Не в Хейвенфельте закуют – так Генрих загравит собаками – и одна из них как будто уже возилась в животе, то и дело прихватывая зубами кишки несчастного хрониста. У входа врезался в Брайана, который караулил за дверью и выскочил навстречу с участливым:

– Что? Что? Скажи! Чего зануда от тебя хотел?

– Да ничего... Не знаю, – отмахнулся Айдан. Вот уж с кем не хотелось говорить сейчас, но тот и не думал отставать. – Это же из-за того, что тебе сказал Генрих? – шёпот противно зашекотал ухо. – Он же тебя попросил разведать о своём папаше?

– Что? Нет! – отпрянул Айдан.

– Да ладно тебе, – рожа Брайана светилась от гордости. – Все об этом только и болтают! Как здорово!

– Ничего хорошего, – обречённо уронил Айдан. Оглядел скрипторий – отовсюду блестят любопытные глазки. Когда, раздражённо подумал он, только успели растрепать?

– Ты ведь волшебник, ты всё сможешь! – восхищённо протараторил Брайан. – А я ещё думаю, что в тебе наверняка течёт кровь шид!

Мнимый колдун очень внимательно посмотрел на него, представив, как этим взглядом замораживает насмерть, но, чтобы толстяка проняло, требовалось настоящее чародейство. Айдан заскрипел зубами. Кровь шид! А дальше что? Почему так трудно смириться с тем, что успех даётся умом и старанием, а не наличием в родословной мифических лесных духов?

Перестав злиться на Брайана, он снова оказался перед обрисованной Рихардом пропастью. Тотчас же собака в животе заворчалась с новыми силами, а голова вспыхнула, словно

туда насыпали горящих угольев. Что с этим всем делать, было совершенно непонятно, и Айдан просто сидел, безразлично пялясь к соседям в рукописи. Вот тянется, разевает пасть, свивает синие кольца дракон на миниатюре, толпятся узкие домишки, мечники сгрудились на крышах, машут оружием, по головам бежит подпись. Одна из чёрточек не в ту сторону смотрит – брат Рихард наверняка заставит переделывать. На столе, прямо рядом с очередным листом «Истории Церкви в Северной Марке» пристроился пучок сухой травы, перехваченный посередине черными нитками – это по-здешнему: «Сдохни, проклятый колдун!» Айдан прищурился. Черноту отчаяния рассекла пылающая дорожка злости: они хотели оскорбить, напугать даже – но не дали себе труда свернуть приличную человеческую фигурку из соломы? Пучок травы – такая глупая, жалкая попытка! Может быть, найти по жадным, прячущимся взглядам и в самом деле пригрозить проклятьем? Айдан ухмыльнулся. Теперь и в голове прояснилось, уголья оттуда вымели, хотя пальцы по-прежнему были словно в снег погружены, а в животе оставалась какая-то слабость. Сейчас ты, Айдан, – сказал он себе, – возмёшь вот это перо и начнёшь писать очередное слово. Ну, зачем ты его сломал-то? Ты ещё пятно туда посади!

Какое-то оживление, все прервали работу, затихли разговоры. Куда они смотрят?

– Братья, – возгласил Рихард. Он стоял возле кафедры, где прежде сживал покойный Бернхард, и, хотя не стал садиться на его место, всё же властно облокотился на стол, похожий на изогнутый росчерк пера. Рядом с ним застыли два незнакомых монаха в чёрном, важные, деловые, словно бы от самого архиепископа. – В этом зале уже несколько столетий... – он замаялся и начал снова: – Мы храним традиции, сохраняем для будущего свою память и память наших предшественников. Но если подумать, то как далеко мы ушли от образа мыслей первых обитателей монастыря! Они приехали сюда как носители Слова Владыки, как просветители душ, они несли бальзам истинной веры блуждающим во мгле народам, – он говорил уверенно, веско, но каким-то будничным тоном и смотрел при этом отчего-то не на затихших, настороженных слушателей, а себе под ноги, словно не верил в то, что говорит. – А мы? Что мы делаем для простых людей? – он широко раскрыл глаза и поднял руку, будто собрался обнять кого-то, потом поглядел наконец на хронистов, растерянно, вопрошающе. – Мы создаём сокровища для княжеских кладовых, обычный человек за всю жизнь и одной такой не увидит. Мы окружили себя золотом и пурпуром, в гордыне своей мы отринули служение людям.

Брат Рихард замолчал, но все понимали, что это не конец, и тишина была хрупкой, настороженной: кто-то кашлянул, ножки стула простонали по полу, шаркнул невнятный шепоток.

– Открывай, – скомандовал Рихард тем двоим в чёрном. Они приподняли и стали аккуратно сворачивать большущий кусок мешковины, под которым оказались доски, винты, целая гора хлама.

«Что за орудие пыток он сюда притащил? – удивился Айдан. – Это дыба, что ли? Мы будем допрашивать еретиков?»

– Вам известно, что это?

– Да, – брезгливо отстраняясь, тонким, дребезжащим голосом ответил брат Мельхиор. Седые волосы тусклым нимбом горели вокруг его головы. – Это печатный пресс.

– Верно, – кивнул брат Рихард. – И с его помощью мы наконец сделаем Писание доступным каждому горожанину, лишь бы он умел читать, – выпучив глаза, он выбросил над головой корону из пальцев и, резко тряханув ей, превратил в сжатый кулак – знак рыцарей Шипа, одним из которых он так и не стал.

Брат Рихард ещё что-то говорил, но его слова потонули в потоке возмущения. Кошунство! Грузный гроб, в котором живое слово становится немым, неподвижным, станет воспроизводить светодухновенное писание?! Это изобретение неэРН! Ты нас всех сделаешь идолопоклонниками! И после нескольких веков служения ты говоришь нам, что мы занимаемся никому не нужным делом? Да нешто мирянину пристало самому читать Писание?! Умеет читать? Да это просто смешно! Неподалёку от Айдана кто-то прошипел: «Всё из-за колдуна, теперь оби-

тель на плохом счету у епископа, и Рихард будет выслуживаться». Другой ответил ему таким же громким, самодовольным шёпотом: «Твоя правда. Напишу-ка одному знакомцу во Фрезе, пусть поговорит с епископом. Негоже всей братии страдать из-за одной паршивой овцы».

Айдан шмыгнул носом. В Хейвенфельте, быть может, ждали колодки, прогорклая вода и чёрствый хлеб – но тот же самый арсенал мог появиться и в Ланциге. Зачем тогда терпеть неприязненные взгляды, вот этот мерзкий шепоток? Почему бы не рискнуть – как тогда, с пирамидками?..

Рыцари, охранявшие баронский замок, долго не могли поверить, что Айдана действительно стоит пускать внутрь. Сначала они смеялись и кричали, что подавния нищенствующим орденам раздаются в другой день недели – правда, не уточнили, в какой, – потом долго и достаточно изобретательно ехидничали по поводу смазливых служанок на кухне. Испить до дна чашу их остроумия помешал начальник караула, вислоусый, с повязкой на левом глазу. Едва появившись, он немедленно обругал всех, кого смог увидеть в тесном пространстве ворот: рыцарей за то, что занимаются дурью, Айдана за то, что не может объяснить нормально, зачем притащился, а пробежавшего поблизости мальчишку-поварёнка – за то, что стоял и пялился на всё это. Но после взбучки пропустил внутрь – и на том спасибо.

Замок жил своей обыденной и непостижимой жизнью. Суровые и неразговорчивые мужики грузили на телеги ящики, важные и столь же молчаливые рыцари вышагивали по двору, из кухни восхитительно пахло свининой – ох, в монастыре бы такие запахи, – в бойницах большой круглой башни что-то сверкало, но никто, решительно никто не мог подсказать, где искать барона. Попытался всё-таки сунуться на кухню, но судомойка с птичницей как на Обратную Сторону провалились, а повара погнали к демонам незваного гостя.

Айдану оставалось только вздыхать и бессильно звать к серому в разводах, в тон каменной кладке небу – всё лучше, чем возвращаться, поджавши хвост, в монастырь. С краешка дерновой крыши на него поглядывал воробей – внимательно, с любопытством, то так, то этак поворачивая голову. Потом ему это надоело, он спорхнул по широкой дуге вниз, что-то клюнул, вновь покосился на Айдана и был таков.

Наверное, вздохнул хронист, всё-таки надо возвращаться, куда стража не погнала, вон как пялятся; думают, наверное, я тут окорок с кухни стянуть пытаюсь. И о чём он раньше думал? Может, барона и вовсе нет в замке... Может быть. Но у кого спросить-то?

Айдан уже сделал первый шаг – дверь донжона распахнулась, грохнула о стену, и наружу, щурясь и кряхтя, вывалился самолично Генрих фон Ланциг, в подбитом мехом плаще, с вихром на макушке и рослым телохранителем в придачу. Айдан ринулся к нему.

– Ваша светлость, – низко поклонившись, возвестил он.

– Ты кто такой? – барон выпучил усы. Судя по запаху, он уже успел приложиться к бутылке. Сопровождавший его рыцарь пододвинулся ближе и схватил Айдана за предплечье, так что не шевельнуться, не вырваться, вот сейчас раздастся «Вышвырни отсюда проходимца» – и эта мощная рука отправит беднягу-хрониста кубарем по всей дороге к подножью холма. Барон сплюнул и буркнул:

– Чего тебе?

– Я это самое... Ваша светлость сказали... что я могу в Хейвенфельт поехать... изучить литературу. Ну, вот...

– Хммм... – прогудело у барона в горле. – Ну, да.

Он мотнул головой, и рыцарь отступил. Айдан потёр предплечье – болит, зараза.

– Швайгер! – держась за грудь, крикнул барон. – Швайгер!

– Да, ваша светлость, – вынырнул из-за угла верный и почтительный кастелян.

– Разберись! – барон махнул рукой в сторону Айдана, а сам дал знак рыцарю и помчался прочь с такой прытью, словно за ним гнались разом депутация городского магистрата, архиепископский легат и посланцы Королевской гильдии магов.

– Ну? – терпеливо, но холодно спросил Швайгер.

Айдан повторил просьбу. Всея его храбрости едва хватило, чтобы добавить: – Мне бы денег...

– Хейвенфельт, значит... Конюх! – наконец молвил Швайгер, и на зов его примчался бородатый, широколицый, очень ловко кланяющийся мужичина. – Выдай парню резвого коня, – тот согнулся едва не пополам и устремился было прочь, но кастелян растворил рот, и даже уже до того, как оттуда донеслись первые слова, слуга снова стоял рядом и снова был почтительно согнут – Хотя знаешь, – взгляд Швайгера скользнул вверх и вниз по далёкой от атлетических пропорций фигуре Айдана. – Лучше какую-нибудь смирную клячу... – и уже вдогонку прикрикнул: – Или осла! Или большую и добрую собаку. Да хоть какое-нибудь существо, которое не покалечит этого доходягу.

Пока длились поиски доброй собаки, Швайгер сходил наверх, в канцелярию, и вернулся уже не один, а с красивой сложенной вчетверо грамотой, которую явно не прямо сейчас накарябали, а подготовили заранее. Бережно развернув пергамент, Айдан первым делом увидел красную печать с конным витязем, попирающим орка. Ему уже приходилось думать о том, какой насмешкой может она показаться нынешнему барону: ведь едва ли раз в два года Генриху доводится размахивать мечом, разя супостатов направо и налево. С печатью соседствовала крупная и размашистая, но слишком простая на вкус Айдана подпись фон Ланцига; легко было представить, как барон кричит «Да провалитесь уже!», раздражённо калякает пару неразборчивых букв и гонит писак прочь, чтобы можно было наконец уединиться с кубком вина и воспоминаниями. Выше теснилось много букв; документ предписывал не чинить подателю сего препятствий на дорогах, в замках и монастырях, на постоянных дворах и ещё в самых неожиданных пристанищах, лишь бы тот проводил свои дни в исторических изысканиях. Вдохновлённый столь внушительной подорожной, Айдан даже забыл про собаку. Впрочем, – хвала Владыке! – это оказалась и не собака вовсе, а лошадь: задумчивая, толстоногая, с гривой, торчавшей почему-то вперёд, так что и глаз не было видно. Возле конюшни трое слуг потешались и показывали пальцами то на кобылу, то на её горе-всадника, но тому до них не было никакого дела. Он-то ждал, что приведут сильного, пугающего зверя, а эта лошадь была совсем не страшной.

Конюх подробно и терпеливо рассказал, как надо её седлать, как закрепить мешки на скользкой спине, чем её кормить и как отличить неумелого трактирного прислужника, который только попортит лошадь, от такого, которому что-то можно поручить. Голова наполнилась ценными и удивительными знаниями – приятное ощущение, хотя и длилось оно лишь до первого поворота на дороге: потом вдруг оказалось, что из всего рассказа уцелела только пара занятых подробностей. Вот, например, что зовут кобылу Гердой.

Швайгер на прощание тоже поделился несколькими советами, не то чтобы совсем неожиданными:

– Не выезжай из Ланцига сам по себе, – строго наказал он. – Утром второго дня уходит караван до Визигера, с ними отправишься.

Айдан вежливо покивал, а сам подумал: тоже мне новость, да, во имя Владыки, любой идиот знает, что по Северной марке нельзя передвигаться в одиночку!

– Вот ещё тебе на расходы, – в Айданову пригоршню плюхнулся тяжёлый кошель. – Но это не значит, что в первом попавшемся городе надо напиваться и плясать со шлюхами! – грянул вдогонку Швайгер. – Это на пергамент, чернила, не знаю, что ещё вам надо, писакам! Хейвенфельтских святош порадовать, чтобы стали сговорчивей – смекнул, к чему я? Не раскидывайся просто так золотом, и не показывай никому, сколько у тебя есть: прирежут и за

меньшее. Услышал? Точно? Хм, вообще, знаешь... – кастелян смерил Айдана неодобрительным взглядом. – Я пошлю с тобой пару крепких парней... под видом рубак из охранения... да, так хорошо будет... А сам не суйся под меч без надобности. Усёк? Его светлость на тебя большие надежды возлагает – смотри у меня, не обмани его доверие! Не то будешь со мной иметь дело, – вместо прощания бросил кастелян, смотря куда-то через плечо Айдану. – Да куда вы складываете-то?! – крикнул он мужикам, грузившим во дворе какие-то телеги.

Постояв немного в растерянности, с поводьями в одной руке и с кошельком в другой, Айдан понял наконец, что никому до него больше нет дела и отправился в монастырь. По пути его беспокоило лишь одно: утро второго дня – это какое именно? Сегодня первый день или завтра? Эту тонкость гевинтерского языка он всё никак не мог прочувствовать. Решил в итоге, что разберётся вечером, и спокойно отдался фантазиям, в которых библиотеки Хейвенфельта распахивали свои самые сокровенные хранилища перед северным гостем.

В монастыре довольно странно посмотрели на Герду, ещё менее одобрительно – на монаха, решившего оставить дисциплину общежития ради познавательных странствий. Немногие из них всерьёз верили, что атмосфера послушания спасительна для души, и почти все осознавали, как опасно монаху интересоваться Обратной Стороной, но, по крайней мере в теории, каждый второй считал себя гораздо более достойным отправиться в хейвенфельтские архивы. Искренне радовался удаче собрата один только Брайан, но тот вбил себе в голову, что просто-таки обязан составить ему компанию и отравлял жизнь, выдумывая опасности, порой совершенно бредовые, вроде странствующих по дорогам Гевинтера суккубов. Хоть какую-то защиту от него давало только имя Рихарда, который якобы не желал отправлять на это не вполне угодное Свету дело более одного монаха. Оставалось лишь надеяться, что он не пойдёт проверять слова Айдана и отвяжется в конце концов. Но всех, конечно, перещеголял престарелый брат Мельхиор, который после обеда закатил настоящую истерику, перечисляя заслуги перед её светлостью Историей, оказанные им за годы безупречной службы, призывая в свидетели давно почивших собратьев по цеху, которые, если только их прямо сейчас призвать с того света и поставить рядом в трапезной, в один голос признали бы именно его и никого другого достойным этой важнейшей и ответственной миссии.

– И я не могу понять, – дрожащим от возмущения голосом промолвил он в заключение, – как Владыка Эрдонарт в его божественной мудрости допустил, чтобы жребий этот пал на человека, столько очевидно, во всех смыслах недостойного! – и воззрился, уставя палец, как будто ожидая, что поименованный мальчишка прямо сейчас расплачется, падёт ему в ноги и воскликнет, хныча: о, брат Мельхиор, молю, займись этим сам! Все остальные молчали, переводя с опаской взгляды с юноши на старца, и ждали развязки. Даже служки, собиравшие посуду, застыли и боялись звякнуть плошкой.

Айдан многое мог бы сказать. Он думал: «Я, конечно, понимаю, что отправить в Хейвенфельт именно меня – это не самый блестящий выбор, но вот уж точно я не бестолковый и уж вовсе не необразованный. А если кто-то хочет исследовать путешествие Дейермера, то надо было вызываться первым, а не ждать, пока у кого-нибудь другого достанет смелости принять предложение барона. Так что шиш тебе, а не поездка, старый болван! Ох, надеюсь, лицо у меня сейчас не слишком агрессивное...»

Забывшись, Айдан часть этой речи произнёс, хоть и без звука, губами – брат Мельхиор это заметил и стал кричать: – Вот! Вот! Он меня хочет проклясть! – старик схватился за сердце, словно чары уже начали действовать.

– Может, он и барона заколдовал? – услужливо прикрикнул один из монахов. – Давайте сдадим его королевской гильдии магов?

– Довольно, – донёсся негромкий, спокойный голос мастера Рихарда. – Мы никого никуда не будем сдавать. Брат Мельхиор, присядьте. Принесите ему кто-нибудь воды. Брат Мельхиор,

мы все безмерно ценим ваш опыт и вашу мудрость, но ваше здоровье таково, что и поездка до Визигера может устроить вам досрочную встречу с Владыкой.

– Я столько лет...

– Мы все это очень хорошо знаем. И опасность потерять вас мне представляется слишком большой, чтобы рисковать и отправлять вас в столь дальнее путешествие.

Брат Мельхиор сел и принял услужливо поднесённую кружку с водой; вид у него был совершенно опустошённый. Рихард же пальцем подозвал Айдана и велел немедленно явиться к нему, в бывший кабинет мастера Бернхарда. Вот так быстро он поменял владельца: урна ещё стояла у входа в церковь, а преемник уже вступил в свои права и сидел за столом покойника. Всё это очень печально. Раньше в кабинете было много разных занятых вещей: серебряная чернильница, указка из слоновой кости, настоящее оружие – для вдохновения, как говаривал старый Бернхард, – несколько циркулей, чучело павлина – больше Айдан, бывший у мастера всего раза три, и то по делу, ничего не смог вспомнить, но пространство казалось обжитым, заполненным. Стены были залеплены картами; казалось, нет такого клочка суши, который не попал бы сюда. Мозаичное окно было набрано из разноцветных ромбов. Словом, кабинет доброго волшебника, а не сухого и бранчливого хрониста. Теперь осталось только то, что, совершенно необходимо для работы: незатейливый набор письменных принадлежностей, стопка бумаги, несколько книг религиозного содержания, доска с выписками из устава Белого Братства и военный переносной алтарь.

Мастер Рихард уселся за стол, откинулся на спинку кресла и, пальцами левой руки постукивая по деревяшке, правой предложил Айдану сесть напротив.

– Не слушай брата Мельхиора. И всех остальных тоже. Ты, конечно, молод и многого не понимаешь, но у тебя живой ум... Ну, и ты будешь более долговечен, чем, хм, многие другие, а это может оказаться важным. Жаль только, что ты не сможешь постоять за себя, хм, в случае чего.

– Живой ум, который вскоре уморят на хлебе и воде? – не сдержался Айдан.

– Может быть, – ответил Рихард так спокойно, словно речь шла о ценах на древесину, а не о человеческой жизни.

– Ясно. По-вашему, мне всё-таки лучше отказаться?

– Нет, я подумал и понял, что оставаться в Ланциге тебе точно не стоит.

– Почему?

– А ты как думаешь? Даже если архиепископу неохота будет разбираться с тобой, добрые горожане могут и сами захотеть очистить монастырь от колдовской скверны.

– Вы же знаете, что я не колдун!

– Не нужно кричать, – Рихард недобро сощурился. – Я знаю, да. Мы с Бернхардом с самого начала понимали, кто ты. Но как ты это объяснишь горожанам?

– Отлично... То есть я должен всё-таки поехать в Хейвенфельт навстречу судьбе, какой бы она ни оказалась – так?

– Возможно, если ты сбросишь рясу раньше, чем курия предъявит тебе обвинения, тебе удастся избежать худшего. Но это надо сделать с умом, а то ещё и нарушение обетов припишут. У меня есть один знакомый в столице, он может организовать это, я напишу тебе, как его найти.

– Звучит не очень заманчиво, если честно. С бывшим монахом никто ведь не захочет иметь дела. Я ничего не выведаю об Ульрихе фон Ланциге и кончу жизнь секретарём у какого-нибудь неграмотного купчишки.

– Не знаю. Интерес к Обратной Стороне может открыть перед тобой неожиданные двери. Например, двери в темницу. Хм. Извини, это было недостойно, – но выражение лица Рихарда показывало, что он получил от этой оговорки определённое удовольствие. – Тебе стоит поискать в столице единомышленников, кого-то, кто тоже интересуется Обратной Стороной.

– А где их искать-то? – Айдан не слишком удивился, когда Рихард в ответ неопределённо повёл плечами.

– Я в самом деле не вижу других вариантов. Хейвенфельтские архивы самые полные во всём Гевинтере, но даже и там ты вряд ли многое найдёшь о Дейермере. Не в Толимар же ехать! – он хохотнул.

Айдан сперва тоже фыркнул, но потом уцепился за эту безумную идею. Толимар был городом чародеев, расположенным на берегу Ведера к северо-западу от Ланцига, и, если верить скупым строкам хроник, Дейермер после Ланцига направился прямо туда, затем проследовал вдоль Ведера на восток, вниз по течению, и в итоге спустившись в таинственный и злоеущий Туманный Ров – один из немногочисленных разломов, связывающих этот мир с Обратной Стороной. Таким образом, выходило, что Толимар был последним крупным городом – всякая мелочёвка вдоль реки не в счёт – повидавшим Дейермера перед неведомым финалом его странствия. В том, что там велись записи, Айдан не сомневался, причём толимарские колдуны явно должны были заметить больше, чем простые хронисты: ведь они не только волшебники, но ещё и отъявленные безбожники, не укрывающиеся от истины за древними буквами священного Писания. Одна проблема: в тот единственный раз, когда ланцигская братия отправила к ним посланников для консультации по историческим вопросам, их развернули, но вдруг Обратная Сторона покажется толимарцам достойным предметом для беседы? Айдан так разволновался от этих мыслей, что ушёл в себя и пропустил несколько фраз, но ему показалось, что Рихард не мог уже говорить ничего важного. Дождавшись паузы, Айдан проговорил:

– Не могу понять, почему вы так спокойно говорите об этом. Не о колодках, нет, я понимаю, что у вас нет причин жалеть меня. О Дейермере и Обратной Стороне. Я уверен, что мастер Бернхард кричал бы на меня, пока я не передумал бы заниматься этим, но он верил, что исследовать эту тему греховно. А вы?

– Тебе всё-таки не наплевать на свою душу? Хм. Греховно – это неправильное слово, – мягко возразил Рихард. – Неосмотрительно. Ты отправляешься в тёмную пещеру и надеешься не потеряться. Но достанет ли тебе света, чтобы найти путь назад?

Он встал и подошёл к окну. Разноцветные блики придавали его лицу какой-то странный, временами шутовской, временами злоеущий вид. Взгляд рассеянно блуждал по дорожкам в монастырском саду.

– Я слышал, ты хотел знать, отчего умер мастер Бернхард.

– Когда я пришёл, его уже отпевали. А что...

– Тогда тебе, наверное, будет интересно знать, что после повечерия он жаловался на сильное сердцебиение, а потом ему стало трудно дышать. Без сомнения, его погубило большое сердце, – он помолчал. – Мы все знали, что мастер не очень здоров, это был лишь вопрос времени. Хорошо, что Бернхард умер во сне. Добрая смерть.

Повернувшись к Айдану, Рихард какое-то время изучал его, словно решая, достоин ли посланник – только чего? Потом он решил, вернулся за стол и из выдвинутого ящика достал что-то, обёрнутое в кожу, и положил перед Айданом.

– Что это?

Мастер Рихард пошевелил нижней челюстью, словно отыскивая во рту нужное слово. Потом неспешно, аккуратно промолвил:

– Вряд ли ты знал об этом, но много лет назад мастер Бернхард интересовался путешествием Дейермера и Обратной Стороной. Он собрал кое-какой материал, но потом что-то, хм, убедило его прервать эти исследования. Вероятно, он осознал, в какие бездны может привести его этот путь, и поспешил свернуть обратно на стезю благоразумия. Больше, насколько я знаю, он к ним не возвращался и не разрешал это делать другим. Я собрал здесь всё из его архива, что могло бы относиться к этой теме. Возьми. Быть может, это послужит отправной точкой твоих изысканий.

Айдан сдержанно поблагодарил его. Похоже, что мастер Рихард решил избавиться разом и от паршивой овцы, и от всех орудий искушения. Интересно знать, что там внутри... И что за таинственные причины побудили мастера Бернхарда перебежать в лагерь тех, кто молчит о зле. Или он в самом деле думал, что поход Дейермера никак не связан с Обратной Стороной, а когда выяснил, то отбросил результаты своих исканий? Пальцы прикоснулись к тонкой, гладкой коже.

– Ну, всё, ступай, – поднимаясь, произнёс Рихард.

Мысли о Толимаре весь вечер донимали Айдана. С одной стороны, отправиться туда значило пойти наперекор и кастеляну, и мастеру, с другой – если там будут ответы, если вернуться оттуда с полной, окончательной историей Ульриха фон Ланцига, то вряд ли кто-то из них станет жаловаться. И уж точно в Толимаре никому не придёт в голову сажать человека на хлеб и воду за подозрения в колдовстве. К полуночи последние сомнения растаяли, и Айдан стал потихоньку, стараясь лишний раз не зашуршать и не скрипнуть, собираться в дорогу.

Он не стал никому рассказывать о своём решении: вдруг запретят? Конечно, это значило, что у него не будет ни рекомендательных писем, ни каких-либо указаний о том, к кому можно было бы обратиться, и воображение порой рисовало картины, в которых он тщетно стучался в городские ворота, а со стены несло: «Да проваливай уже, святоша!». После нескольких часов терзаний он решил, что как-нибудь разберётся с этим на месте. К счастью, хотя бы подорожную составили так, что ей можно было пользоваться повсюду в Северной Марке, не уточняя пункта назначения.

Караван до Толимара отправлялся на следующее утро, и Айдан, так и не сомкнув глаз за ночь, решил ещё затемно выйти из монастыря. Пока седлал лошадь, руки дрожали, от волнения он никак не мог совладать с уздечкой, но его невольная попутчица понимающе смотрела на него и тихо фырчала – и вместе они справились. Айдан вскарабкался в седло и выехал во двор. Тонкая жёлтая линия разлеглась у приоткрытых дверей храма, хотелось пристроиться рядом с ней и погрузить немного перед поездкой, но чья-то тень мелькнула внутри, спугнув этот порыв. Айдан спешил, чтобы открыть ворота, – не подумал, как затворить их, но с ночной службы на стон заржавленных петель притопал престарелый, почти слепой монах, который помог с этим. Забыв даже попрощаться с ним, молодой хронист втиснулся в перепутанные, как орнамент аойненской буквы, переулки, погрузил у колодца, прошёл мимо главного ланцигского храма – в одну, в другую сторону, пока наконец не отважился зайти и помолиться, довольно долго просидев у холодного алтаря и борясь с мыслями о том, что, раз изучение Обратной Стороны заклеено Церковью, просить у Эрдонарта помощи в этом не слишком правильно. Владыка ничем и не дал понять, услышано ли прошение, зато небо начало сереть, а это значило, что близок бессолнечный рассвет и отправление каравана. Вдобавок одна из обретавшихся при храме старушек пришла убираться, и Айдан поспешил уйти, пока она не начала интересоваться, что это за монах пачкает полы своими ножищами.

На грязной тесной площади уже топтались странники. Переступали копытами кони охранного отряда, глухо бубнили, косясь на ополченцев, крестьянки, погружённый в себя мужчина в чёрном бархатном плаще задел Айдана плечом и даже не заметил этого, бородачи громко бранились, у одного из порванного мешка на землю просыпалась картошка. Гомонили ребятишки на передке гружённой пухлыми тюками телеги, на глазах у Айдана двое подрались и сверзились прямо в лужу, а ещё один... нет, пожалуй, не один, а одна: волосы ей коротко и неровно постригли – они настолько грязные, что цвета не определишь – и одели мальчиком, но рожица всё равно девчоночья. А так-то не самая глупая идея, особенно когда вокруг столько солдатни. Это даже не рыцари, а военизированное крестьянство, мужичье с дубинками. От

разбойной голытьбы такие, пожалуй, отобьются, а больше никого босяцкий караван и не интересует. Айдану доводилось видеть, как перевозят ценные рукописи: так там и рыцари в охране, и чрезвычайно важные господа из королевской гильдии магов. Вот что значит искусство! Он ещё раз поглядел на ближайшего ополченца, криворожего, что-то жующего; внутри беспокойно стукнуло: а этим ведь ничего не стоит сговориться и разграбить караван по дороге, а потом всё свалить на орков, мародёров, мятежных баронов... Нет, всё-таки с рыцарями было бы поспокойнее.

От греха подальше он решил пробраться внутрь. С Гердой это оказалось тяжелее обычного: лошадь не хотела понимать, что между вот этим плечом и бортом телеги можно протиснуться, плечо и телега, как позже выяснилось, тоже разделяли её сомнения.

– Следи за кобылой, ряса! – гаркнул один из мужиков с картошкой. Айдан оглянулся на него, но не понял, что было не так.

– Каков, а? Ни «здрасьте», ни «прости»! – откликнулся второй бородач.

– Во монахи пошли. Эй, зенки-то раскрой! Твоя кляча мне сейчас всю картошку передавит!

– Ой, простите...

– Что простите? Кто мне теперь за это заплатит?

– Владыка воздаст вам, добрые селяне, – пастырским тоном бросил им Айдан, а сам поспешил отвернуться, чтобы никто не разглядел улыбки. Иногда неплохо быть клириком.

Занятый Гердой и перепалкой с ценителями картофеля, он позабыл, что надо смотреть вперёд, и очнулся уже только ткнувшись во что-то мягкое, но крайне устойчивое, отбросившее его почти на землю; только в последний момент получилось уцепиться за скользкую деревяшку – удачно подвернувшийся борт повозки. Он вставал, бормоча неразборчивые извинения – ещё неясно кому – и его охватил запах, плотный, влекущий, ускоряющий сердце. Затем возникла тёмная фигура. Она была в куртке с капюшоном, лицо полностью скрыто в тени, лишь несколько прядей светло-рыжих волнистых волос разлеглись на груди словно сторожевые львы у входа в пещеру. Едва посмотрев на монаха, она отвернулась. Его же взгляд скользнул ниже и заметался в панике. Подпоясанная мечом стройная фигура словно сошла с миниатюры, исполненной самим Создателем. Айдан вдруг представил себя на коне, с мечом и в доспехах, расстриженным и совершенно свободным, обретшим законное наследство после кончины болезненного племянника, надменно взирающим на суетящихся внизу людишек, вот он проталкивается сквозь толпу, топчет эту золотушную картошку, а следом за молодым господином едут верные телохранители. В этот момент Герда ткнулась носом ему в щёку, а откуда-то из-за неё донеслось:

– Эй, святоша, если твоя кобыла так и будет плясать на моей картошке, я ей хвост отрежу и нос тебе затолкаю!

– Иди к Нергеддеону! — крикнул в ответ Айдан. В этот момент над площадью пронеслось «Выходим!» – и вся толпа пришла в движение, помешав бородачу затеять драку с обидчиком. Ребятишкам отвесили затрещин и усадили на передке, монахи прервали беседу, улыбочивый парень в чёрном взлетел на спину лошади, ополченец сплюнул и тронул с места. Путешествие началось.

Дорога на Толимар

Никак не желал кончатся унылый бессолнечный день, и дорога всё тянулась прямо, всегда прямо, если только это не был какой-то хитрый обман зрения. Встретится холм – взбирайся на холм, встретится впадина – полезай прямиком в жидкую грязь. Это были совсем не старые имперские дороги, где иной раз мило, а то и две подряд приходилось ехать по ладно пригнанному друг к другу каменным плитам.

Тяжко ступали лошади, хлюпали, погружаясь в жижу, сапоги, скрипели колёса, кричали, смеялись дети – после двух часов езды от воплей уже болели уши, – храпела на телеге сморщенная старуха. По сторонам вспухали и оседали зеленоватые холмы, голые, почти гладкие, лишь иногда попадалась рощица, каменюка, обломанный клык заброшенной сторожевой башни, остов разрушенной церкви или деревня, обнесённая крепким частоколом. Гораздо чаще одноцветье нарушали серые катышки овец, чья шерсть составляла гордость северного края наравне с искусством ланцигских хронистов и доблестью защитников ведерского рубежа.

Крестьяне в телеге впереди оживлённо спорили, показывая на небо.

– По-твоему, ливанёт?

– Да как пить дать! Не развезло бы дорогу.

– Э-эх, увязнем! Не видать нам сегодня доброго ночлега.

– Эй, вы, уроды, не каркайте!

Айдан мысленно поддакнул. Никому не охота попасть под дождь посреди дороги. А в облачном щите ни единой выщерблины.

– А ты сам хлебало-то закрой, пока при зубах!

– Ты, мать, что думаешь, ливанёт?

– На всё воля Владыкина! – благочестиво закатив глаза, охнула разбуженная перепалкой старушка. Потом вдруг набросилась на кривобокого мужичка – сына или племянника: – Ты ж Добрым Братьям отнёс монетку? Подал сердобольным?

Тишина была ей ответом. По лицу видно было, что запамятовал. И тут началось!

– Ах ты светопродавец окаянный, по твоему небрежению нас всех схарчат орки, клыкачи окаянные, да закусят болотной тиной!

Как только речь зашла об орках, весь караван переполошился, кому-то привиделось, что уже с холма катят нелюди на огромных волках, повсюду крики, плач, отчаянные молитвы – еле уgomонились. А бабке пригрозили:

– Ишчо раз тут выступать задумаешь, – рыкнул, демонстрируя палицу, громила из ополченцев, – съездим по хребтине.

И никто не подумал даже встать на защиту. Но старуха, хоть и не кричала теперь на весь караван, продолжала допекать племянничка, убеждая, что, если не подать милостыню, не убожить Светлого Владыку, то быть им всем в орочьих желудках. Тот повздыхал, но всё-таки отправился к Айдану с парой монет – дескать, ты ж монах, вот, держи приношение – а когда тот стал отбрыкиваться, кто-то присоветовал просто бросить медяки в грязь, проводив молитвами: Владыкино-то завсегда найдёт получателя, какой-нибудь странник подберёт.

Ведерская марка никогда не была гостеприимным местом. Пришлецов там не встречали мягкие травяные ковры, им не шептали приветливо дубравы, жизнь в этих суровых краях могла показаться притягательной только злодеям, бежавшим от правосудия, отступникам, да, пожалуй, ещё любителям по многу месяцев пялить глаза в горизонт из окна сторожевой башни, одной рукой придерживая кружку с пивом, а другой – полируя верный клинок. Айдану нередко казалось, что всё это место – один большой монастырь, где ничто, решительно ничто не должно цеплять глаз и отвлекать от мыслей о вечном Свете. Но без народа страны не будет – и герцоги делали всё, чтобы каждый здесь чувствовал себя желанным гостем: одни находили на севере

отпущение грехов, другие – снисходительность к вольнодумству, третьи – достаточно лёгкие повинности, четвёртые – противоположный берег Ведера, населённый могучими и воинственными орками, которые большую часть времени проводили в междоусобицах, но порой всё-таки собирались и устраивали набег.

Лет сто назад про клыкачей даже и не слыхивали; поселенцы запросто переходили на тот берег, распахивали луга, основывали города, сгоняли с земель половинчиков, умудрялись даже вырастить что-то за короткое и ненастное лето, – одним словом, хорошо проводили время. Но потом из Холодных врат – широкого перевала у северной оконечности Осевого Хребта – хлынули полчища зеленокожих, и серо-зелёная палитра пустошей пополнилась чёрным и алым – цветами сожжённых городов и пролитой крови. В представлении простого люда орки были кем-то вроде демонов: дьявольски плодovитые, безразличные к смерти, а из развлечений признающие лишь истребление беззащитных людишек. Церковь эти воззрения, с одной стороны, поддерживала, объявляя нашествие зеленокожих справедливой карой за грехи, за небрежение в молитвах и призывая к покаянию, но в то же время пыталась и самих орков обратить в истинную веру – правда, не очень успешно. Рыцари тоже старались приукрасить мощь и жестокость клыкачей, сочиняя истории о том, как зеленокожий богатырь голыми руками расправляется с шестью всадниками, а зловещий шаман за его спиной насылает на врагов град и тучи воронья. Всё это, конечно, проскальзывало и в хроники, но порой среди легенд мелькали и правдивые сведения.

Как рассказывали сами орки, они пришли через некую ледяную арку, которая таинственным образом распахнулась прямо в сердце их родного мира и закрылась через год, отрезав тех, кто решил попытать удачи в неизведанном краю, от отцовских кочевий. Не сумев открыть её снова, зеленокожие переругались и, разделившись на десяток племён, разбрелись в поисках хороших земель и обнаружили вскоре, что попали на пустынные северные рубежи Гекáтонской империи – обширной и богатой, но рыхлой и совершенно не готовой отражать новую угрозу. Наместники приграничных городов перепугались, получив от невиданных прежде широкоплечих и клыкастых великанов требование «земли и неба». Некоторые откупились и получили передышку, другие спешно собрали войско и были разбиты. Орки были рады золоту, вожди равнодушно разбивали драгоценные кубки и ломали украшения, раздавая их по кусочкам своим бойцам, а те считали, что вместе с побрякушками получают части предводительской удачи, которую следовало сохранить понадежнее – лучше всего утопить в болоте или спрятать в дупле старого дерева. К щедрому вожаку прибивались всё новые головорезы; прижимистого запросто могли принести в жертву Отцу-Небу. Новые, тучные земли тоже радовали клыкачей: пастбища получше, чем в северных степях, к тому же всюду города, которые можно грабить, и белокожие крестьяне – хилые и трусливые, которых можно сделать рабами или просто заставить драться друг с другом на потеху клыкастому воинству.

Орки всё не могли решить, как относиться к людям. На их родине были только говорящие драконы, которых приходилось уважать, чтобы не сожрали, а тут вдруг какие-то белоручки, прячущиеся в каменных укрытиях и боящиеся доброй сшибки. Некоторые из орков всё же считали человечество небезнадёжным, и у таких вождей в дружинах можно было встретить людей-перебежчиков, которые уделу раба предпочли службу зеленокожим, и вчерашних бандитов, которых дома ждала виселица. Но многие клыкачи, особенно шаманы, утверждали, что люди одним своим существованием оскорбляют Отца-Небо, и лучше бы их всех истребить поголовно – а поскольку никто не знал, кому из родичей вождя или его побратимов придёт в голову свергнуть его, служить оркам было почти так же опасно, как сражаться с ними. В одном лишь зеленокожие сходились: каменные строения – это мерзость, их надо рушить и жечь, а жителей выгонять в чистое поле, чтобы не прятались от взора Отца-Неба. Сами они предпочитали жить в шатрах, а то и вовсе под открытым небом, похваляясь перед изнежен-

ными людишками своей выносливостью, хотя для вождей порой строили деревянные пиршественные чертоги.

Придя в себя от первого потрясения, империя всё-таки сумела сдержать орков. Некоторые племена удалось купить богатыми подношениями, других сделали федератами, выделив земли из приграничных провинций, третьих разбили в жестоких сражениях, отозвав войска с других рубежей и натравив некоторые племена зеленокожих друг на друга. Конечно, север стал гниющей раной, пожирающей и солдат, и ресурсы, но и оркам пришлось оставить мечты о покорении юга и искать новых земель на востоке – они добрались до Осевого Хребта, служившего пределом имперских амбиций, и, перейдя его через Холодные Врата, вскоре обрушились на Гевинтер. По ту сторону Ведера решительно ничего не было способно их остановить, немногочисленные города были растоптаны, крестьяне разбежались или угодили в рабство. Южный, крутой и высокий берег реки на какое-то время задержал орков, но потом они всё равно прорвались на территорию будущей Северной марки и разграбили те три города, которые там смогли найти. Гевинтер теперь лежал практически беззащитным у их ног, но у клыкачей захворал вожак, и они вернулись на север, чтобы передохнуть и обустроить новые владения.

Орки вскоре поняли, что для решительного натиска на юг их маловато, и вызвали гевинтерцев на переговоры, требуя от них не только признать уже свершившиеся завоевания, но и платить дань. Люди стали тянуть время и, как могли, – золотом и коварными речами – распалили разлад между братьями вождя, пока наконец те не передрались – и тогда гевинтерцы вышвырнули клыкачей за Ведер, укрепившись на круче над рекой, но лишь для того, чтобы через пару лет вновь отступить к самому Северному валу; там уже орков кое-как, с натугой остановили маги Королевской гильдии. Дальше всё повторялось: прилив и отлив, стремительное наступление и бесславное бегство, воспетые в песнях победы и долгие поминальные службы – но чем дальше – тем больше верилось, что Ведер станет нерушимым рубежом на пути у диких орд. Орочья тактика никак не менялась, и, хотя через Холодные Врата прибывали всё новые клыкачи, разные племена не доверяли друг другу, и попытки договориться о совместном нашествии чаще кончались усобицами. А пока они грызлись, гевинтерские маги в пыльной полутьме подземелий испытывали новые смертоносные чары, герцог держал народ в душном ярме налогов, чтобы оплачивать создание новых крепостей, Церковь Света созывала верных под стяги добродетели и даже благословила основание нового рыцарского братства – Ордена Чаши, члены которого клялись оберегать беззащитных от нечеловека – так что с каждым разом оркам всё тяжелее становилось поддерживать репутацию божьего наказания. Наконец, лет тридцать назад интерес к охране ведерских рубежей высказал Ааренданн – весьма загадочное объединение заморских чародеев; и они на мелочи не разменивались, попросили за свои услуги ни много ни мало целый приграничный город со всеми пошлинами и привилегиями, переименовав его в Толимар и заселив отъявленными безбожниками, но зато первый же набег орков, которому не посчастливилось собраться той весной, сгорел в магическом огне, так что доблестные гевинтерские рыцари даже мечей из ножен повынимать не успели. С тех пор только мелкие ватаги, на которые ааренданнцы считали ниже своего достоинства обращать внимание, прорывались за реку – и простолюдины, отстраивая разорённые лачуги, ворчали, что чужеземные стражи чванятся и берегут себя попусту, а вот рыцари не жаловались: ведь это одно ещё оправдывало их присутствие на границе и те привилегии, которыми они так щедро были осыпаны. Сами зеленокожие как будто бы тоже успокоились: конечно, каждую весну их отряды исправно пробовали на клык оборону ведерского рубежа, но Айдану доводилось слышать, что некоторые орки уже преспокойно торгуют с людьми, а в Толимаре как будто бы им отдан целый квартал. Проезжие клирики порой болтали об орочьих проповедниках, один из которых – некий Белый Орк – был практически святым – но в Ланциге такие слухи вызывали только смешки: подумать только, ещё скажите, что у нас появится однажды зеленокожий насельник!

Айдану было трудно не думать о бёдрах в облегающих штанах, о куртке, плотно обнявшей стройный стан; хорошо ещё, что обладательница этого всего ехала где-то сзади. Оглядываясь, он видел вдалеке надвинутый серый капюшон, а рядом – крепкого мужчину с добрым, немного ребяческим лицом на толстой шее, непропорционально маленьким для такой туши. Голова его была увенчана остроконечным шлемом, крестовина меча поднималась из-за плеча, он правил лошадьёю легко и уверенно. Телохранитель или дружок? Айдан очень надеялся, что первое, предчувствуя, что в противном случае сторит от ревности.

Спрятанное в тени капюшона лицо тоже не давало покоя. Представлялись чёрные озорные глаза – да, почему-то именно чёрные, и не надо спрашивать, почему – в обрамлении длинных ресниц. Мягкие щёки, чуть полные губы, лукавая улыбка. И светло-рыжие колечки волос, рассыпанные по плечам.

Порою фантазии о ней ослабляли хватку, и тогда неотступно лезли в голову странные откровения мастера Рихарда. Зачем надо было рассказывать про смерть старого Бернхарда? Почему это важно? И что лежало сейчас на дне мешка, завёрнутое в кожу? Хоть бы скорее открыть, посмотреть, вчитаться, седло словно шипы отрастило. Перед глазами встали новые картины: увечными комарами ползли по страницам буквы неряшливой скорописи мастера Бернхарда, складываясь в начало правдивой повести о путешествии Дейермера – и зависть принималась колоть, потому что тогда, получается, не Айдану быть первым и единственным автором хроники о Дейермере. Немного утешало то, что не бывавший севернее Ланцига старик уж точно не мог описать самого интересного – эпической экспедиции на Обратную Сторону. Предвосхищая строки грядущей хроники, Айдан воображал сражения с многоножками на кольцах полуразрушенных лестниц и ждавшее во тьме древнее и безымянное зло, которое герои повергли... наверное, повергли – иначе зачем ходили, спрашивается? Он сложил пару ладных фраз об этом и довольно перекатывал их на языке.

Под наследием мастера Бернхарда, затерянное в складках старой рясы, притаилось и кое-что, возможно, более опасное: одна из чёрных пирамидок, сделавших Айдана колдуном в глазах братии. В описи почему-то были перечислены лишь четыре, а не пять, и он решил, что пропажу никто не заметит, а поскольку особых примет никто не позаботился указать, у него даже был выбор. На каждой пирамидке были символы, и некоторые, что бы они ни значили, смотрелись таинственно и вдохновляюще – Айдан и взял ту, которая ему больше всего понравилась. Как сам себя убеждал, для дальнейшего изучения, только вот он не был чародеем, и просто таскал пирамидку с собой навряде амулета – как напоминание о том вдохновении, с которым он изучал записки эльфа, собирал конструкцию, – и даже, наверное, о жалкой судьбе насмешников. Два ланцигских года прошли в тщетном ожидании нового шанса, нового открытия – и вот теперь оно, может быть, скрывалось за очередной грядой холмов, и не уворованное, как тогда, – законное честное, моё! – Айдан понял, что скалится во все зубы, словно ему обещан епископский титул, и поспешил спрятать улыбку.

На фоне облаков возникло странное возмущение, серое в серой пучине, оно подросло, округлилось, отрастило тонкие синие крылья, неподвижные, почти прижатые к бокам – и странной блестящей мухой просвистело над караваном. Айдан беспокойно пригнулся, словно летучая штука могла задеть голову. Путники оживились, пальцы потянулись вслед, а кто-то прохрипел с нескрываемой неприязнью:

– Птичка, птичка, полетела на юг. Вот так поднять-то камушек и эту птичку тюк!

Айдан обернулся: там ехал плюгавый мужичок, похожий больше на старую ведьму, с крюковатым носом и острым, выдающимся подбородком. Глаза его глубоко засели под разросшимися бровями, а на щеке торчала крупная и тоже очень волосатая бородавка. За спиной у мужичка были приторочены объёмистые коробки – торговец, и не слишком преуспевающий: серый плащ аккуратно подлатан в нескольких местах, а сапоги до дыр протёрты.

«Ему бы ночью на кладбище мешать в огромном котле злокозненное зелье. И ещё он должен мерзко хихикать при этом!» – подумал Айдан

– Недолюбливаете ааренданцев? – проговорил задумчивый в чёрном, которого Айдан запомнил ещё с Ланцига. У этого вещей было всего ничего: скатанное в трубку шерстяное одеяло да небольшая заплечная сума. Под чёрным плащом укрывалась коричневая щегольская котта, узкие кожаные перчатки поскрипывали об уздечку, а на голове, немного сдвинутый набок, покоился чёрный берет с пером – наряд не для странствий по глухоти. Его гладко выбритое миловидное лицо тоже не выдавало колоброды. Айдан подумал бы, что это странствующий наследник, решивший разогнать кровь поездкой на север – но взгляд у задумчивого был и впрямь цепкий – будто его попутчики и даже камни возле дороги были загадками, которые нужно расколоть.

– А почто их любить-то? – каркнул в ответ крюконосый.

Оно и верно: ааренданцев ценили, уважали и боялись, но вообще народ это был более чем противоречивый. Великие чародеи, строители высоких башен и летучих машин, они могли бы, наверное, запросто поработить весь континент от западного океана до бескрайних восточных степей, но предпочли захватить один остров и предлагать всему миру свои сказочные услуги. За деньги, конечно, за очень и очень большие деньги. Впрочем, в некоторых случаях ааренданцев можно было заинтересовать и чем-то другим. Подкованные в тонкостях политики монахи утверждали, что все пошлины Толимара едва могли бы окупить расходы на охрану ведерского рубежа – в это легко было поверить – и колдуны обосновались там ради лишь наблюдения за некими явлениями тонкого мира, а город присвоили, чтобы герцог не лез со своими законами. Правда, о каких явлениях шла речь, никто не мог сказать точно, и гораздо проще было отстаивать в споре мнение, что под Толимаром золотая жила или колдовские кристаллы – что-нибудь материально ценное.

Но сребролюбие не грех даже – так, пикантная слабость, его охотно прощали и королям, и прелатам; будь ааренданцы просто жадными, все тоже потерпели бы, но трудно сдержаться, когда золотом твоим завладевает несносный, высокомерный язычник. О, да, Церковь Света привыкла к жестокости, она помнит времена безжалостных гонений, но когда проповеднику смеются в глаза, когда его не пускают даже на кухню – с этим уже никак невозможно смириться! Слова Ивара, одного из товарищей по прошлому монастырю – Айдану понравилось, как он сформулировал. Раньше Ивар пописывал стихи, но потом задолжал опасным людям и вынужден был сменить шляпу с пером на клобук монаха. Впрочем, старый слог всё равно пробивался сквозь сухие формулировки хроники.

Самые горячие проповедники требовали порой, чтобы к ааренданцам прислали наконец не смиренных миссионеров, а пылких мучеников наподобие страдальцев из Айдановой «Истории Церкви Северной Марки». Но возникала одна сложная богословская проблема: ведь ааренданцы не были сплошь людьми, среди них попадались твердолобые гномы, закоренелые в язычестве эльфы и даже, как рассказывали, нечестивые неэри, рогатые отродья Нергеддеона, которые официально признаны пропащими для Света. А самым крепким заслоном на пути распространения Слова Владыки были аристократы пёстроного чародейного народа – существа, прибывшие, как это принято было писать, «из-за окоёма», хотя никто не мог нормально объяснить, что это значит. На севере заокоёмных гостей называли просто «люди» – но сами они злились и поправляли: нет, альвестцы или просто аег, на их языке – «чародеи», потому что у них все как один колдуны. В Ланциге один из братьев рассказывал, что как-то раз видел настоящего альвестца и не понял тогда, в чём разница: человек и человек, подумаешь, глаза какие-то странные, с блестящими крапинками. Брат Мельхиор уверял, что неприглядная, ординарная внешность альвестцев – не более чем личина, скрывающая кошмарный облик порождения преисподней, и даже ссылался на свидетельства уважаемых церковников – а ещё один почтенный старец возражал ему, что тело у них самое настоящее, но пальцев

по шесть на каждой руке, а под плащом спрятаны кожистые крылья. Да что там – даже епископат не мог дать внятного суждения о внешности альвестцев, поэтому на миниатюрах старались вовсе не рисовать межзвёздных чародеев, а если уж совсем никак, то старательно драпировали одеждой. Так или иначе, эти самые аэры в Ааренданне составляли меньшинство, остальные были местными чародеями. Их отбирали специальные вербовщики: разыскивали самых талантливых волшебников, прельщали посулами власти и могущества, а получив согласие, увозили на острова в Срединном море, где обучали премудростям колдовства. Брат Мельхиор любил повторять, что новых адептов там заставляют плевать на Священное писание, что вместо занятий у них мерзкие оргии и поклонение Нергеддеону – Айдану всегда казалось, что он перегибает палку. Конечно, альвестцы слыли самым нерелигиозным на свете народом и многих своих последователей воспитывали в неверии, но почему обязательно сразу оргии? Попробовав однажды возразить Мельхиору, Айдан нарвался на целую проповедь: ты, заявил старик, сам язычник, раз не понимаешь, что без целительного Света душа обречена впасть во Тьму. Айдан быстро бросил с ним спорить, но остался при своём мнении. Как бы то ни было, подлинных аэров нельзя было встретить на улице, зато их местные прислужники чванились так, что иному королю у них впору поучиться.

Тем временем, ааренданнцы не только Айдану бередили душу. Крюконосый бушевал:

– ... и берегут нас от орков, но я же вот кумекаю: как орки – мы к ааренданцам, как мор – к ним, к родимым, тащим своё золотишко. Эвон же герцог и тот себе хоромину без них не осилил построить. Енто что же, скоро так и носы нам вытирать ааренданнцы будут?

– Вы предпочли бы жить в разорённой орками стране? – промолвил улыбчивый в чёрном.

– Да кабы наши вояки за меч хвататься не гнушались, не сиживали б сиднем за оградой, ожидаючи, пока за них колдуны разберутся, так, мож, и ничаво, продержались бы! – задрал нос и руки скрестил на груди.

Айдан фыркнул. Вот сам бы постоял в чистом поле против орочьего прилива – то-то бы мы на тебя посмотрели.

– Может быть. М-м, не стоит ли нам представиться друг другу?

– А и взаправду, ну их, паршивцев, – хрипло и высоко, совершенно по-ведьмински захихикал крюконосый. – Я ж чего... Меня Фрбдвином кликают. Вот, приторговываю помаленьку, – он похлопал по одной из коробок. – Снадобья на всяк случай жизни, травоньки сушёные, порошочки да каменья, алхимическая посуда, части тела разной невезучей животины.

И снова этот противный смех. Айдан не мог отделаться о мысли, что у него там точно полные коробка петушиных лап, змеиных языков, крылышек летучих мышей и прочих мерзостей.

– Мотаюсь вкругаля по Гевинтеру, и лишь понужатся кому порошочки, травы: от бессонницы, от зубовой хвори – а я уж тут! Ну, и алхимиков наших многоуважаемых снабжаю, а то как же: занятой человек будет сам по лавкам шастать, выискивать? А я к порогу привезу и по хорошей цене! Задержался в Ланциге, но таперича туды, сюды – и на юга, пополнять запасы.

– А церковь это всё разрешает? – вырвалось у Айдана. – Ну, эти, части тел...

– О, так и лучше даже! У меня патент от самой Королевской гильдии магов! – он вытащил из-за пазухи свёрнутой трубкой пергамент и помахал им; красная печать на ленточке болталась под ним из стороны в сторону.

– Я думал, что церковь...

– Мой пресвятой брат, – кажется, весь сарказм мира собрался в этих трёх словах. – Церковь ни шиша, ни зги, ни на пол пальца, – рассказ сопровождался последовательной демонстрацией шиша, зги и половины пальца, – не кумекает в таких делах. Не обижайтесь только. Но тут же понимать надобно. Вот в западных краях, в Империи, инквизиция на таких делах собаку съела, там смекают: кто склянку с ядом гадюки таскает – он знахарь, а кто язык той самой змеи – он еретик-недотёпа.

- Разумно, разумно, – улыбнулся его собеседник.
- Но мы недосказали. Уповаю, господин тоже наречёт себя?

– Конечно, – не отпуская с лица располагающую улыбку, тот поднёс к груди пальцы и слегка поклонился. – Шаан, инквизитор.

И в самом деле, на куртке у него была нашита серая эмблема – птаха, несущая в когтях факел.

Вот ведь, как говорится, неисповедимы пути Владыкины. В Империи инквизиция сделалась могущественной политической силой, попирая даже авторитет иерархов Церкви, ей довелось низвергнуть нескольких императоров и предать Проклятью памяти великое множество менее влиятельных смертных. Инквизиторы рыщут по городам и весям, безошибочно отыскивая не только опасных вольнодумцев, но и просто недовольных тяжестью императорской власти. В тех же восточных провинциях, которые отпали, сделавшись полноценными королевствами, инквизиция была отделена от церкви и деградировала, особенно с подъёмом роли Королевской гильдии магов, до скромной гражданской службы, занимающейся поиском пропавших людей, расследованием незначительных преступлений и в целом помогающей всем, кто не может себе позволить обратиться к чародеям. Впрочем, что-то похожее произошло и с Церковью. На западе священники и боевые монахи творили подлинные чудеса именем Владыкиным: низвергали молнии на головы врагов, исцеляли болезни, развеивали ненастье, даже, как шёпотом болтали в Ланциге, воскрешали самых безупречных паладинов, павших в бою с врагами Света, в виде загадочных и могущественных ангелов – а в здешних краях и мечтать о подобном считалось грехом: клирику следовало, быть смиренным и лишь молитвами приближать исполнение людских желаний. Только некоторые прелаты, в основном северные, происходившие из древних и воинственных фамилий, ещё выезжали на поле боя, вооружившись булавой – дабы формально не нарушать запрет пролития крови – но это ведь не то же самое, что метать во врагов молнии, да и смотрели на таких чем дальше – тем с бóльшим осуждением. Айдан много раз представлял, каково быть монахом на западе: в нём самом ни на гран магических способностей, но можно же быть полковым лекарем у каких-нибудь ниспровергателей ереси, в бою держась поодаль и поливая недругов огнём из волшебной палочки – ох, вот была бы жизнь, не то что на востоке!

– За интересом у нас али так просто?

– Вероятно, по делу, – ответил Шаан.

– Татей ищите?

– Будь даже так, я не стал бы об этом, м-м, рассказывать.

– Кодентифициальность и вся вот эта требуха, – Фродвин важно кивнул. – Вот за что почитаю нашенских инквизиторов. А вы что ж, – он подмигнул Айдану, – поведаете, откель вы и как вас кличут?

Пришлось представиться, назвав и свой род занятий, хотя, казалось бы, кем ещё можно быть, если носишь рясу.

– Эх нас удачно Владыка сподобил, скажите? Истинно бают: кто с иноком в путь-дорогу сбивается, того и волки не жрут, и град не побивает!

– Очень рад познакомиться, – последовал благословляющий взмах пера на шляпе.

– А чтой-то за нелёгкая святого человека в Толимар потащила? Коли не тайна какая, вестимо дело.

– Я хронист, хочу изучить городские архивы.

Шаан присвистнул. Фродвин фыркнул и скорчил недоверчивую рожу.

– Надеюсь, ваши понимают, что делают, – проговорил инквизитор, – В Толимаре, конечно, прекрасные архивы, их обсерватория замечает всё, что оставляет хоть какой-то след в... как бы это сказать... в тонких сферах...

– Мой добрый друг хоть кумекает, о чём... – ехидство так и капало с кончика длинного носа.

– Простите, терминология не очень, м-м, устоявшаяся, – обращаясь к Айдану, инквизитор продолжил: – Но я не слышал, чтобы кого-нибудь пускали к ним в архивы.

Айдан тоже не слышал. И уже осознал, что лучше бы вовсе не разевал рта.

– Никогда бы не подумал, что монастырским историкам приходится консультироваться с ааренданскими архивами. Разве церковь доверяет их суждениям? М-м, а что изучаете, если не секрет?

Спустя мгновение Айдан понял, что правильным было бы ответить, как сам инквизитор, что ему не положено этого разглашать, но вместо этого ляпнул:

– Я собираю сведения о путешествии Дейермера.

– Во дела-то! Да я б уверовал скорей, что иноки житие Нергеддеона, Властителя Тёмного кропают, – череда коротких плевков, – будь проклято его имя, чем енто...

– Действительно, м-м, почему Дейермер?

Айдан уже отчаянно размышлял, как бы так быстро и аккуратно свернуть с неприятной и наверняка небезопасной темы; отвечать он точно не планировал, только что-то мычал и мотал головой. Тут крюконосый хлопнул себя по лбу и возопил:

– Так яснее ясного ж! Вы, пресвятой брат, с Ланцига? Во! А ихний аббат знаете кто?

– Смею предположить, что местный барон.

– Он самый же!

– М-м, и что?

– Да как это что? Как это что? – яростно замахал руками. – Мой добрый друг не слыхивал? Его папаша был ведь с Дейермером, да? – Айдану осталось только кивнуть. – Токмо и грезит отсель, как бы проведать, что с ним приключилось.

– Надо же, я и не знал.

– То-то! – Фродвин довольно осклабился.

– Вы, наверное, захотите поговорить с людьми по дороге?

Осознав, что спрашивают его, Айдан пробурчал что-то утвердительное.

– Это разумно. Некоторые могут вспомнить, м-м, что-нибудь. Хотя, конечно, столько лет прошло... Да и кто тогда мог знать, что это окажется настолько важно.

Айдан вдохнул поглубже и прикрыл глаза. Запах ещё был здесь. Она была рядом.

– А знаете, что, – хитро сощурившись, прошипел Фродвин. Инквизитор вежливо повернул к нему голову. – Я-то, пожалуй, воочию видал Дейермера, когда он двадцать лет назад катил по здешним краям к Туманному Рву, – и он потыкал двумя пальцами себе в глаза, чтобы все понимали, чем именно он узрел его.

– Скажете, Хоран ошивался у вашей лавки, – донёсся новый голос, мощный, но слегка невнятный. – Прошу прощения, – сперва из-за Шаанова плаща выдвинулась, кивая, голова лохматой серой кобылы, затем показался и всадник: плотный, в сюрко из хорошего сукна, с круглым, рыхлым лицом и чёрной короткой бородою. Зубы его постоянно сжимали глиняную трубку, отчего при разговоре он скалился и шепелявил. Вынимал он её только для того, чтобы попробовать выпустить колечко дыма; впрочем, это у него не очень хорошо получалось. Дым был приторен и не очень приятен; к тому же он забивал другой, гораздо более желанный запах.

– Вот те длань! – крюконосый замахал на него костлявой пятернёй. – Дык послушайте! Я тогда барыжил с лотка в Хаммонде. В тот год вояки притаранили на север заразу, людишки мёрли, как мухи. Кто не мог ааренданцев умаслить, ясно дело. Королевская гильдия с кожи вон лезла, волшебнички бегали, кривлялись, чистили колодцы, один или два померли даже, чтобы с народом сблизиться, не иначе. Да токмо ж всё попусту. Я, кстати, знатно подкопил тогда на всяческих снадобьях и...

– Так что с Дейермером? – бородатый вынул наконец изо рта трубку, округлил губы и выдул нечто, отдалённо напоминавшее неприличный жест. Чертыхнувшись, он принялся мелко, влажно покашливать и этому занятию посвятил довольно продолжительное время.

– ... и к моему лотку подвалил он! – вешал тем временем Фродвин. – Такой дед, ну, бородач, седой такой, не очень здоровый на вид, коли меня спросите.

– Он тоже заразился? – выдавил бородач.

– Я б так не сказал, – авторитетно заявил знахарь. – Коли он чем и был недужен, так эта хворь прозывается старостью. А ещё с ним была такая... бабуся, ну? – Фродвин засверкал глазами, словно намекая, что у неё с Дейермером что-то было. – В таком высоком... на голове, ну... как ведро на голове, что ли, с ручкой под подбородком – он помахал у себя над головой руками, изображая нечто и впрямь высокое, с плоским верхом. Айдан подумал, что речь об атуре. Инквизитор заулыбался и незаметно фыркнул в запястье.

– Продолжайте, продолжайте.

– Должно быть, Эсклармонда д'Аутер..., – подал голос курильщик. – Знатная вдова из Феллуа.

– Что вы знаете о ней? – заинтересовался Айдан.

– Ничего знаю, – было ему ответом. – Говорят, она тайно поклонялась Нергеддеону. Хотела встретиться с ним на Обратной Стороне.

– Но вы ведь не верите в это?

– Нет.

Айдан озадаченно прикусил губу. Странная компания – Дейермер и эта Эсклармонда. Кто ещё был с ними? – Кстати, э... Фродвин, вы не припомните, что Дейермер хотел у вас купить?

– Дай-ка припомню, – Фродвин потёр кулаком лоб. – Само собой, листья чёрной бузины, а вдобавок... Я ж ещё подумал тогда: вот господарь не от мира сего... Да, да, – он щёлкнул костлявыми пальцами, – порошок с костей рогатого пещерного василиска и корни лунного папоротника!

– Вот так набор, – присвистнул Шаан. – Я слышал, что лунный папоротник используют в чёрной магии, а порошок из костей василиска... м-м, он ведь из регистра запрещённых веществ, не так ли?

– Вот и я ж о чём! Лунного папоротника у меня и в лучшие-то времена не бывало, а порошок из костей василиска... – он ухмыльнулся, – ага, про него доносить велено, коли кто-то спрашивает.

– И вы донесли?

– А то как же, донёс. Ну, через месяц, через два, как-то так.

– Не боитесь?

– Вы как дитё малое. Кто сразу доносит – у того ж разве кто чего купит? А мне кусок хлеба лишним-то никогда не бывал.

– Вы сказали, – встрял Айдан, – что ему были нужны листья чёрной бузины. А зачем?

– Угу. Да, всё одно к одному: наверняка у них кто-то заразился!

Дальнейшее обсуждение переросло в спор о том, применяются ли кости пещерного василиска в медицине или потребны только для тёмных дел. Айдану он быстро наскучил и, что хуже всего, запах, который до этого изредка пробивался через табачные дебри, исчез совершенно.

К вечеру караван прибыл на постоялый двор, какими за недостатком приличных городов был усеян Пустой тракт. Издалека он выглядел как груда замшелых камней, да и вблизи, по правде сказать, смотрелся не лучше. Там было всё, что полагалось иметь в таком месте: сторо-

жевая башня, молельная ротонда для пилигримов, кузница, приземистая и длинная гостиница с крошечными окошками – и, конечно, пристанище получше для важных или просто богатых путешественников. Айдану, пожалуй, и на такое бы хватило денег – и, ах, что за искушение улечься наконец на порядочный матрас, какой приятной была бы перемена после жёстких и колючих монастырских постелей – но ведь попутчики сразу смекнули бы, что у хилого, почти беззащитного монаха водятся денежки. Да и вообще, дорога длинная, она, пожалуй, ещё и не столько золота скупает, ни к чему было начинать сорить им с самого первого вечера.

Все здания были каменными, но не то чтобы для прочности: в регулярно разоряемом орками краю на долговечность имеет право лишь то, что укрыто за высокой стеной, за крепкими спинами магического гарнизона – а просто потому, что в зелёной пустыне хорошего дерева едва ли можно было сыскать на небольшой сарай. Айдан с досадой отметил, что на постоялом дворе, должно быть, не водятся отдельных каморок, один только общий зал, где все будут храпеть на лавках – не очень чистых к тому же – значит, не выйдет посмотреть на Бернхардовы записки. А до следующего вечера ещё целая вечность...

Первым делом надлежало привязать лошадей на конюшне и проследить, чтобы их там не обижали. Скверно одетые и не очень трезвые мужики, которые поджидали странников, производили самое тягостное впечатление, однако руки их понимали, что надо делать, пусть даже головы затянуло хмельным туманом. Шаанова лошадь их очень впечатлила, да она и в самом деле была очень красивой: блестящая, широкогрудая, со своенравно изогнутой шеей и пронзительными глазами. Айдан не мог не подивиться тому, как инквизитор, который в его представлении должен был влачить жизнь едва ли не нищенствующего монаха, мог позволить себе такую. Мужики чуть ли не шапки принялись перед ней ломать, завязался оживлённый спор о том, сколько она могла бы стоять и готов ли кто-нибудь из них рискнуть свободой и жизнью, угнав её. Шаан нарочно помедлил, делая вид, что вытрясает из сапога камешек; как он потом признался Айдану, такие разговоры его премного забавляли.

К несчастью, оказалось, что рыжеволосая воительница направлялась в дорогую гостиницу, и Айдан провёл несколько неприятных мгновений, разрываясь между разумной бережливостью и мечтами о нечаянном разговоре с ней. Выпутаться помог Фродвин: хлопнул по плечу и увлёк за собою в корчму для босяков. Внутри было душно, в середине горел очаг – или, точнее сказать, коптил, мигая красными огоньками углей – со стен кое-где свисали гроздь сальных свечей, в подвижном полумраке лица, фигуры сегодняшних гостей тоже казались изменчивыми, потусторонними, а голоса их, смешиваясь, превращались в подобие непристойной молитвы. Казалось, ещё чуть-чуть – и выскочит из пламени рогатый проповедник Нергеддеона, и все эти смутные персонажи, побросав одежды, закружатся вокруг него.

Как-то само собой вышло, что Айдан, Шаан, Фродвин и бородатый курильщик усадились за одним столом. К ним попытался подсесть один коробейник, но разглядев инквизиторскую нашивку, ойкнул, поднялся и, сообщив, что сейчас вернётся, через некоторое время обнаружился на другом конце зала. Фродвину это дало повод блеснуть ехидством – во имя Света, ему стоило бы приторговывать им, а не какой-то алхимической мутью – Шаан же объяснил, что порою в том, что инквизиторов обходят стороной, находится и своя польза. Разговор потёк, как хорошее вино. К примеру, выяснилось, что курильщика звали Виллем те Роом и приехал он аж из Соединённых Провинций – далёкой южной страны на берегу Срединного Моря – с каким-то загадочным поручением, вроде бы связанным с установлением торговых связей. Довольно скоро Айдан понял, какой удачей было узнать хотя бы его имя: на все дальнейшие вопросы бородач отвечал односложно или вообще никак, лишь выпуская струйку дыма.

Приковылял корчмарь: нескладный, заросший неухоженной бородой, припадавший на левую ногу. Глухим, но располагающим голосом он поинтересовался, желают ли уважаемые господа откусать.

– Я сожру любезного хозяина вместе с прислугой, ежели мне сейчас же не явят иного кушанья! – возопил Фродвин. Остальные просто покивали. Корчмарь поклонился и был таков.

– Эй, да что такое с вами приключилось-то? – вдруг возопил крюконосый. Айдан повернулся; инквизитор и впрямь побледнел, глаза страдальчески прикрыты, рот искривился, а ноздри почти что схлопнулись.

– Кажется, я убил клопа, – слабым голосом произнёс Шаан, смахивая с пальца какую-то неразборчивую козявку.

– Эка невидаль! – хохотнул Фродвин. – Их тут, небось, тьма тьмушая. Но я буду счастлив продать моему любезному другу прекрасное средство, – из-за пазухи явился пузырёк с тоненьким горлышком, наполненный мутной рыжеватой жидкостью. Он поболтал им в воздухе перед носом у Шаана; часть осадка на дне поднялась и пустилась в пляс. – Ажно скину малость в честь нашеньского знакомства, – Фродвин подмигнул. – Вот тут и ещё тут капнете, – он показал на шею и запястья, – и на целную ночь позабудете о маленьких негодниках.

– Благодарю, – инквизитор с сомнением покосился на пузырёк, – А сами вы?..

– О, – тот улыбнулся во весь гнилозубый рот, – да на мои-то дряхлые тела кого потянет, коли рядом есть сочное, молодое мясо? – продолжая кровожадно ухмыляться, он согнул руку клешней и с криками «Ыть, ыть!» стал делать вид, что пытается ей ухватить за бок Айдана. Монах ошеломлённо отодвинулся.

– Ишь нежный какой, а? Да сживайте смирно! Не меня вам надобно бояться, не меня, а вот этих вот маленьких сволочей! – он вытащил из-под стола что-то гадкое, продолговатое, шевелящее ножками.

К счастью, именно в этот момент принесли деревянные ложки и долгожданную еду: пиво, серый хлеб и каждому по миске сваренной на сале гречневой каши.

– Хоть не бобы, – стоически заметил Шаан.

Совсем не так отреагировал Фродвин: испутив радостный клич, он схватил свою ложку и чуть ли не носом зарылся в еду.

– Да вы что тут, и ложки, что ли, едите? – страдальчески выдохнул инквизитор. И впрямь, такое ощущение, что от его ложки кто-то отгрыз немаленький кусок.

Виллем, глядя на них, только качал головою. Айдан же так проголодался, что сжевал бы и миску, но сдержал недостойную поспешность и предварил свою трапезу краткой молитвой.

На какое-то время за столом воцарилось молчание, прерываемое лишь чавканьем, стуком ложек и вздохами инквизитора – не считая, конечно же, смеха и воплей, прилетавших со всех сторон. Айдан, едва замечая кашу, падающую в его желудок, представлял, как там сидит она со своим спутником. Сняла ли она капюшон? Молчит или шутит непринуждённо с этим толстошеим бараном? Кто он? Просто телохранитель? Друг? Любовник? Посеянная столь неосмотрительно рассада ревности давала обильные всходы, и к концу трапезы он уже почти что ненавидел её приятеля. Чтобы хоть как-то отвлечься, он решил поговорить о других беспокоящих, но всё же менее опасных вещах.

– Фродвин, я хотел спросить... Ведь вы в некотором роде специалист. Есть ли какие-нибудь яды, которые... э... вызывают удушье и сердцебиение?

– Ну... – Фродвин округлил глаза и шумно втянул в себя воздух. – Да скокмо прикажете! Красавка, аконит... Белена, поди. Побольше бы симптомов. А что вам за дело? – он сверкнул глазами и довольно зловеще заулыбался.

– Да ничего. Чисто теоретический интерес.

– Ай, да надобно ль отпираться? Скажите просто: такой-то опротивел...

– Да я же...

– ... хочу со свету сжить! Чего тут такого?

– ... не поэтому совсем!

Знахарь ещё больше развеселился, заколотил по столу костлявыми пальцами.

– Я б на месте моего юного друга поостерегся спрашивать о таковских вещах, когда под боком инквизитор.

Шаан, до этого сидевший в пол-оборота, рассматривая что-то в глубине залы, поворотился и рассеянно махнул рукой.

– Да не переживайте, – и уже было вернулся к своим наблюдениям, но потом глянул на Айдана и этак серьёзно, доверительно молвил: – Но есть вы всё-таки знаете о чём-то, м-м, подозрительном, то лучше расскажите кому следует.

Тот сперва хотел ответить «Я подумаю», быстро осознал, насколько это было бы глупо и неосмотрительно, сглотнул – и тут же едва успел поймать на языке не менее дурацкое «Да, у нас есть кому сообщить». Пока силился выдавить из себя хоть какой-нибудь нормальный ответ, понял, что никто и не думает интересоваться его мнением.

– ... говорю: у меня единюго таких травушек, вон, полные короба!

– Да, – согласился Шаан. – А ещё есть довольно много заклятий, вызывающих похуже, м-м, признаки. Хотя... Знаете, нам часто приходят жалобы на, м-м, подозрительные смерти, но обычно оказывается, что ничего такого, естественная причина.

– А, что, у вас, у инквизиторов, проклятья-то поди обычное дело, а? Как там с ними на югах али откудова приковылял мой добрый друг?

– С проклятьями... – снисходительная улыбка, – Или с жалобами на них? Делами о колдовстве мы завалены по горло. Чего только не бывает... Вот как вам такое: меня прокляли, и я теперь, м-м, слаб в постели. И, – он тряхнул у виска пальцами, – он точно знает, что сделала это, к примеру, сестра его жены. Обвинение в нанесении урона колдовством – это серьёзное дело, приходится разбираться. А на самом деле он просто много пил вина и мало двигался. Такими, м-м, подвигами и наполнены рабочие часы инквизиции, а вы, наверное, думаете, что мы там сплошь на чародеев охотимся.

– Я так не думал, – брякнул Айдан.

Фродвин сплюнул и только качал головой, но взгляд у него был весёлый.

– Все так думают, – молвил Шаан.

– А как вы определяете, прокляли человека или нет? В инквизиции ведь нет чародеев?

– Нет, по крайней мере в Гевинтере. Вы не хуже меня знаете, что чародей тут может служить в Королевской гильдии или в Ааренданне, больше нигде. Но с помощью особых чароискателей...

– А кстати, – встрял Фродвин, – у меня есть парочка, первостатейные, и цена – пальчики оближете! Господин не желает посмотреть?

– А, что? – инквизитор слегка нахмурился и потёр шею. – У меня пока есть. Но спасибо, буду иметь в виду.

– Завсегда рад угодить, – тот развёл руками, изображая глубокий поклон.

– Ну, да, – Шаан явно не сразу нашёл хвост потерянной мысли. – Но если всё-таки оказывается, что виновата магия, чаще всего мы передаём дело в Королевскую гильдию. Слишком опасно. С чародеем справится только чародей.

– Только чародей, да, – неожиданно – Айдан аж вздрогнул – подал голос Виллем те Роом. Вытащив изо рта трубку, он перевернул её и нацелил мундштук на инквизитора. – Или мушкет, – отрубил он и трубка возвратилась на своё место.

– Тоже верно, – кивнул Шаан.

– Любезный Виллем знает ведь, что огнеструй у нас под запретом?

– Огнеструй?

– Ну, ento... Бух, бах! – Фродвин попробовал изобразить выстрел из мушкета.

– Огнестрельное оружие? А. Ну, да, – буркнул тот.

– Зато в Соединённых Провинциях запрещена магия.

– А мой друг не мушкетами барыжить прикатил, а? Защитничкам-то ведерских рубежей навывавай мушкетов – вот ведь будет потеха!

– Оно же запрещено, – бросил Виллем.

Трактирщик явился вновь, много кланялся, осведомился, каким любезные гости нашли угощение, совершенно бесстрастно выслушал жалобы на обгрызенную ложку – и удалился вместе с пустой посудой.

– На севере не умеют варит пиво, – грустно вздохнул инквизитор.

– Ишчо и ложки грызут, – ухмыльнулся Фродвин. – Кстати, я слышал, что эльфы могут жрать деревяшки. Не от хорошей жизни, само собой, и не какое-нибудь крепкое полено – веточки-листочки, скорей всего, но и то в лесу не пропадут с голодухи.

– Я, м-м, не думаю, что это так, – Шаан нахмурился.

– Брешут, что ли? Обидно. Я уж думал, не эльф ли попортил вам ложку, пока дожидался тутошней снеди. А, между прочим, – он повернулся к Виллему, – один из ваших разузнавал, каково будет человеку, ежели его кормить деревяшками, готовил их и так и сяк, – Фродвин изобразил, как мешает что-то в котле, – Не помню, кстати, чем дело кончилось. Может, вы подскажите?

– Не знаю, о чём вы, – пожал плечами Виллем.

– Как бишь его звали-то? – знахарь прижал ко лбу пальцы. – Вроде, Вальфариус. Вальфариус Ам-стед.

– Вальрафиус, – поправил его южанин. – Вальрафиус Аамстед. Из Синт Кáлийна. Только он не занимался той чушью, которую вы описываете.

– За что купил, за то продаю! – поспешил уверить Фродвин.

– Впрочем, он действительно изучал свойства дерева, хотел найти способ защитит наши суда от корабельных червей.

– Он, кстати, проезжал по ентому тракту. Как знать, может, и сюда заглядывал и наблюдал воочию, как мощные северяне жрут ложки назло эльфишкам.

– Вальрафиус Аамстед был в отряде Дейермера, не так ли? – промолвил Шаан.

Хронист насторожился, готовый ловить каждое слово.

– Был, – кивнул Виллем.

– Неблизкое путешествие для... м-м, он ведь был исследователем?

– Да, – Виллем смотрел прямо и уверенно, а слова с его губ падали вескими глыбами. – У нас таких называют естествоиспытателями. Как объяснить? Это которые камни с башен бросают, плятятся в небо и корпят над пробирками. Как по мне, чудной народ. Но Аамстеда ценили. Он занимался не только пустыми экспериментами, он и для Провинций много полезного сделал. Усовершенствовал затворы аркебуз. Я слышал, под конец он заинтересовался тем, как Обратная Сторона влияет, как бы это сказать, на законы природы. Может, решил проверить всё на месте, поэтому и отправился с Дейермером.

– А разве для этого ему не нужно всякое, м-м, оборудование?

Виллем пожал плечами.

– Мне сложно представить, – светски улыбаясь, произнёс инквизитор, – чтобы он отправился с Дейермером, волоча за собой тележку с приборами.

Фродвин хрюкнул. Айдану же показалось уместным заметить:

– Ну, думаю, даже на Обратной Стороне найдутся материалы, из которых можно построить башню, чтобы кидать оттуда камни.

– А ваш приятель остряк, – безразлично промолвил бородач. Шаан даже вежливо посмеялся. – Это всё, что я знаю, – снова пожав плечами, он почесал затылок и сложил перед собой толстые волосатые руки с короткими пальцами.

Интересный разговор утих, едва начавшись, как робкое пламя в неумелых руках. Айдан понимал, что разумно было бы затаиться, смиренно ждать следующих откровений, он объявил войну любопытству, но быстро сдался.

– А что ещё вы знаете о Дейермере и его сподвижниках?

Виллем насмешливо крикнул. Фродвин, который лазил проверять замки на коробках, высунул из-под стола голову, оскалился и стал тормозить инквизитора:

– Вы-то чего притихли? Просветите уже святого брата!

– Что, простите?

– Уж вашеньские-то наверняка послеживали за ним, а?

Шаан пожал плечами.

– Даже если кто-то и следил, я не знаю об этом.

Фродвин принялся громко жаловаться на то, что инквизиторы никогда не могут нормально рассказать, чем они занимаются. Сам он ещё раз пересказал, как видел Дейермера с некой немолодой дамой, а потом добавил, что на другой день у него кто-то купил ветку эльфийского белого огня.

– А что это? – Айдан подивился незнакомому названию.

– А вот, – Фродвин полез под стол, долго там копался, крихтел и бранился, потом вынырнул с какой-то загогулиной, по виду вроде толстой закруглённой на конце ветки, но на ощупь – крюконосый любезно разрешил всем её потрогать – она походила скорее на многочленистую ножку рака-великана.

– Ну, и гадость! – вырвалось у Айдана.

– Нергеддеонова погань, – бросил Виллем.

– Я не думаю, что Владыка Мрака, не к ночи он будь помянут, поучаствовал в создании этого, м-м, предмета, – заметил инквизитор.

– Могли бы выспросить для начала, что ента штука делает, а уж потом порочить мой прекрасный товар! – гнев крюконосого выглядел почти натурально.

– Убери эту гадость, негодяй! – донеслось из глубины таверны.

– Тьфу, принесло нечестивца!

– Много вы смыслите! – бросил им Фродвин. – Честный товар, да со всехними разреше-ницами!

– А чего монах молчит? Эй, ряса!

– Да это тот самый, который мне всю картошку подавил!

Айдан пригляделся – и в самом деле, те двое с картошкой, и вид у обоих был воинственный. И зачем, раздражённо подумал он, Фродвин вообще достал эту штуковину? Сейчас поднимут против нас всю корчму – что делать будем?

– Владыка не запрещает магию, – собрав в голосе всю твёрдость, крикнул Айдан. – А за оскорбление клирика может и покарать, между прочим.

– Да какой ты клирик? Нацепил, понимаешь, а теперь...

– Слушайте, уймитесь, а? – крикнул им кто-то третий.

– О, пиво несут! Да наконец-то!

Айдана потрянуло. Он подумал, что в другой раз лучше не попадаться на глаза этим двоим, не то однажды всего пива Гевинтера не хватит, чтобы утопить их рознь.

– Ишь растревожились. Да полно: енти токмо брехать и сильны, неча и слушать их было. Позырьте-ка лучшей, – Фродвин схватился за рукоять и с хитрой улыбочкой провёл над изгибом ладонью; в центре полукружья зажёгся бледный, беспокойный огонёк.

– Что-то света от него немного, – пошутил Айдан.

– Так он и не для ентого. Он выявляет души, – зловеще просвистел Фродвин.

– Призраков, что ли?

– Души на Обратной Стороне, – уронил Виллем.

Инквизитор повернулся к нему.

– М-м, вы ведь из Соединённых провинций, да? Кажется, идея о том, на Обратную Сторону попадают души умерших, впервые предложили ваши исследователи, не так ли?

– Исследователи? Безбожники, которые сами не понимают, о чём пишут, – отозвался южанин.

– Почему же вы вспомнили об этом сейчас?

Виллем выдохнул изрядный клок дыма. Он явно не собирался отвечать. – Так ясно дело, – пришёл на помощь Фродвин, – На Обратной Стороне Нергеддеоновы полоняне! Кого Падший прельстил своими злопакоными посулами! Сказывают ведь, что там его вотчина.

– Лично я в этом сомневаюсь, – поёжился Шаан.

– Так святоши говорят. Скажете, брешут?

– Святоши? Нет...

Перекинувшись ещё парой пустых замечаний, странники стали расходиться. Когда за столом с ним остался лишь Айдан, инквизитор спросил:

– Вы хорошо знали мастера Бернхарда?

– В какой-то степени. Я два года проработал под его началом, но у меня почти не было возможностей поговорить с ним лично, – он хотел добавить, что теперь жалеет об этом: ведь старик очень много знал, и речь не о тонкостях богословия – мастер мог иногда расщедриться на удивительные сведения о мире, хоть и делал это неохотно, словно стыдясь своих откровений. Может быть, кольнуло Айдана, поэтому его и убили. Шаан молчал, словно дожидаясь иного ответа, и монах брякнул: – Знаете, когда барон заставлял нас приукрашать подвиги своих дружинников, превращать на пергаменте поражения в победы, мастер Бернхард спорил с ним чуть ли не до драки, чтобы только мы смогли написать, как было на самом деле.

– И всё же он не хотел, чтобы кто-нибудь исследовал Обратную Сторону или путешествие Дейермера? – откликнулся инквизитор.

– Ну... да, – Айдан подумал, что Шаан как-то слишком много знает о старом хронисте для человека, лишь проездом побывавшего в Ланциге. – Я не знаю, почему. Никто не знает, почему.

– Да, – инквизитор задумчиво кивнул. – Но теперь он мёртв, и вы едете по следам Дейермера, – он сказал это самым обычным голосом и не расщедрился на взгляд, но Айдан затрепетал, словно перед ним уже и судья, и обвинитель. И в самом деле, не найти подозреваемого лучше: траванул старика – и в бега с его архивом. А барон будет невинным соучастником, чьей одержимостью воспользовался коварный убийца.

Приговор не прозвучал; Шаан поднялся и, не поднимая глаз, пошёл к себе, оставив Айдана наедине с мыслями о грядущем процессе. Конечно, думал монашек, здесь, на Пустом Тракте, на этом пунктирном шве между двух полотен неизвестности, он не заявит о своих подозрениях, да и я от него никуда не сбегу – не таков, чтобы найти приют у волков с разбойниками – но как только мы окажется с Толимаре, будут и кандалы, и пытки, наверное. А там и колдовство припомнят.

Айдан так напугал себя, что его даже начало подташнивать, и он вышел подышать свежим воздухом.

Снаружи, особенно после спёртого жара тесной корчмы, было более чем прохладно. Северный ветер своими когтями изодрал облака; теперь сквозь дыры глядели внимательные огоньки, рыжеватое сияние Осенней Луны угадывалось прямо над головою, серебристый краешек Бледной Луны выглядывал из-за крыши амбара, а рыхлые строчки Дороги Титанов, сиреневые с зелёным, терпеливо ждали переводчика, который разгадает скрытые в них премудрости. Быстрая полоса прочертила небо. Если верить хроникам, астрологи древности умели предсказывать грядущее, наблюдая, откуда и под каким углом приходят падающие звёзды.

Нечестивые бредни, конечно же, хмыкнул Айдан, а сам стал тщетно вспоминать, считалось ли такое направление благим или зловещим.

Там, куда указал небесный штрих, угадывалась большая тёмная масса – гребень холма, должно быть, а ниже, на самом краю освещённого пятна, покоился плоский камень, и на нём сейчас кто-то стоял, кто-то в куртке с капюшоном, безмолвно и неподвижно, сжав в кулак правую руку. Айдан вздрогнул. Это она, конечно же, в одиночестве смотрит на звёзды, словно запершись в другом мире, пока толпа гудит и гогочет в грязной таверне. Может быть, подойти к ней? Хотя не так уж и много видно, я узнаю некоторые созвездия, я знаю истории, которые скрываются за их названиями, я мог бы...

Он уже почти подобрался к ней, когда что-то хрустнуло под ногами. Она резко обернулась, увидела, что к ней крадётся ужасно растерянный, позабывший разом все пять известных ему языков монашек. Она соскочила с камня и, не обращая внимания на его робкие извинения, удалилась, нет, почти убежала прочь, едва не толкнув плечом нечаянного обидчика.

Айдан остался стоять, гадая, что в этом фрагментарном небе так её заинтересовало.

Боги, герои, проклятья

Проснулся Айдан с рассветом – привычка, вдолбленная годами монастырской дисциплины – но вставать совсем не торопился. Сдавил поплотнее веки, накрылся с головой и скрючился под одеялом так, чтобы ни один лучик, ни одна ледяная змейка сквозняка не ворвались. Не то чтобы так валяться было очень удобно, но всё лучше, чем вылезать, тащиться куда-то... Увы, от звуков тонкое шерстяное одеяло защищало не очень хорошо, и вот уже лезло в уши чьё-то настырное бормотание, шелестел неодобрительный шёпот. Ну, конечно же, скрипнул зубами Айдан, это ворчат крестьяне, уверенные, что монаху, священнику должно встречать рассвет в храме, вымаливая у Владыки милостей к их душам. Вот если бы они сами попытались не опаздывать к службам, не трескать втихую сало в постные дни – может, и вышло бы из них что-то путное... Увы, от собственной совести наброшенное на голову одеяло не помогало – пришлось вставать.

Дрожа и спотыкаясь, Айдан дотопал до ротонды. Внутри, под стражей тонких щербатых колонн слегка приподнималось над окружающей твердью пространство на пару дюжин верующих и, обращённый к восходящему солнцу, каменный алтарь с полочкой для священных книг и специальными выемками под ритуальные кубки. Ни тех, ни других у Айдана с собою не было; тексты утренних молитв он и так наизусть помнил, а к сложным ритуалам, столь милым равно душе простого пахаря и охочего до зрелищ вельможи, он питал какую-то необъяснимую неприязнь. По правде сказать, Айдану даже и эти рассветные молитвы казались опасно близкими к идолопоклонству, но исконную традицию, конечно, разумом не переломишь. Да и простым, опять же, людям гораздо проще возносить хвалы явному и зримому солнечному диску, а не в монастыре собственной души вести беседы с бесконечно далёким, почти метафорическим Владыкой. Айдан тряхнул головой: в прошлой обители за такие разговоры наказывали розгами.

Встав пред алтарём, он воздел руки, прикрыл глаза, одновременно защищаясь от хлещущего из ложбины между холмами света и пытаясь сосредоточиться на умопостигаемом образе Владыки, набрал побольше воздуха в грудь – и потекли с языка привычные слова молитвы. О, мощный Вседержитель, даруй нам спасение в сиянии Твоём, направь на дорогу истинной жизни, дай этого, и дай того, и защити от происков Нергеддеона. Когда пришла пора выпрашивать у Владыки блаженство в райских садах, Айдан задумался, как бывало порой, а какое оно, блаженство – только вот на этот раз ответ был вполне определённым – и вот уста произносили положенные слова, не ошибались, не искажали интонацию, а в мыслях царили одни только её умопостигаемые щёки. Как хорошо было бы прикоснуться к ним, возможно, даже прижаться собственной, – ой, кстати, небритой – щекой, какие они, должно быть, гладкие, мягкие, тёплые... Тем временем, полдюжины крестьян приползло вслед, они тоже бормотали что-то, один клал земные поклоны, другой вообще распростёрся на влажных ледяных камнях. Айдан представил, что с этакой, почти неприличной молитвой на устах, он ведёт их всех напрямиком в ад, он уцепился за строку о погибающих грешникам и кое-как вытянул себя, завершив службу в пристойном состоянии духа.

По окончании тот самый крестьянин, что валялся, хмурый и очень бородатый, с целым сочинением из морщин на щеках, подошёл и серьёзно отчитал за то, что обряд был проведён без должных ритуальных принадлежностей. Он из-за этого, сказал селянин, стал только наполовину действенным. За плечами у него сердито кивали головами двое картофельных бородачей. Айдан довольно невежливо заткнул их двумя полуслучайными цитатами из Писания и оставил переваривать эту неожиданную мудрость.

Воротившись, монах застал своих вчерашних собеседников уже сидящими у столов и готовыми к завтраку. Они поприветствовали его, Фродвин при этом выразил готовность

сегодня грешить вдвое больше обычного, раз молитвы такого человека стоят на страже его душевного благоденствия. Виллем, слушая его, неодобрительно зацокал.

Войдя вслед за монахом, крестьяне-богомольцы оживлённо спорили, и не о тонкостях веры: их занимал вопрос о том, достаточно ли было трёх плевков через плечо, если один из них раздавил по пути саламандру, или надо было ещё устроить ей похороны. Увы, последнее, как недвусмысленно гласила примета, должен сделать самолично убийца, а этот заартачился и твердил, что у него-де с собой ларчик, а в нём – земля с могилы мученика, так что от всяческого сглаза он защищён так надёжно, как если бы с ним ехал сам епископ. Вчерашняя языкастая бабуся, заслышав, о чём говорят, заохала и погнала своего племянничка: найди, мол, какого ни на есть убогого или там побирушку какую – и дай монетку, не то Владыка проклянет нас и пошлёт на дороге татей.

Фродвин, облизнувшись на их невзгоды, подкрался и проклекотал, что плевки – это мёртвому припарки, а ежели господа желают проведать истинно действенную методу, так пусть землю-то могильную развеют над торною дорогой: амулетик сгинет, енто да, но и злую судьбину заберёт с собой. Возвращаясь к столу, Фродвин гадко подчихивал и с довольным видом наблюдал, как перепуганные бедолаги готовы были чуть ли не разорвать обладателя реликвии, лишь бы добраться до неё. Шаан слабо улыбался, глядя на них, а Виллем бросил, что суеверия гевинтерских селян противны Владыке.

Проглотив скудный, бессодержательный завтрак, путники снова встали на дорогу. Ополченцы, которые не меньше мужичья боялись раздавленных саламандр, устроили перед отъездом взбучку придорожной земле: искололи кинжалами, поколотили дубинами – потом ещё друг с другом скрестили оружие – вроде как, за день Владыка не расщедрится больше, чем на одну драку, а потому возможно, избравив её, избегнуть настоящей.

Одному из крестьян – совсем ещё молодому, щуплому парнишке – нездоровилось. Родители даже сходили к Фродвину – тот много причитал, смотреть на больного отказался и продал им пучок сушёных трав. Айдана тоже попросили произнести над парнем пару молитв – он согласился, но, пока бормотал положенное, больше думал о том, не заразна ли эта хворь. К счастью, не было ни кашля, ни метаний – только замутнённый, блуждающий без цели взгляд. Недужный не мог идти сам, поэтому его сложили на телегу в надежде, что в Толимаре поставят на ноги.

Стало прохладнее, временами налетал пронзительный, залезающий в малейшие щёлочки, ветер, но зато и небо очистилось, лишь небольшое стадо облаков топталось по нему, как будто следуя на юг этим же самым трактом. Солнце, впрочем, не жаждало расточать свои милости скудному краю и по большей части пряталось то за одной тучкою, то за другою. Фродвин, который, кажется, вместе с пивом проглотил что-то ехидное, не преминул заметить, что именно к таким последствиям и приводят рассветные молитвы без надлежащего инвентаря.

Тракт по широкой дуге огибал нескончаемое болото – жёлто-зелёное, пушистое, словно шубка какого-нибудь зверька, временами оно вспухало тёмными пузырями камней, его разъедали сизые лакуны грязи, прорывали чёрные пятна стоячей воды. Порой мелькали настоящие озёра, обложенные по краям пучками сухого камыша, порой – приправленные валунами островки тверди, на которых гнезилось по несколько заморенных сосенок или чернопалых берёз. По-своему это был красивый и даже уютный край, и Айдан подумал даже, что будь он каким-нибудь подвижником, непременно обосновался бы посреди здешней лохматой топи.

На время ленивое созерцание заставило его даже забыть про записки Бернхарда. Потом из болтовни пугливого мужичья к нему в голову вползли орки – в его воображении с холмов посыпались клыкастые великаны верхом на волках-переростках – всё как рассказывали повидавшие несколько набегов ланцигские насельники-старожилы – ужасное, но эпическое зрелище, которое можно потом изложить в леденящих кровь строках. Айдан даже подобрал пару звучных оборотов, но, не записав, почти сразу же потерял их.

Трудности начинались, когда приходило время воображать сшибку и его собственную роль в ней. Так-то у каждого странника обычно имелось какое-никакое оружие, хотя бы утяжелённый посох, приспособленный под дубину, монахам же не полагалось и такого: Владыка оборонит – и это вставало непреодолимым препятствием на пути у фантазии. Как, спрашивается, разить зеленокожих, если ты не бугай, который сшибёт плечом и задушит голыми руками – может быть, кто-то из других путников ссудит лишнее оружие? Какой-нибудь кинжал? Да нет, – фыркнул про себя Айдан, – хорош я буду с ножичком против палицы – швырк-швырк, и меня уж покромсают, пока подойду. Нет, надо что-то другое – у дороги тронутый лишайником щербатый булыжник разрывает травяной пласт – конечно, камень! Подобрал, засадить в лоб волку, а после ударить всадника, отобрать у него дубину, совершить ещё парочку подвигов и получать одобрительные кивки попутчиков, когда придёт черёд вспоминать о побоище за тарелкой каши.

Картины были – сказка. Размечтавшись, Айдан задремал в седле, а когда проснулся, обнаружил, что на гребне холма, между караваном и солнцем, застыло трое всадников, чёрных, как мысли душегуба. Но на разбойников они не походили: ни один порядочный бандит не стал бы вот так маячить на виду у добрых путников. Обождав немного, подозрительная троица скатилась к дороге, сразу обретя цвет, заблестев под скупым солнцем и превратившись в рыцарей. Их встретили настороженно: лишних мечей на Пустом Тракте никогда не бывает, но как узнать наверняка, что это не дезертиры?

Один вырвался далеко вперёд – остробородый, с похожими на ещё одну довольную улыбку усами. На груди у него красовался чёрный рассерженный волк: грива топорщилась, когти торчали в разные стороны, из пасти высовывался алый загнутый кверху язык, а белые буркала смотрели яростно и зловеще. Красная ткань сюрко казалась кровавым озером, в котором купается лютый хищник – приметное зрелище, вот и Айдан вспомнил, что в таких нашивках щеголяли рыцари из личной дружины герцога Северной Марки.

Приблизившись к странникам, он звонко поинтересовался, кто тут главный. Навстречу выехал один из ополченцев – начал представляться, да имя его не больно-то интересовало рыцаря, который сделал знак придвинуться ближе и что-то шепнул – ополченцу вести явно не понравились. Случившийся рядом Фродвин всё расслышал и тут же передал инквизитору, что неподалёку видели разбойников, печально известную в здешних местах банду.

– Да какого?.. – рявкнул остробородый, но уже весь караван обсуждал его упущенный секрет. Тогда он великодушно добавил: – Не тряситесь, проедемся с вами.

– Спасибо тебе, благодетель! – подала голос щедрая бабуся. – Век не хворать!

Рыцарь хмыкнул, и троица возглавила караван.

Между тем, хворому парнишке становилось всё хуже: он громко стонал и ворочался на телеге. Даже остробородый осведомился, что там происходит, и, похоже, пожалел о решении примкнуть к странникам. Один из картофельных бородачей тихонько помянул чуму – на него зашикали. Инквизитор о чём-то пошептался с Фродвином, потом достал из сумы кольцо с кровавым крупным камнем, покрутил его на пальце, побледнел, покрутил ещё немного и негромко произнёс:

– Пожалуйста, давайте остановимся.

– Слышь, – бросил один из ополченцев, – потерпи малёк, скоро привал.

– Айдан, пожалуйста, может быть, вас они послушают? – Шаан бросил красноречивый взгляд на больного парнишку.

Пока монах соображал, как ему переубедить охранение, с ними поравнялся остробородый, который внимательно рассмотрел птаху на инквизиторской куртке, потом воззрился на хворого и скомандовал:

– Останавливаемся!

Ополченцы зароптали, но спорить с рыцарем не стали, караван встал.

– Спасибо, – промолвил Шаан. – Теперь, пожалуйста, отойдите от него, – он стал водить руками, словно разводя перед лицом ветки. Странники, хоть ничего не поняли, уже начали расступаться, да было поздно.

Мальчишка завопил, шарахнулся, как от волка, возникшего вдруг на телеге. Он выставил руки, сиюсья укрыться от незримой напасти. Он всё кричал, и зелёные холмы сделались чёрными, ложбины стали провалами, небо испещрили звёзды – мелкие злые крапинки. Страх теперь стиснул каждого, сжал – что и не выдохнуть. Слова в неподвижном воздухе умирали, не родившись, лишь крик не прекращался, кромсал души.

Чёрные на чёрном, высеченные в пепле орочьи хари. Теперь не чёрные – зелёные, почти коричневые. Не замерли – рыкают, разевают пасти. Повсюду шатры, костры да кибитки. Повсюду холмы, дорога и тучи. Перепуганные странники. Орки – тут они. Все при мечях, за спинами луки, воют, как изуверы, выпущенные из преисподней. Дюжины две, не меньше клыкастых.

Рыцари рванули навстречу, да всюду телеги, не развернуться. Клинки скрестились, опустевшая шея брызнула кровью. Телохранитель достал свой огромный двуручник, заслонил госпожу со свирепым видом. Клыкастый смял ополченца дубиной, запрыгнул на телегу, толкнул Шаана – его арбалет пальнул в небо. Но орк инквизитора даже не тронул, помчался прочь, стал забираться на холм – да его застрелили в спину. Айдан хотел отойти подальше, но упал, и чья-то нога лягнула его в брюхо. Тьма под телегой – уж лучше быть трусом, чем в свалке свои же случайно зарубят. Там вопли и треск, молитвы и слёзы. Там топот и рык, божба и проклятья. Там смутные тени, там «С нами Владька!».

Когда всё утихло, Айдан ещё какое-то время не мог решиться вылезти из-под телеги, боясь уже не столько за свою жизнь, сколько за репутацию. К счастью, никто не смотрел в его сторону: все радовались, что живы, а кто потвёрже – пытались помочь раненым. Досталось в основном ополченцам, и ещё тот самый селянин, который всё время раздавал монеты, безвольно покачивался в объятьях мамыши. Не сильно-то ему помогло подаяние, подумал Айдан. Виллем пробовал пальцем свежий синяк, похожий на размеченный багровыми точками эскиз к миниатюре, и болезненно морщился. Картофельные бородачи пытались убрать с телеги чьи-то кишки, а когда увидели монаха, одного из них аж перекосило от злости, он сделал шаг в его сторону, да приятель удержал и стал шептать что-то в ухо – вид у него, правда, тоже был не особо миролюбивый. Айдан понял так, что эти двое считали его виновником случившегося и готовили месть. Услышали, наверное, что в Ланциге завёлся монах-чародей, и готовы теперь валить на него все несчастья.

Остробородый хмуρο поглядывал на путников, словно прикидывая, через кого ещё полезут орки – но когда селяне подошли с вопросами, очень уверенно ответил им, что нападение отбито и бояться нечего. Народ рассыпался в благодарностях, пообещав денно и ночью молиться за спасителя, тот отделялся скупыми улыбками.

– Есть тут колдуны? – громко спросил рыцарь.

– М-м, прошу прощения, – не без труда проложив к нему дорогу, проговорил Шаан. – Я инквизитор, – он показал нашивку.

Остробородый сощурился, внимательно посмотрел на птаху с факелом, потом на её обладателя, потом прицокнул и кивнул.

– Хорошо, – негромко промолвил он. Айдану тоже пришлось подойти, чтобы его расслышать. Приблизилась и госпожа в капюшоне, закинув на плечо арбалет. Следом плёлся верный телохранитель, никого не замечая и усердно полируя тряпочкой свой двуручник.

– Ваше мнение? Это какая-то магия? – вопрос о том, ждаты ли ещё клыкастых подразумевался, но не был произнесён.

– Магия, да, – ответил Шаан. – Тот человек был Пробуждённым, и когда он пробудился, орки, м-м, попали сюда, используя его душу, как портал.

– Жуткое дело! – охнул Фродвин.

– Но мы тоже побывали на Обратной Стороне, – встрял Айдан. – Я... я видел чёрные холмы... Вы же тоже их видели, да? И шатры тоже...

– Видели, – неохотно подтвердил остробородый. – Что скажете? – он посмотрел на Шаана.

– Я не уверен. У меня есть предположение. Это пока очень сырая теория, простите, – глаза инквизитора остановились, словно вокруг никого не было, замороженные переливами причудливых гипотез. – У портала всегда две стороны. Там, у орков, тоже должен быть Пробуждённый, душа которого синхронизована с душой нашего. И когда одни одновременно пробудились, окрестности их душ здесь и на Обратной Стороне оказались совмещены. Понимаете? Поэтому все мы тоже оказались в трёх и даже в четырёх местах одновременно: здесь, там и в соответствующих точках Обратной Стороны. И, если бы мы захотели, то смогли бы, наверное, переместиться к оркам, – его взгляд наконец нашёл попутчиков, но тут же отдёргнулся.

– Что-то я ничего не понял, – признался рыцарь. – Но звучит складно, я запомню.

– Наш доблестный инквизитор наслышан о делах Обратной Стороны, как я погляжу, – ехидно проговорил Фродвин.

– Иногда, – ответил тот, – инквизиции приходится иметь дело и с Пробуждёнными. Я сам как-то был свидетелем приступа, вот и почувствовал его приближение.

– А чтой-то за колечко у вас? – костлявый палец почти что клюнул кровавый камешек. Шаан отдёргнул руку.

– Простите. М-м, оно реагирует на грубые эманации Обратной Стороны. Когда близок приступ, камень начинает мигать. Я решил проверить, а он вдруг...

– Полезная штукавина, – кивнул Вальтер. – А больше тут Пробуждённых нет?

– Уверен, что нет.

Айдан выдохнул с облегчением.

– Можете посмотреть, если хотите, – инквизитор снял кольцо и протянул Фродвину, который и в самом деле только что не лез отнимать.

– Ишь ты, – воскликнул тот, жадно оглядев его со всех сторон. – А я вот слыхивал, что Обратная Сторона, ежели даже за ней просто наблюдать, становится фиктивной.

– Какой?

– Фи... фиктивной?

– Вы хотите сказать, активной? Но... вы же не думаете, что я?.. – Шаан испуганно посмотрел на Вальтера. Тот полез чесать затылок.

– Ну, что вы такое говорите? – вступилась госпожа. – Конечно, не думаем.

– Уж и сказануть нельзя!

– Это ведь могло случиться и само по себе? – успокаивающим тоном промолвила она. – Мы ведь не знаем, отчего люди пробуждаются. И орки тоже.

– Мы-то не знаем, – возразил рыцарь, – но больно уж клыкачи хорошо подготовились к этой беде: мечи подхватили, доспехи напялили. Я вот думаю, они не просто так бросились врассыпную, не попытались даже поубивать всех, кто с оружием, как у них принято. Видно, в этом и был их план, хотя мне трудно представить, ради чего зеленокожие поступились бы честью.

– У клыкастеньких есть честь? – ухмыльнулся Фродвин.

– Ещё бы! Сбежать, пока другие дерутся, для них похуже смерти. Хотя, – он нахмурился, – если кто-то собрал орду таких...

– Я не слышала, чтобы у орков были сильные чародеи.

– А в том-то самое и плохое, – желчно проговорил рыцарь. – Наверняка кто-то наш, и хорошо ещё, если не из Северной Марки!

– Видите, я тут ни при чём! – воскликнул инквизитор.

– Вас ни в чём и не подозревали, – уверила она.

– Да точно кто-то из наших!

– Так, могёт быть, ааренданцы подсуропили? – предположил чернокнижник.

– На кой им?

– Да вот кто их, мерзавцев, ведаёт?

– Я не пойму, вас ааренданец обсчитал, что ли? – хмыкнул рыцарь. – Поэтому так на них взъелись?

– На вашем месте, – проговорил Шаан, – попробовал бы выяснить, где они, м-м, взяли столько энергии. Я не могу сейчас провести соответствующие вычисления, но, полагаю, открытие портала, соединяющего души, требует впечатляющего энергетического бюджета.

– А как это выяснить?

– Самый простой способ заполучить большое количество энергии – это собрать побольше магических кристаллов. Их нужно купить и доставить в место проведения, м-м, ритуала.

– И мы, – подхватил рыцарь, – могли бы отследить, кто закупает большие партии кристаллов, и прижать мерзавца.

– Это ежели клыкастые не награбили их за Холодными Вратами, в Империи, – ехидно заметил Фродвин.

– Да, это бы всё усложнило, – с досадой промолвил инквизитор.

– Окромья кристаллов есть и другие способы усилить чары, – продолжил чернокнижник. – Вот, скажем, предметная магия...

– Вы забываете о главном, – проронил Виллем. – Если портал хотя бы ненадолго соединил этот мир и Обратную Сторону, ток силы через него мог окупить этот ваш энергетический бюджет.

– Я, м-м, не подумал об этом, – инквизитор нахмурился.

– А вы, погляжу, знаете толк в таких делах! – воскликнул Фродвин.

Виллем пожал плечами.

– Но я бы всё равно предложил, м-м, поискать необычные поставки кристаллов.

– Поищем. Но я даже не знаю, кого благодарить за предложения, мы как-то не поздоровались нормально. Я Вальтер.

Айдан, Виллем, Шаан, Фродвин тоже назвали себя, она же просто сказала:

– Спасибо, что пришли на помощь.

– О, что вы, моя прекрасная госпожа, для меня удовольствие составить вам компанию на этой пустынной дороге!

Айдан заскрипел зубами.

Рыцарь бережно подхватил её пальцы и – правда, губами не прикоснулся, но наклонился опасно близко. Повисла пауза; к этому моменту уже прозвучало достаточно имён, и ей тоже пришлось представиться:

– Этельфледа, – неохотно выпустили её бледные губы. Как будто чтобы отвлечь всех, она быстро добавила: – А это – Годфруа, мой телохранитель, – великан пододвинулся поближе, вежливо поклонился, но его внимание по-прежнему целиком поглощал меч. Он даже не потрудился ответить на приветствия что-нибудь более содержательное, чем «Угу».

Вальтер явно собрался ещё у неё что-то спросить, уже рот распахнул, но она оказалась быстрее: повернулась к Айдану, глянула – словно в ночной глубине пара ярких, сверкающих звёзд – тот застыл, оглушённый. Она что-то ему сказала своим плавным, немного низким голосом. Внимание присутствующих обратилось к монаху, он прокашлялся, судорожно сглотнул и сумел в итоге даже назвать себя, не запнувшись, хотя её запах, отзвуки её голоса, бережно хранимые в заколдованных лабиринтах ушей, увлекли всё разумное, что ещё теплилось в голове, в страну запретных фантазий.

Из-за холма примчались двое рыцарей, которые с самого начала были с Вальтером. Он махнул им рукой, мол, присоединяйтесь к светской беседе, но те явно не были настроены болтать с путниками.

– Упустили! – не слезая с лошади, досадливо крикнул один.

– Драпают наутёк во все стороны, – поддакнул другой. – Как будто сам Падший за ними гонится. Подстрелили двоих, остальных теперь и не сыщешь!

– Да чтоб их! Мало того, что коня подо мной подрезали, так ещё это! – Вальтер стал расхаживать туда-сюда, дёргая себя за бороду и вполголоса бранясь. – Да и где это видано, чтобы орки от боя бежали? Это же у них вечный позор, скажите? Их же теперь ни одно племя не примет... Если узнает, конечно.

– Сбежали всего шестеро, – Этельфледа попыталась успокоить его.

– Ну, да, – рыцарь скривился. – Полторы дюжины мы уложили, – он посмотрел в ту сторону, где ополченцы громоздили холм из орочьих трупов. – А вдруг так по всему Гевинтеру? Слушайте, – обратившись к инквизитору, обеспокоенно промолвил он. – Вот вы образованный человек, видели когда-нибудь что-то подобное?

– М-м, нет, не видел. Но это могущественная магия, не думаю, что орки могут открыть за раз больше одного портала.

– Если это орки, – буркнул Вальтер. – Ну, хорошо, нечего болтаться на открытом месте, вечером в таверне договорим. Эй, ты монах?

– Ага, – сообразив, что его спрашивают, Айдан закивал.

– Мы вот там сложили, – он показал покойников, которых и в самом деле уже успели устроить рядом в отдалении, словно чтобы они вот так же, красивым строем, отправились на тот свет. К ним как раз присоединялся сейчас, несмотря на изрядное противодействие мамыши, убитый крестьянин-милостивец. Она всё хныкала, что, может быть, он просто в обмороке, пыталась встряхнуть, не пустить к другим мертвецам, да носильщики отгоняли бранью. – Дашь им Последнее Благословение?

Айдан кивнул, подумав с досадой, что мог бы и сам догадаться. Провожать усопших было долгом каждого клирика, и он чувствовал, что это меньшее, что может сделать для тех, кто защищал его, прятавшегося во время боя под телегой монаха.

От того, что он там увидел, Айдана едва не стошнило, но, к счастью, язык помнил слова поминальных молитв, а руки – порядок жестов и знамений, и ритуал шёл своим чередом, как бы ни чувствовал себя невольный священник и сколько бы ему ни приходилось бороться с мыслью, что покойники, которых он так старательно провожал в неувядающие райские сады, наверняка были теми ещё головорезами, и ждали их скорее чёрные, обглоданные огнём Утёсы Утрат.

Нескончаемо, как осенний дождь, накрапывала молитва; Айдан не вдумывался, что говорит, тем более что в уши лез надрывный гомон спасённых. Повсюду порхали обрывки молитв, а особенно старательные крестьяне чуть ли не до скалы распахали лбами уже и так растоптанную грязь. Некоторые каялись.

Когда с ритуалами было покончено, настало время для погребального костра. Священное писание учило, что человек ничего не может забрать с собою в иной мир, поэтому с почивших ополченцев снимали всё, что представляло хоть какую-то ценность: оружие, доспехи, кольца – сапоги отдали крестьянам, потому что Владыка заповедал делиться с убогими. Завернув практически голые тела с головой в плащи, стали выяснять, кто и как разожжёт костёр, Вальтер снарядил одного из ополченцев, тот пыхтел и тужился, но влажная шерсть отказывалась разгораться. Фродвин, конечно же, сообщил, что имеет прекрасное средство, с которым не проблема разжечь костёр хоть на голых камнях, хоть даже в трещине посреди огромного ледника, и готов продать его с большой скидкой. И это он зря сказал, потому что Вальтер подошёл к нему и, самым задушевным голосом попросив оказать милость усопшим, заставил-таки

пролить на бранные останки целый пузырьёк чудесного снадобья; Фродвин каждую каплю провожал таким взглядом, словно она была из чистого золота, а уж вздыхал он, как целое сборище плакальщиков. Теперь уже пламя не заставило себя долго ждать и вспыхнуло с такой силой, что всем пришлось отойти и глаза прикрыть ладонями от жара.

Орков обирать побрезговали, жечь тоже не стали и попросту утопили в луже. Пусть, мол, там гниют вечно, не видя ни Света истинного, ни быстрого конца во Всесжирающей Тьме. Одно из тел развернулось перед тем, как уйти в пучину, и на груди у орка Айдан с ужасом обнаружил белый медальон в виде благословляющей ладони – обычный знак принявшего благодать Света. Он поднял руку, чтобы остановить, но сверху бросали уже следующего клыкача, и только пузыри хлюпали там, где только что виднелась безвольно распахнутая пасть. Вконец растерявшись, Айдан произнёс про себя литанию о сгинувших в море. Очень может быть, конечно, что зеленокожий просто снял понравившийся медальон с шеи какого-то незадачливого путешественника, но вдруг, вдруг... Ходили же к ним миссионеры, столько лет уже ходили – неужто не было у них ни одного успеха?

Убедившись, что клыкачи утонули, Вальтер свистнул своим:

– Останетесь тут, дождётесь чародеев, им всё расскажете, как было, – те кивнули. – Думаю, они уже вылетели, часа через три будут здесь. А я возьму твоего коня и проеду с караваном. Ну, так, на всякий случай. Доберёшься же как-нибудь? – покорный кивок. – А ещё... этот где? Видел же его.

– Кого?

– Да Пробуждённого, – рыцарь покрутил головой. Ему показали: парнишка лежал на телеге, и багровые пятна у него на шее наглядно свидетельствовали, что он не просто спит. Айдан пробормотал короткую молитву. Пробуждённых боялись, и если уж кто-нибудь из них проявлял себя, соседи порой расправлялись с несчастным ещё раньше, чем приезжали волшебники. Вальтер выругался, но весьма спокойно сообщил: – Этого тоже вам оставим, сдадите его чародеям. Пусть сами разбираются.

– Он ведь не просто погиб, – выговорила ему Этельфледа. – Вы даже не станете расследовать?

– Так ведь это...

– Да, Пробуждённые бывают опасными, и для себя, и для окружающих. Но разве от этого они перестают быть людьми? – горько молвила она. Вальтер смешался и, выйдя перед путниками, промолвил:

– Слушайте, может, кто-нибудь признается, а? – повисло настороженное молчание. – Сами понимаете, пока допросы, дознание – тут и заночуем, – он украдкой посмотрел на Этельфледу. – А колдуны прилетят – всё же выяснят, не отмолчитесь. Ну, а если сейчас признаетесь – повинную голову, как говорится, и меч не сечёт, – он выждал ещё немножко и стал уже поворачиваться к госпоже, чтобы объявить о провале эксперимента, но тут, протолкавшись через толпу, выскочила щедрая старуха.

– Я! Я убила! – колотя себя в грудь, проверещала она. – Сгубил он моего сыночку, последний свет мне потушил – так я с ним и разделалась, душегубом! Секите меня хоть на этом самом месте! – она гордо вскинула трясущийся подбородок. Пробежавший позади одобрителный шепоток явно был на её стороне.

– Ну, вот, разобрались, – Вальтер победно улыбнулся. – Останешься тоже с ними.

Старуха неспешно, с достоинством поклонилась ему и поковыляла к двум другим рыцарям. Этельфледа хмуро воззрилась на горе-дознателя и негромко проговорила:

– Вы ведь понимаете, что она оговорила себя? Она совсем старая. Видите, как у неё руки трясутся? Она бы не смогла... – но Вальтер только глупо моргал и помалкивал. – Шаан?

– Простите, – виновато улыбнулся тот. – Здесь нет моей юрисдикции. Я могу вести расследование лишь с одобрения властей.

– Всё понятно.

Стали собираться в дорогу. Крестьяне, перетрусив после случившегося, готовы были в каждом видеть скрытого Пробуждённого и очень хотели, чтобы кто-нибудь всех проверил. Сунулись к инквизитору – тот весьма научно пояснил, что его инструменты способны распознать Пробуждённого лишь незадолго до приступа. Крестьяне поняли так, что кто-то из них точно Пробуждённый, но Шаан не знает, кто, и перепугались ещё больше. Тогда пошли к Вальтеру. Он сперва попробовал прикрикнуть на них, чтобы не суетились попусту, а когда это не помогло, небрежно бросил:

– Слушайте, если до Толимара вы ещё раз попадёте в такую передрагу, то это значит, что Светлый Владыка очень, ну просто очень вас не любит. И тогда вам лучше не злить его и по хорошему отправиться на тот свет.

Полюбовавшись на их изумлённые лица, Вальтер хохотнул, объявил всё сказанное шуткой и призвал на помощь Фродвина. Тот сразу понял, что от него требуется: повытаскивал каких-то шариков, коробок, склянок, устроил с ними целое представление и объявил в итоге, что среди почтенной публики нет никого подозрительного. Крестьяне чуть фестиваль не устроили по этому поводу, а мастеру собрали небольшое подношение. Под нажимом Этельфледы тот прилюдно пообещал, что раздаст всё бедным.

Вальтер тоже тихонько поблагодарил чернокнижника, запрыгнул в седло и повёл всех прочь от места побоища. Заглянувшее сквозь щёлочку в облаках солнце играло на его шлеме – чем не ангел.

Дорога до следующего пристанища выдалась беспокойной. Караван и раньше нельзя было назвать весёлой и беззаботной процессией; теперь же он казался вереницей душ, ведомых ангелом смерти: повсюду всхлипы и сдавленные рыдания, все поминутно оглядывались, косились в сторону холмов, одновременно страшась и с какой-то мрачной сладостью ожидая узреть на зелёных склонах тёмную погибельную стаю. Кто-то молился, и без конца повторяющиеся строфы у Айдана уже отдавались уколами в затылке. Столь навязчивы были опасения, что за орков принимали стадо коров, редколесье, и даже в блажном страннике, проковылявшем навстречу со своею убогой котомкой, кто-то увидел разведчика зеленокожих и поднял страшную панику. Не добавлял спокойствия и вид поредевшей цепочки охранников, причём из оставшихся один бережно баюкал раздробленную руку, а другого ранили в живот, и теперь он был настолько плох, что даже на лошади не мог ехать и пристроился у крестьян на телеге. Фродвин ему наложил повязку с какими-то травами и порошками – даже вопреки обыкновению бесплатно – однако сам же предупредил, что, если только благосклонная судьба не пошлёт им чародея-целителя, жить парню до следующего утра, не больше. Шаан и тот забросил свою обычную улыбку, хмурился и что-то бормотал про себя.

Айдан, хоть и понимал, что только мешался бы на поле боя, не мог себе простить эпизода с телегой. Он вспоминал истории о священниках, которые громогласными воззваниями пробуждали в бойцах отвагу и решительность, и сетовал, что даже не попробовал – пусть жалко, неумело – а сразу полез в укрытие. Он снова и снова переживал позорные мгновения, в тигле презрения к себе выплавив обещание больше не показывать перед Этельфледой слабости, не пресмыкаться перед судьбой и превратиться в кого-нибудь заслуживающего уважения, пусть даже и зловещего, как Дейермер. Проговорив про себя эти слова, он сам же горько рассмеялся над ними и снова раскис. Не помог даже её запах, нахлынувший вдруг пряной волной. Оказавшись рядом, она промолвила:

– Почему бы тебе не купить волшебную палочку? Для монаха, может быть, не самое подходящее оружие, но в Северной Марке никто слова не скажет, и она будет в самый раз, если тебя не учили драться. В Толимаре их точно продают – хочешь, помогу выбрать?

Айдан так растерялся, что даже не сразу крикнул ей «Спасибо!» Она успела отъехать, и одинокий возглас прокатился по дороге, как неосторожный кашель в тишине храма. Её телохранитель, обернувшись, метнул в монашка насмешливый взгляд.

От мрачных мыслей Айдана немного отвлёк чернокнижник – почему-то ему нравилось именно так думать о Фродвине, хотя он вряд ли в самом деле был колдуном.

– Я вот кумекаю, – сообщил он катившему рядом Шаану, – что, хоть мы и страху натерпелись, а набег всё ж таки подозрительный. И клыкастеньких чуть, и все на своих двоих почему-то. Вот то ли дело, когда на вас скачет орк верхом на свирепом волке! – эта мысль его приводела в подлинный восторг: в глазах что-то вспыхивало, а жёлтые с чёрным зубы так и просились наружу, он и сам в такие мгновения здорово напоминал переодетого орка.

Айдан почти спросил у Фродвина, видел ли он сам хоть одного волчьего всадника. Эти были излюбленными героями рыцарских баек: ни один рассказ о рейде за Ведер не обходился без них. Но в Ланцигских хрониках о волках упоминали только потому, что этого требовал барон, который неизменно твердил, что и сам убил нескольких: мастер Бернхард считал рыцарей бессовестными выдумщиками, которым мало сказок о рыцаре, одолевающим в одиночку шестерых клыкачей – вот они и сочинили каких-то дурацких волков. В этом мнении старика укрепляло то, что возвращавшиеся с ожерельями из клыков бойцы ни разу не притащили с собой шкуры зверя, способного выдержать вес взрослого орка, и даже пара голов, украшавших коридоры баронского замка, несомненно принадлежала самым обычным северным волкам, хоть и довольно крупным. Но, конечно же, эти сомнения нельзя было озвучивать при рыцарях.

– Слушайте, – бросил оказавшийся поблизости Вальтер, – не надо попусту трепаться о зеленокожих. Только Владыку гневить. И вообще, не хватало нам ещё этих... – он не закончил фразу и вместо этого стал невнятно бурчать себе в усы.

– Вас что-то беспокоит? – поинтересовался у него Шаан.

– Беспокоит? Нет, – но после недолгого молчания: – Да так, мелочь. Надо было бросить в погребальный костёр...

Он снова не договорил, но Айдан понял, о чём была речь: на севере считалось, что после битвы, в которой кто-нибудь погиб, следует кинуть в костёр добрый меч или хотя бы кинжал, обогранный вражеской кровью – древний ритуал, который всё пыталась извести церковь, но за который крепко держались воители: ведь оружие будет для Светлого Владыки свидетельством того, что несчастные пали в бою и потому не успели очистить души молитвами.

– Как бы нам теперь, – буркнул Вальтер, – не схлопотать от покойников.

– Суеверия от Падшего, – твёрдо заявил ему Виллем.

– Что же делать, если они работают?

– Неужели сегодняшний день вас ничему не научил?

– А чему должен был? Что пробуждённых надо убивать?

– Вы помните, как это было? – Виллему и не было дела до того, что ответит рыцарь. – Отчаяние, ужас – как будто Владыка оставил нас, бросил во Тьму вечную.

– Не по себе было, это точно.

– Сегодня мы побывали в аду. Неужели вы не чувствуете, как обновилась ваша вера? Неужели сейчас, когда вы увидели, что вас может ждать, вы не захотели спасись, умолить Владыку избавить от этой участи?

– Наверное, пока не подействовало, – Вальтер пожал плечами.

– Шутите, пока можете, – мрачно уронил Виллем. – Владыка даёт человеку шанс, но горе тому, кто его упустит, – и он со значением посмотрел на монаха.

– Вы думаете, что ад находится на Обратной Стороне? – уточнил Айдан. Такое мнение действительно излагалось некоторыми богословами, но Церковь не спешила одобрять его. Всё-таки ни один клирик ещё не побывал там, чтобы принести достоверное свидетельство.

– Ты ничего не понял, – южанин тяжело вздохнул и закашлялся.

Новый приют казался практически точной копией предыдущего, только ротонда была немного просторнее и находилась с другой стороны от гостиницы. А так – те же вросшие в землю стены, уютные огоньки в прищуренных окошках. Над низкой дверью была прибита раскохшаяся доска с надписью «Пастоялыу двЪр». Айдан вздохнул. Даже в монастыре иной раз приходилось поучать писцов, поправлять завитки с чёрточками. Чего уж требовать у крестьян?

Спешившись, Шаан воскликнул:

– М-м, а знаете что! – он приподнял берет и вытер лоб ребром ладони. – Довольно с меня клоповников! Особенно после всего, что мы сегодня пережили, я хочу уснуть в нормальной кровати. – С вызовом поглядев на спутников, он зашагал, спотыкаясь, к стоящему поодаль крепкому и основательному, крытому, между прочим, черепицей, трактиру.

– Эвона как раскипятился-то а? – слоистым ногтем ковыряя зубы, усмехнулся Фродвин, – Но правды не отымешь. Заслужили малёк доброго покоя. Что думаете, айда и мы туда?

Виллем пожал плечами, хмыкнул и вразвалочку побрёл следом. Уже на пороге их оставило негромкое:

– А что, после чудесного спасения не возблагодарите Создателя? Может, в ротонду заглянем сначала? – Вальтер показал за угол.

– Помилуйте, добрый господин! – взвизгнул Фродвин. – С треволнений ноги не держуть, а Владыку-то мы уважим, опосля как-нибудь.

– Что, и ты? – рыцарь хмуро посмотрел на монаха. Тот отмолчался.

Пожав плечами, Вальтер отправился к ротонде. У Айдана что-то выиграло внутри – но недостаточно, чтобы пересилить безнадёжную тяжесть в ногах и вес чужих, утверждающих в несовершенстве примеров.

В трактире было не то чтобы очень светло и, скажем прямо, не слишком радостно. Четыре каменных, обитых деревом столба спускались с потолка; в углублениях сводов помигивали свечными огоньками, скрипели тёмными цепями тяжкие колёса. Крепкие столы с резными ножками смотрелись гордо и торжественно, на стенах висели пучки ароматных трав, голова оленя с похожими на клешни рогами, треснувший деревянный щит и две потемневшие от времени картины. На той, что ближе ко входу, отряд всадников неторопливо протискивался в городские ворота, и простонародье в разноцветных одеждах кидало под ноги коням какие-то круглые штуковины; что это – камешки? монетки? – не разобрать. Из крепостной башни торчали фигурки в остроконечных шлемах и с копьями, довольно крупные, если сравнить с деталями архитектуры.

Одним словом, недурной был трактир, однако же настроение в нём даже и до прибытия потрёпанных орками странников царило, как в застенках у инквизиторов, причём не таких, как Шаан, а настоящих, имперских. Несколько пузанов, на вид торговцев, о чём-то очень нервно шептались, поглядывая на новоприбывших, чуть поодаль всхлипывала немолодая дама; старичок-спутник наматывал круги вокруг неё, размахивал руками, но все его старания не в силах были смягчить её отчаяние. Строгий священник в чёрном, который сидел за соседним столом вместе со скромной и на вид весьма добродетельной парой, имел такой вид, словно Падший уже вытирал копыта у входа в таверну и пора было грозной проповедью призывать верных на последний бой. Возле камина пытели трубками трое подозрительных бородачей, сухощавых и темноплащных, и эти тоже излучали крайнюю обеспокоенность. Не поддавались общему

настрою лишь двое. Один был плотный широколицый мужчина с великолепной рыжей бородой, который даже в трактире не пожелал расстаться с чёрным беретом. Когда он клал руку на пузо, то становился похожим на бархатную подушку для колец – как на него ещё все разбойники севера не сбежались, подумал Айдан. Его сотрапезником и вторым оплотом невозмутимости в этом зале был коротышка, который рядом с бородачом казался ещё нелепей, но мог похвастаться мохнатыми бровями – совершенно белыми, как и последние волосы над ушами. Присмотревшись, Айдан пришёл к выводу, что это не просто карлик, а половинчик – может быть, с севера или даже из Запретных Чащоб. Что в Гевинтере, что в Аойне их считали убогими дикарями, годными только для того, чтобы мыть полы в богатых домах, но этот старикан-коротышка не просто носил изысканный костюм, но и почитывал книжицу, временами поглядывая на окружающих, как суровый наставник на разыгравшихся детей.

– Чегой-то тут не слава Владыке, – проворчал Фродвин.

– Пойду разузнаю, – раздалось над ухом у Айдана. Озабоченно кивнув, Вальтер – который, должно быть, знал самую короткую на свете молитву, раз обернулся так быстро из ротонды – пошёл через весь зал, ухватил за локоть трактирщика – толстого, лысого, с роскошными усами, переходившими в бакенбарды, из-под которых нелепым холмиком торчал маленький пухлый подбородок – оттащил его в тёмный угол позади стойки и довольно долго с ним там беседовал. Айдан хотел бы догадаться, о чём, но разглядеть мог лишь то, что рыцарь ладонь положил толстяку на плечо, а тот беспомощно помахивал руками.

Между тем, южанин почему-то долго всматривался в лицо рыжебородого и, когда тот уставился на него в ответ, будто невзначай сложил указательные и средние пальцы решёткой – бородач, впрочем, никак не отреагировал, и Виллем протяжно вздохнул – то ли с досадой, то ли с облегчением.

Вернулся Вальтер не более жизнерадостным, чем окружающие, поставил ногу на скамью, водрузил на неё локоть и навис над столом. Пульсирующие отсветы делали его лицо старше и углубляли тени под глазами. Трактирщик, выбравшись из западни, отдувался и вытирал рукавом лоб.

– Да что такое-то? Не мучьте уже! – вскричал, протягивая к рыцарю свои узловатые пальцы, Фродвин.

– Плохи дела, – дав тому знак умолкнуть, негромко проговорил Вальтер. – Утром четыре дня назад убили ааренданнца. Не альвестца, правда. Человека. Но всё равно паршиво. Говорят, он зачем-то переделся торговцем. Какие-то тёмные делишки. А его, наверное, ещё успели обобрать, пока стража подоспела, так что никаких ааренданнских причиндалов при нём не осталось. Ну, и пока разобрались, не один день минул. Подсуропили нам всё-таки покойнички, – мрачно добавил он – так, как будто, не забудь он подложить кинжал на пепелище, уже давно свершившееся к тому времени убийство колдуна каким-то чудесным образом отменилось бы.

Крюконосый только ухмыльнулся, Шаан по обыкновению присвистнул, а Виллем всхрапнул, словно подавившись дымом. Айдан, по правде сказать, не очень хорошо понял, что это означает, но не мог не почувствовать, что это что-то нехорошее.

– Клыкастенькие? – поинтересовался Фродвин.

– Да стали бы все так переживать из-за орков? – Вальтер помотал головой.

– Ну, мало ли.

– Я бы ещё добавил, что ааренданец и не полез бы под их стрелы.

– Тоже верно, – рыцарь подёргал бороду, поозирался, потом проговорил: – Нет, не орки, люди. В Ланциге кто-то пырнул его ножом в спину. Рядом с монастырём, – со значением добавил он. От этой вести уже и Фродвина оставило игривое настроение, он всплеснул руками и постарушечьи закудахтал. Айдан – тот и вовсе чуть не сполз под стол: это же, получается, было накануне смерти мастера Бернхарда и, если правда, что уходящие на север караваны по два-три дня пережидают в Ланциге, то вся эта компания была в городе, когда прирезали ааренданнца.

Там, наверное, теперь суета, столпотворение, дорогу на Визигер тоже должны перекрыть, раз такое – а что, если убийца выехал раньше, чем поняли, что это ааренданец, и теперь преспокойно катит по Пустому Тракту?.. Кто его тут будет искать?

Кажется, инквизитор был того же мнения, и Айдану совсем не понравилось, как Шаан посмотрел на него.

– Скверное дело, – Вальтер склонился к столу и произнёс уже почти шёпотом: – Корчмарь говорит, что к нам направят дознавателя из самого Альвеста.

В ходе дальнейшего обсуждения выяснилось, что ни один из путников не знает, что за зверь такой этот альвестский дознаватель, но без сомнения угрожающий тип, куда страшней имперского инквизитора.

– Что говорят про порталы? – поинтересовался Шаан.

– Я так прямо не спрашивал, но раз не говорит, то про другие пока не слышал. Может, и правда наш единственный был. Да где уже еда-то? – Вальтер выпрямился и прокричал: – Вы нас тут голодом морить собираетесь?

Немедленно прикатился трактирщик, что-то бубнил про дорогих гостей, а потом из-за его спины, за которой, кажется, могло бы притаиться небольшое войско, вынырнули две плотных, но резвых девицы в чём-то вроде белых мешков на голове – Айдана всегда забавляли северные головные уборы, – и вместе с ними на столе явилась густая похлёбка с крольчатинной, пиво, румяные сосиски и свежий хлеб.

– Вот настоящий рай! – воскликнул, усаживаясь, Вальтер. Поглядев на Айдана, он с усмешкой добавил: – Не в обиду тебе будет сказано, конечно.

Когда ложка заскребла по дну и последняя капля упала ему в заботливо подставленный рот, рыцарь живо заинтересовался тем, с какого перепугу монаху, притом явно не любителю душевной потасовки с зеленокожими, понадобилось в Толимаре. Тот не успел и задуматься о том, стоит его ли посвящать в свои дела, как Фродвин уже всё выложил:

– Так ыть пресвятой брат про Дейермера визнаёт да про его попутчиков. Толимарские архивы распотрошить хочет!

– А я был уверен, что всё и так ясно: они были мерзкие сектанты, проклятье на их поганный род, – произнёс, развернувшись к Айдану, священник в чёрном. – К чему же эти новые изыскания? – лоб его пересекало множество морщин, а уголки рта были вечно загнуты книзу, словно он заранее не одобрял всё, на что только падает взгляд холодных, чуть брезгливых серых глаз. Лицо у него было совершенно прямоугольное, а пальцы всё время дёргали воротник.

– Да ладно вам, святой отец, – примирительно молвил Шаан. – Что заставляет вас так думать?

– Вы, пресвятой отец, – следом каркнул и Фродвин, – как погляжу, нелюбопытный такой – жуть! Поди, под ноги тоже не смотрите?

– А тебе, богохульник, наверное, под отлучение захотелось?

Айдану же вдруг стало обидно, что главного героя его будущей хроники называют сектантом – и он воскликнул:

– Об Ульрихе фон Ланциге-то совсем неправильно так говорить. Он же был никакой не сектант и...

– Неправильно? Постыдился бы рясы, беспутник! Ульрих фон Ланциг, подумать только! Вот уж был наипервейший из нечестивцев!

В поисках поддержки Айдан повернулся к Вальтеру; тот пожал плечами и сообщил, что отец нынешнего барона был, по всей видимости, обыкновенным наёмником со всеми присущими этому племени недостатками.

– Значится, – выковыривая из зубов остатки хлеба, с ехидцей пояснил Фродвин, – что не гнушался присвоить церковное добро, когда удобный случай подставлялся.

Шаан тоже согласился, что репутация Ульриха фон Ланцига была такая, что о нём вряд ли многие вспоминали с теплом. Но какие причины – помимо верной наживы, которой там явно не пахло, а также существенного вознаграждения, на которое Дейермер, безусловно, не оказался щедрым – могли заставить вчерашнего беззаботного рубаку бросить всё и отправиться напрямик в пасть неизвестности, этого инквизитор не мог даже и предположить. Надеюсь сменить предмет беседы на что-нибудь менее болезненное, Айдан спросил, – пожалуй, достаточно вызывающе – у соседа-священника, о каких ещё спутниках Дейермера он мог бы высказаться не голословно.

– Там все были хороши, – выплюнул тот, и в глазах его заискрились молнии – Вот взять, к примеру, эту старуху, как её звали, ехидну?..

– Эскала... – проблеял Айдан и посмотрел на Виллема. Тот как раз обсасывал косточку, все пальцы блестели от жира, а на бороде хлебные крошки свили гнездо. Хмуρο глянув на Айдана, потом на священника, он почмокал, ковырнул зуб, а потом изрёк:

– Эсклармонда. Ну, да, про неё ходили разные слухи.

– Нергеддеонова шлюха – вот она кто!

– Прошу прощения, – промолвил Годфруа. Он неслышно подобрался к столу и теперь стоял с очень скромным, но заинтересованным видом. – Речь ведь об Эсклармонде д'Отриви, да?

– Точно, парень! – воскликнул Вальтер. – Ты же из тех мест, если судить по имени.

– Ну, не совсем из тех, – смущенно заулыбался гигант. – Я-то родом из Юга, а миледи д'Отриви с берегов Маре-де-Фуа. Но про неё у нас многие слышали, это была добродетельная женщина. Очень религиозная. Говорят, она много жертвовала церквям и монастырям, особенно как стала вдовой.

– Кровавым серебром себе надеялась купить проход в рай, в ормэнские кущи! – парировал священник.

– А что, пресвятой отец, – наставив на него палец, весело прокричал Фродвин. – Вы ж, как я погляжу, любитель браниться; небось, приятно, а? Да приятно! Енто вам каженный скажет. А я вот слыхивал, что енто для души вредно. Когда приятно, я хочу сказать, – священник от этих слов едва не подпрыгнул, разинул рот, и уже видно было, как толпятся в мрачной пасти легионы взысканий, как развёртываются знамёна отлучений, но почему-то он вдруг оплыл, фыркнул и отвернулся к столу.

– Свезло ж нам, что он катит на юга... – отсмеявшись, выдохнул Фродвин. – А что, добрый Годфруа, поведайте, о чём там треплются, ну, про старуху?

Тот засмутился, полез чесать нос, но тяга посплетничать крепко за него взялась: потемнев и перейдя на шёпот, он с видимым удовольствием сообщил:

– Не только про неё. Понимаете... Про всё её семейство. Вроде бы, в каждом поколении кто-нибудь рождался вампиром.

– Ну, дела! – воскликнул Вальтер.

– Или вампиршей, – глубокомысленно изрёк Виллем.

– Что вы хотите сказать?

– Ничего, – бородач пожал плечами, словно отрекаясь от всякой ответственности за свои слова, и отвернулся. – Так. Но я слышал, что Дейермер тоже был... Кхм, не совсем живым. Может, он тоже был вампир. И она, возможно, хотела узнать, как он, кхм, справляется.

Такого не ожидал никто. Весь стол заходил ходуном от возбуждения. Фродвин даже подавился последним глотком пива.

– Ну, – Виллем выпятил нижнюю губу, глаза уставил прямо перед собою и выставил вперёд ладонь, словно убеждая воображаемого оппонента, – Эсклармонда д'Отриви была резвая для своего возраста. Где видано, чтобы старушка так скакала по бездорожью.

– А я слышал, что вампиры не могут иметь детей. Но у Эсклармонды д’Отриви их было что-то вроде семь или восемь.

– Я ничего и не утверждаю.

– Это всё хорошо, – несмело вставил Айдан. – Но понимаем ли мы, чего хотел сам Дейермер?

– Мне кажется, что на этот вопрос очень легко ответить, – грянул полновзвучный, слегка насмешливый голос. Все обернулись – рыжебородый в берете хлопнул себя по животу и промолвил: – Дейермер хотел закрыть дыру, но в итоге только сделал её шире.

– Что? Какую дыру? О чём вы?

– Вы кто такой-то?

– Расскажите, пожалуйста!

– Ну, милостивые государи, пожалуй, начну с того вопроса, на который проще ответить, – он криво улыбнулся. – Я учёный. Меня увлекают разные явления тонкого мира, но прежде всего, – пауза и многозначительный взмах бровей, – души.

– Учёный... – донеслось с другой стороны. – В Писании всё уже сказано, что тебе ещё исследовать, неугомный?

– О, – бородач подмигнул ему, – когда Церковь Света объявит, что умеет исцелять Пробуждённых, я первый признаю её приоритет в этом вопросе, – бородач изобразил поклон. – А пока нет, придётся нам, скромным исследователям, брать на душу грех любознательности.

– Не слушай его! Рассказывай лучше про дыру.

– Весь мир, – драматично взмахнув рукой, возвестил учёный, – пронизывают потоки силы. Движение силы питает наши души, даёт чародеям власть над сущим; останови поток, – пальцы метнулись, схлопнувшись в кулак, как будто ловя невидимое насекомое, – и самый могущественный волшебник станет совершенно безобиден, а все души рано или поздно захиреют и распадутся, не выдержав стагнации. Обратная Сторона – это огромная, алчная пустота, она затягивает силу в себя. Вот хорошая аналогия. Представьте реку, спокойно текущую по равнине. Если под её руслом разверзнется провал, вода хлынет туда, и течение станет быстрее. Так и здесь. Поток ускоряется, а значит, и души усиливаются. Дейермер желал запереть врата между мирами. Но что-то у них пошло не так, и движение силы стало только быстрее.

– А мы это можем как-то почувствовать? – встрял Вальтер. Его руки были сложены на груди, а на лице так и читалось: видал я таких, как ты, звонкоголосых брехунов.

– Есть разные признаки, да. Но это всё пока ещё предмет спора теоретиков. Может статься, на уровне человека – а человек всё-таки мелкая сущность, – он изобразил пальцами нечто и впрямь незначительное, – этого и не будет заметно. Но другое дело, когда речь идёт о крупной, мощной душе, – учёный просмаковал эти слова.

– Что ещё за крупные души?

– Как что? – учёный выдержал эффектную паузу и торжествующе оглядел бестолковый сброд. – Боги, конечно же.

– Ах ты проклятый еретик!

– Помолчи! – рыкнул Виллем. – Продолжай, – уже спокойно кивнул бородатому. – Значит, боги.

– Да, может быть, это и неудачный термин, – небрежно заметил учёный. – Я мог бы их называть божествами или демонами, если угодно, суть от этого не меняется. Так вот, боги...

– Но подождите, – воскликнул Шаан, – о каких богах идёт речь?

– О тех самых, в которых верили, скажем, древние гекатонские императоры и которые, если правильно интерпретировать исторические источники, даже весьма действенно помогали.

– Старые боги империи, – поморщился инквизитор.

– Старые или нет, они существовали. А были и другие, в самых разных краях им возносили хвалу, приносили жертвы, и они откликались на зов своих почитателей. Многие из них

заснули, погибли, истаяли, но некоторые ещё живы, некоторые ещё собирают последователей в укромных уголках.

– Вроде, у нас в Гевинтере тоже были боги... – пробормотал Вальтер.

– Я не понимаю... – вырвалось у Айдана. Руки так и чесались: записать всё, и как можно скорее!

– Ну, как же, – бородатый стал неспешно, со вкусом перечислять, загибая пальцы: – Фланс в своём лабиринте из рифов, тумана и снов, Таннайя, плетущая сети из лжи и запретных знаний, эльфийская нимфа Ирьяль из Долины звёздной росы...

– Бабы сказки, – фыркнул Виллем.

– ... и конечно же наш самый любимый...

Айдан уже догадывался, какое имя будет произнесено последним, но очень хотел бы ошибиться. Виллем, должно быть, тоже понял и заранее скривился.

– Девкалион!

С гордостью и насмешкой учёный наблюдал за взрывом негодования, который только и мог сопровождать упоминание этого ненавистного персонажа. Официальная позиция Церкви была такой: демон по имени Девкалион весьма долго и успешно дурил имперцам головы, притворяясь богом-покровителем искусств, но когда наконец истинная вера начала открывать людям глаза, его личина пала. Божество оказалось алчным чудовищем, пожирающим души своих культистов. Капища Девкалиона теперь повсюду рушились, но не таков был коварный демон, чтобы сразу сдаться: он укрылся в горах, и, как считалось, его агенты, прекрасные обликом, но мерзкие внутри, по-прежнему рыскали по окраинам Империи, выискивая слабых духом. Айдан читал даже, что три или четыре города откололись после того, как их наводнили сектанты. Одним словом, доброму прихожанину лучше было не то что не поминать его имени всуе, а и вообще не думать о нём, чтоб не запятнаться ненароком.

– Ну, хорошо, – промолвил Вальтер, когда священник закончил объяснять всем, что Бог один, а все остальные – демоны. – Вы что-то говорили про потоки, про...

– Да, – кивнул учёный. – Вот посмотрите, – он достал из-за пазухи и поставил на стол что-то вроде песочных часов с широкой перемычкой, только вместо песка в них двигались какие-то звёздочки, красные, жёлтые и белые, причём красные еле ползли, жёлтые скользили по спирали, а белые сыпались градом, в тусклых вспышках исчезая на нижней поверхности часов.

– Что это за хреновина? – ревниво проскрипел Фродвин. Сам он пододвинулся поближе, едва не столкнув с лавки Шаана.

– Вы видите белые точки? Они следуют за потоком, и довольно быстро мелькают, не так ли? Можем замерить сейчас, сколько времени... – он оценивающе поглядел на слушателей и закруглил: – Ладно, не будем. Суть в том, что двадцать лет назад скорость была намного ниже.

– И это всё? – пророкотал Виллем. Правая рука у него сжимала затылок, словно когда-то полезла его чесать, а потом отвлеклась и забыла, зачем туда направилась. – И при чём тут боги?

– О, совсем не всё, – учёный постучал по столу. – Когда поток ускоряется, боги делаются сильнее. И это тоже сложно измерить, но те, что заснули, как все считали, навсегда, могут начать пробуждаться. О, вы, должно быть, хотите конкретики. И да, я уже перехожу к ней! Далеко на юге, за морем лежит удивительная страна: край безбрежных пустынь и укромных оазисов, миражей и чудных двугорбых лошадок – забыл, как они называются. Не важно. Там, на берегу озера стоят величественные пирамиды, и во мраке под фундаментом одной из них спит бог по имени Зенон. Хорошо, божество, демон, как пожелаете! Это всё вопросы терминологии.

– Может быть, хватит уже? – донеслось с другого края таверны.

– Переживёшь, – скомандовал ему Вальтер. – Чай не орков обсуждаем. А ты не слушай их, продолжай.

– Я и не думал прерываться. Итак, Зенон. Он дремлет уже много веков, но вот последние несколько десятилетий выдались непростыми для народа пустынь: южный ветер приносит засуху и болезни, северный – налётчиков, которые грабят их деревни, а пленников продают в рабство. Миссионеры Света приносили весть о смирении, когда от них ждали совсем другого, и тогда эти люди вспомнили о своих собственных богах, они объявили новую повинность: отныне каждый должен приезжать на месяц в долину пирамид и молиться, чтобы старые покровители возвратились. Долгое время все думали, что из этого ничего не выйдет, что камни останутся безмолвными и только сухой ветер будет свистеть над согбенными спинами, но где-то пятнадцать лет назад Зенон начал говорить со своими верными, посылать им видения; он, вроде бы, даже сделал нескольких воинов неуязвимыми для оружия. Мне говорили, что с этих пор оазис превратился в сплошной ковёр из человеческих спин. Спящий бог пробуждается, и его адепты уже теснят разбойников, властвующих в прибрежных городах, – бородач только что не облизнулся, так ему приятно было рассказывать о пробуждении бога. Молчаливый половинчик тоже одобрительно кивнул.

Все по-разному отреагировали на его рассказ. Виллем не преминул сообщить, что считает всё это мутными теоретическими изысканиями, попытками в паре случайных совпадений увидеть логическую взаимосвязь. Инквизитор сам себе задумчиво кивал. Фродвин же просто пялился на чудесные песочные часы, и в глазах у него стояла зависть. Сам Айдан не знал, что ему думать, но у него было скверное чувство, как будто привычный и уютный мир вдруг стал каким-то слишком большим; и там, где недавно ещё была твёрдая граница сущего, простёрлась туманная пелена и смутные исполинские тени проглядывали сквозь неё. Боги... Ещё чего не хватало. Убереги нас Владыка от подобного!

Вальтер, между тем, отказывался верить, что такого нарядного человека могли пригнать на север научные исследования. Он вскоре выяснил, что в другой гостинице прохладилось охранение аж из четырёх человек, а половинчик был у бородача секретарём – учёный сам великодушно сообщил об этом, добавив, что, когда речь заходит об образовании, для него нет разницы между людьми и даже орками. Рыцаря это известие только ещё сильнее озадачило; он стал рассуждать, что столь разодетого секретаря себе могут позволить лишь самые богатые торговцы и прихвостни Ааренданна, пожалуй. Выждав ещё немного, бородач рассказал, что ездил в Башню Затмений и, конечно же, воспользовался для организации этой поездки помощью неких весьма щедрых меценатов. Уточнив, кто такие меценаты, Вальтер как будто бы успокоился.

И в самом деле звучало правдоподобно. Башня Затмений была воздвигнута прежде всех царств с империями неведомым народом, который за недостатком сведений называли просто Исчезнувшими. Кроме неё, они оставили ещё несколько загадочных строений далеко на юге, но, увы, не позаботились припрятать там и самой лаконичной хроники своей жизни и своего падения. У кого Айдан ни спрашивал об Исчезнувших – все только руками разводили. К руинам регулярно хаживали исследователи, а говоря прямо – любители поживиться. Они тащили оттуда разный блестящий хлам, так называемые артефакты Исчезнувших, среди которого порой попадалось что-то ценное, но всё реже. Айдану казалось, что Башню Затмений уже выгребли подчистую, и все, кто утверждал, что привёз оттуда что-нибудь, просто накупили барахла на базаре – но это не мешало очередным смельчакам наведываться в те края раз или два в год. Дорога была долгой и шла по пустынным предгорьям, где волков намного больше, чем людей, но хотя бы вдали от орочьих кочевий, так что многие даже возвращались.

Понемногу дружная компания странников стала распадаться на отдельные кучки. Фродвин стал меряться с учёным колдовским инструментарием: у них мелькали шарики, полные сизого тумана, да кружочки со стрелочками. Половинчик осуждающе качал головой, глядя на их забавы. Виллем тоже подошёл к ним, постоял рядом и, не решившись прервать спор о

достоинствах гевинтерских чароискателей, хотел уж побрести прочь, но учёный сам окликнул его. Южанин прокашлялся и тихим, сиплым голосом спросил:

– Вы не из Серых смотрителей?

Айдан удивился и наострил уши: о Серых смотрителях он слышал всякое, самые благожелательные рассказчики называли их непризнанными исследователями Обратной Стороны, но чаще говорили, что это еретики, поклоняющиеся мраку. Фрезенский архиепископ, глава гевинтерской церкви, лет десять назад осудил Серых смотрителей в особом послании. С чего благочестивому южанину интересоваться ими?

Учёный фыркнул в ответ и заявил, что он сам по себе. Фродвин добавил, что в Толимаре у него есть несколько мутных знакомцев, которые могли бы оказаться Смотрителями, и предложил свести с ними – Виллем смутился и пробурчал, что не надо.

Шаан забился в угол с небольшой книжечкой, прицелился пером в страницу и так застыл, не решаясь тронуть строку. Вальтер делился с Годфруа сальными шуточками про монашек и наёмников; у того вся шея стала красной, и глупая, широкая ухмылочка перетекала то на одну сторону, то на другую.

Она так и сидела одна за своим столом. Рыжие завитки волос попрятались, и только подбородок выглядывал из-под капюшона. Айдан долго косился в её сторону, потом сделал несколько шагов и замер, напуганный тем, что могло случиться. Возможно, – думал он, – я мог бы... развлечь её сейчас? Подошёл поближе – она как раз поднялась и неторопливо зашагала к лестнице.

– Моя госпожа, простите, что я вчера...

Она отпрянула, повернулась, волна запаха захлестнула, обняла нежными, сильными крыльями.

– Что такое? Я... – она прижала ладонь к виску, как будто вдруг заболела голова – или, быть может, она хотела поглубже утонуть в капюшоне, чтоб навязчивый монашек ничего не увидел. Сразу же крупная, злая ладонь Годфруа легла на плечо Айдану, и тяжкое сопение ударило по ушам.

– Не надо, всё нормально, – бросила она.

Давление исчезло, и плечо смогло выпрямиться, повёл им – что-то хрустнуло внутри; кажется, этой ручищей Годфруа мог запросто сломать пару костей. Айдану показалось, что темнота под капюшоном улыбнулась ему. Хорошая, хоть и слабая улыбка...

– Не знаю, за что ты хотел извиняться, но так и быть, прощаю.

Потом развернулась и пошла наверх. Запах следовал за ней тонким, шелковистым шлейфом. Айдан не выдержал и плюхнулся на лавку.

– Ты, – костлявый и жёлтый, вдобавок не очень прямой палец нацелился на него. – Да, ты, нечестивец в одежде монаха! Рассчитываю тебя увидеть завтра на предрассветной службе.

– А... Что? – слабо проговорил Айдан.

Какая ещё предрассветная служба? – ругнулся он про себя. – Почему завтра? Должно быть, самый первый на свете монах разгневал чем-то Светлого Владыку, и теперь мы вынуждены влачить эту постыльную повинность, хорошо хоть лишь по самым торжественным дням – но почему же всё-таки завтра? Какого преподобного изверга – да простит меня Владыка за эти слова, конечно – какого недруга монашеской братии угораздило преставиться в этот проклятый Владыкой день?

– Так седмица малого откровения! – обрушился на него исповедник – Что за монахи бесстыдные пошли, а? Вы хоть в церковь вообще ходите или просто так рясую таскаете, бесполезное вы племя?

Айдан так и не смог из себя выдавить ничего членораздельного, в поисках понимания посмотрел на первого попавшегося человека – а им оказался Вальтер – но тот, всплеснув

руками, ответил, что такова судьба, никуда не денешься. Священник же, погрозив костлявым – в пору самому Жнецу – кулаком, умчался наверх.

Вальтер похлопал незадачливого монаха по плечу, понимающе подмигнул и отправился беседовать с трактирщиком; тот, как видно, не был рад такому собеседнику и постарался скрыться. Фродвин же кончил самым жалким образом: учёный то ли продал ему, то ли просто подарил свою штуковину с падающими звёздочками, и теперь чернокнижник сидел и пялился на неё хмуро и весьма внимательно – но на шатавшегося поблизости Айдана отреагировал и, ехидно подмигнув, шепнул, что, дескать, вести об убиенном ааренданце как-то уж очень быстро странствуют по Гевинтеру, хотя такое стоило бы скрыть ото всех.

– Зачем скрывать? – не понял Айдан.

– Так нам ведь, – ответил чернокнижник, – завсегда талдычили, что звёздные пиявки, ааренданцы проклятые не-ву-яз-вимы, что прихвостней их из человеческого рода тоже надобно бояться, но тут вдруг выясняется, что их можно кокнуть, как простого забулдыгу: подкараулить в подворотне – и кинжал под рёбрышки, – он продемонстрировал, как разит кого-то ножом, да ещё и воображаемое остриё злорадно провернул в ране. – Ах, что могло бы щас начаться! – он сладострастно вздохнул.

Не заставший корчмаря и как раз вернувшийся в залу Вальтер мрачно бросил:

– О чём вы там болтаете? Что начнётся? Сами хоть понимаете, о чём говорите? Если наши с Ааренданном сцепятся, колдуны от нас и ключков не оставят.

Фродвин притих, и рыцарь, устало опустившись на лавку, продолжил:

– Не нравится мне всё это. Сперва труп в Ланциге, как будто мы свару начали. Теперь орки; скажут ведь, что ааренданцы договора не исполняют. Вот не приведи Владыка, это Королевская гильдия магов придумала, чтобы соперников из Толимара выжить!

– Так могёт быть, и пора?

– Пора – отвдай топора, – пробормотал Вальтер, а потом встряхнул головой и прикрикнул на чернокнижника: – Вы вообще слушаете, что я говорю, нет?

– Я, кстати, читал, что в договоре с ааренданцами речь шла об охране границ, – подал голос Айдан. – Не окажется ли, что атака через магический портал – это что-то... – он не закончил, увидев, как изменился в лице рыцарь.

– Уж ежели пресвятой брат смекнул, – охотно поддержал Фродвин, – то что говорить об этих. У них крючкотворы-то ого-го!

– Что вы несёте такое? – огрызнулся Вальтер.

Он встал и двинулся к лестнице, ведущей наверх, к комнатам для гостей, но Айдан неожиданно для самого себя догнал его и спросил:

– А это правда, что Ульрих фон Ланциг?.. – он так и не придумал, как закончить фразу.

– Что Ульрих фон Ланциг был нечестивцем и бандитом? – Вальтер усмехнулся; впрочем, довольно добродушно. Опершись на ближайший столб, он промолвил: – Ну, ты пойми: он был наёмником, а это такой народ, которому мало где рады. Как до сечи доходит, они храбрецы, за веру могут встать с оружием, но в любое другое время это та ещё напасть. Ты бы не захотел с ними встречаться. Ладно ещё когда они бесчинствуют во вражеской стране, тут как не позлорадствуешь, но Ульрих-то у нас, в Гевинтере воевал – за одного барона против другого. Я слышал о шайках, которые ради забавы поджигали деревни и жарили каких-то бедняг на вертелах.

У Айдана от таких известий глаза на лоб полезли; Вальтер выставил перед собой ладонь, рассмеялся и поспешил сказать:

– Нет, нет, это я так, Ульрих-то был не из таких, он своим парням не разрешал попусту мародёрствовать. Но в чём-то он должен был дать поблажку, иначе бы его солдатня нашла себе другого командира, поговорчивее – вот монастырям и доставалось. Про него рассказывали даже такую историю, – он с явным удовольствием пустился в воспоминания. – Однажды отряд, уже изрядно потрепанный, подошёл к монастырю с высокими и крепкими стенами, но

бойцов было мало. Они тогда вот что придумали. Представь, стучатся такие в двери монастыря пятеро вояк со скорбными лицами, и с ними гроб; говорят: вот, Ульрих фон Ланциг преставился, хотим, чтобы кто-нибудь сослужил поминальную по нему. Монахи-то, конечно, про себя: хвала Владыке, сгинул проклятуший! Они бы, может, и вовсе отказали в Последнем Благословении, да совестно, поэтому впускают скорбящих солдат, велют принести покойника в храм и собираются уже сжечь его, – Вальтер воздел к небу руки и сделал паузу, – но когда открывается гроб, оказывается, что мертвец живой и очень прыткий, а вдобавок с ним в гробу полно оружия. Ну, дальше ты сам всё представляешь, – он искренне повеселился, глядя, как Айдан озадаченно чешет нос.

– И это действительно?..

– Я не знаю наверняка, – он подёргал себя за бороду. – Ровно то же самое рассказывали и про двух других людей и ещё про одного гнома. Да ты его знаешь: Рандольф Железнорукий.

Айдан кивнул: ещё бы не знать. Это был первый из гномьих авантюристов, откликнувшихся на призыв жителей острова Эвеньяно, которых притесняли эльфы из Гладринга; Рандольф довольно резво собрал армию из таких же, как он, гномов-головорезов с пустыми карманами и крупной нехваткой совести и с большим удовольствием побивал эльфов. Потом, правда, выяснилось, что остров он решил завоевать для себя, а не для тех людей, которые сами не в состоянии были отстоять его, но это уже другая история.

– Так он всё-таки?.. – снова начал Айдан, но Вальтер только махнул рукой и заявил, что отправляется спать.

Мимо проходил трактирщик, и, на своё несчастье, он пожелал взгрустнувшему монаху доброго вечера: тот неожиданно для самого себя решил узнать, а не знал ли он сам Дейермера двадцать лет назад. Корчмарь, впрочем, не явил той покорности, которую встречал у него Вальтер: издал глубокомысленное «Хм», воззрился, как, наверное, горный кряж мог бы поглядеть на одинокую, пасущуюся у его подножья коровёнку, потом тщательно разгладил усы – Айдан смиренно ждал окончания этой операции – моргнул и неожиданно глубоким голосом заявил, что тому, кто спрашивает о таких вещах, не приходится ожидать добра от жизни. На этом аудиенция была закончена.

Позлившись немного на трактирщика, Айдан вспомнил, что в сумке дожидается гораздо более достоверный и многословный – хотелось в это верить, по крайней мере, – источник. Сердце радостно застучало, и монах не то, что взбежал – взлетел по лестнице.

Оказавшись у себя, он зажёл свечу, уселся на кровать и бережно вытащил наследие мастера Бернхарда. Устроившись на колючем шерстяном одеяле, он провёл рукой по нежной, слегка неровной коже, тронул завязки, они не сразу подались, но Айдан был терпелив, совсем не хотелось порвать обложку. Внутри был рисунок, чья-то голова...

О, мощный владыка! – Айдан почти перестал дышать. – Неужто это мастер Бернхард изобразил? Коль так, тогда в нём сгинул поистине великий художник... Но нет, конечно же, не гевинтерский умелец тут постарался, скупыми чёрными штрихами обрисовал настолько живое лицо, как будто часть души изображённого осталась на желтоватом пергаменте, как будто он сейчас выдохнет, и глянет на меня, и спросит: «Да чего ты пялишься, заняться нечем?» Просто потрясающе! Вот если бы такие люди у нас писали миниатюры в хрониках!

Отвлечшись от штрихов, Айдан смог наконец рассмотреть портрет в целом.

Это был совсем немолодой мужчина, пожалуй, даже старик с тяжеловатой челюстью, которую ещё сильнее подчёркивала борода – широкий гребень слегка закруглённых волос. Один угол рта у него был чуть ниже другого, и это тоже не прибавляло лицу весёлости. Под глазами, смотрящими куда-то вниз и мимо зрителя, лежали глубокие тени, и тяжёлыми складками давили сверху брови.

Должно быть, это Дейермер, – кивнул сам себе монах. – А кто ещё? Вроде, и не было в отряде других стариков... Или были?..

Осторожно, дрожащими руками Айдан отложил в сторону портрет и взялся за следующий. Это была девушка с копной светлых – по крайней мере, они только по контуру были намечены – волос, доходивших почти до плеч, с небольшим, сочно улыбающимся, лукавым ротиком и почти треугольным подбородком. Крупные глаза как будто разглядывали что-то, находящееся за пределами видимого мира, а пальцы с длинными и явно накрашенными тёмными ноготками рассеянно крутили прядь волос. Художник не стал отказывать себе в удовольствии нарисовать её до самых бёдер, причём так, будто она стояла в полоборота и только голову провернула к нему.

Её портрет потребовал много времени на изучение; Айдан даже совсем не сразу обнаружил цепочку символов у правого края, напоминавшую на первый взгляд плеть плюща с затейливыми листочками. Потом он вспомнил, что как-то так и выглядят обычно надписи на айдеи – языке альвестцев, который стал и языком Ааренданна. В ланцигской обители был один хронист, который хвастал, что понимает айдеи, но проверить его заверения не было никакой возможности, сам же Айдан был уверен, что полезнее учить языки, на которых говорят и пишут обычные люди, а не странные заморские волшебники. И вот приехали: в руки попал бесценный документ, а он не может его прочесть! Только и оставалось, что похвалить гармоничные скругления, изящные уголки – красивый почерк был у этого художника.

В последний раз окинув взором некоторые приятные детали картинки, Айдан со вздохом перевернул страницу,

Третьей была изображена немолодая дама с полными и натянутыми – словно она весьма не одобряла что-то, происходящее перед нею – губами, обрамлёнными множеством морщинок, с тёмными взыскательными глазами. С её подбородка спускались две параллельные складки, а под глазами художник довольно тщательно и совсем даже не деликатно изобразил мешки. Не было и сомнения, что это Эсклармонда д'Отриви. Почему-то Айдану вспомнился сразу недавний разговор, и он стал искать на портрете какие-нибудь признаки вампиризма. Клыков и впрямь не наблюдалось, хотя в сказках вампиры весьма успешно скрывали свой основной рабочий инструмент. Надпись на листе состояла из одного-единственного слова, что было странно: кто бы посмел отнять у неё титул, хотя бы даже в подписи рядом с картинкой?

А дальше что? Толстяк, у которого, казалось, не было шеи, а голова – и так крупная, но раздутая ещё больше нимбом из волнистых волос и жировой подушкой внизу – возлежала на белом воротнике, как на тарелке. Усы и борода аккуратным кругом обнимали его рот. В глазах его поблёскивало, заставляя слегка изгибаться губы, какое-то хитрое самодовольство. Наверное, подумал Айдан, это Тот-самый-который-с-непроизносимым-именем Аамстед.

Жадно отбросив рисунок, монах чуть не сверзился с кровати: на очередной странице его ждало существо, которое меньше всего на свете имело право тут появиться и, может быть, даже не связано было с остальными портретами, а просто по ошибке попало в стопку. С рисунка скалилась собачья морда, слегка затупленная на конце, увенчанная сверху парой широких свитых, расходящихся спиралью и, пожалуй, весьма красивых рогов. Мощный Владыка, выдохнул Айдан, это ведь неэРН, один из приспешников Нергеддеона, слуга Тьмы! Они появлялись порою в имперских исторических хрониках, и знающие братья – а далеко не каждому ведь можно было доверить изображать приспешника демонов – рисовали их козлоподобными, голыми и мохнатыми, с убогими палками и топориками в лапах. Но по большому секрету один из умудрённых братьев признался как-то Айдану, что мордами неэРН больше смахивают на собак и одеваются во многом в то же, во что и приличные люди, только вот с головными уборами у них не всё просто. И вот перед Айданом предстала реальность: чёрный блестящий нос, несколько рядов складок над ним, разделённых посередине бороздой, две пары крупных клыков, стоявшие торчком уши – одним словом, почти портрет сторожевой собаки из прошлого монастыря, если б не спокойные, внимательные глаза – ну, и рога, конечно же. С передней части морды спускалась борода, заплетённая в две косички, причём, если игра тонких и тол-

стых штрихов не обманывала зрителя, в неё вплетены были тёмные ленточки. Волосатая шея пропадала в объёмах чего-то бесформенного и шершавого, на вид вроде дорожного плаща. Подпись к рисунку была на удивление многословна; но ничего не разобравший Айдан подумал, что иронично было бы, окажись, что автор написал просто: «Надо не забыть купить чернил и дюжину сосисок!»

На этом галерея портретов кончилась, и Айдана накрыло разочарование. Он даже потёр края листов пальцами, чтобы убедиться, что какие-нибудь из них не склеились. И почему, – вздохнул он, – нет портрета Ульриха фон Ланцига? И где это всё происходило? Был ли художник одним из отряда или просто случайным свидетелем? А может, это и был сам Ульрих? Тогда стало бы понятно, почему нет его портрета! Хотя нет, он ведь не знал айдеи, откуда ему? Даже и среди самых грамотных и образованных монахов трудно было найти кого-нибудь, худо-бедно понимающего язык ааренданцев, а уж наёмники-то зачастую вообще читать не умели – куда им такие премудрости!

Это был, впрочем, ещё не совсем конец: под картинками давно угадывалось что-то твёрдое. Это оказался металлический диск размером с ладонь без пальцев, составленный из нескольких секторов немного разного радиуса и к тому же разного цвета: одни были тёмно-зеленоватыми, как старая медь, другие же грязно-жёлтыми. Зеленоватые секторы в центре сливались, и в месте их соединения можно было скорее нащупать, чем разглядеть, несколько мелких неровностей. Айдану показалось, что это может быть буква или символ какой-то – но что за язык? Уж точно не гевинтерский. Айдеи? Непонятно... В одном из более светлых секторов чьей-то умелой, безошибочной рукой был процарапан полумесяц, а в нём – похожая на орла птица с широко раскинутыми крыльями. Над ней парили ещё четыре непонятных загогулины: одна напоминала шкаф, заставленный всякой всячиной, другая – ключ, третья – большую квадратную жабу с квадратными же пузырями на спине, а последняя вообще ни на что не была похожа. Обилие непонятностей привело Айдана в такое смятение, что он пообещал себе разобраться потом, а пока отложил диск подальше.

Следующий документ был на другом пергаменте, чем у портретов – более толстом и более жёлтом, пожалуй. Буквы изрядно выцвели, но кое-что можно было разобрать, и, как новая, красовалась незнакомая Айдану эмблема – вроде скипетра с крыльями из огня, с венцом из лучей вокруг навершия. Художник был явно не тот, что рисовал спутников Дейермера, совсем не такой вдохновенный, но вполне аккуратный, справившийся с тем, чтобы всё было симметрично. Надпись под ней была на альденском – на языке Альдонии, одного из южных приморских городов – и это был наказ привести какой-то груз, природа которого должна была остаться загадкой для получателей – иначе перевозчику грозила смерть. Упоминались деревня, река и незнакомый хронисту город на побережье, в каждом перечислялись потенциальные помощники, да сразу дюжина. С Дейермером это вряд ли было связано, и Айдан разочарованно отложил послание.

Ниже, сложенная втрое, обнаружилась добротная карта Северной марки: вот волнистая дуга Ведера – а он, кстати, даже подписан, – вот пунктирной линией крадёт Пустой тракт, бурлят кругляши Белых холмов; отмечены Ланциг и Толимар, Молин и крепость Торнау. Далеко на северо-западе, за орочьей пустотой, воткнута палаточка с надписью «Курбагын» – это что-то вроде столицы зеленокожих, а рядом с ней, у самого подножья Замороженных утёсов, красным поставлен крестик безо всякой подписи. Был и ещё один: на юго-востоке, между Белыми холмами и Райффенталем. Последний, третий крестик обретался на юго-западе у истоков Вайта, невдалеке от серебряных рудников Киллфасты. Какое-то время Айдан провёл, тщетно пытаясь разгадать, что значили эти алые пометки, кривые, начерканные, должно быть, второпях. Ни в одном из этих мест, казалось бы, никогда и ничего не водилось толкового, кроме орков, свирепых половинчиков и ещё более свирепых горцев соответственно.

Ничего не придумав и с досадой отложив карту, Айдан склонился над пожелтевшим листом, исписанным явно и несомненно рукою мастера Бернхарда. Вот эта буква «т» с неожиданной завитушкой, буква «р» с укороченной палочкой – больше ни у кого такого не встретить! Что же там?

Если ты читаешь это письмо, то ты, сволочь, зарезал меня, или отравил, или что уж ты там сделал. А знаешь, как я это понял? Сундучок был колдовской, запирался кровью, и фиг откроешь его, пока я жив. Вот, и если ты думаешь, что я тут буду душу выворачивать, то хрен тебе!

Айдан представил, как мастер Бернхард, мстительно похохатывая, атаковал пергамент, как бросал одно за другим ядовитые словечки, повсюду сажая чернильные капли – улыбка сама попросилась, хоть и вышла грустной.

Ладно, шучу. Кому я нужен? Должно быть, я сдох сам по себе, и вы бегаєте вокруг меня с криками: ой, мастер Бернхард! Ой, на кого вы нас оставили? Ничего, переживёте, бездельники. Не выбирайте только Мельхиора вместо меня. Мельхиор прости, ты мужик умный, но посуди сам: какой из тебя начальник? Ты даже перо у себя на столе найти не можешь, куда тебе хронистами командовать.

Я серьёзно. Если выберете Мельхиора, я с того света вернусь и разгоню вас к хренам!

Так, к делу.

Есть одна штука, о которой я помалкивал все эти годы и никому не скажу, пока жив. А знаете, почему? Я старый хрыч без стыда и совести, пират, греховодник, я столько раз подмигивал смерти, но сейчас мне страшно. Я даже Ульриху тогда ничего не сказал, хотя он считал меня приятелем. Так и ушёл, бедняга, за Дейермером и не вернулся. Хотя кого я обманываю? Он бы и так ушёл. Чтобы Ульрих испугался хотя бы самого Падшего – ха! Но я мог бы отговорить других, потому что я кое-что знаю о Дейермере и с самого начала понимал, что его поход должен был кончиться чем-то скверным.

Вы знаете, меня упекли в монастырь, когда я ещё был молокососом, и как-то забыли спросить, не против ли я. Мне там не понравилось: кормят паршиво, заставляют работать – я и сбежал. Не буду рассказывать, как я резал кошельки на дороге и сколько раз сидел в колодках. Зря сразу не додумался стать капелланом у пиратов. Я, правда, не священник, но как-то недосуг было сказать об этом ребятам. А что это вы так побледнели, братушки? Не знали, что ли, под чьим началом работаете? Хе-хе.

Вообще, у пиратов было не так уж и скверно, хотя кормили тоже гадостью. Думаю, так и отдал бы душу морю, но упал с мачты, повредил спину, и всё – прощай, разбой! И вот, когда меня везли на перекладных в Альдонию, где был прикормленный костоправ, мы подбросили Дейермера от Сломанного Шпиля в Сейлиг Рич. Он тогда кое-что сказал нам. Я почти позабыл об этом, но, когда встретил его снова в Ланциге, когда послушал, что он говорил там, то понял: те, кто шли за ним на Обратную Сторону, ни хрена его не знали. Он тоже меня приметил, и так зыркнул, что, мол, только вякни у меня – станешь пылью. Вы скажете сейчас: ты, Бернхард, как будто под дулом не ходил. Чего ты, как принцесса? Идите знаете, куда? Одно дело под пули кидаться: если ты ловчей, так и прикончишь его, а когда против тебя такой жуткий колдун, как этот Дейермер, у тебя же никаких шансов. Я догадываюсь, какие ставки были в его игре, и он меня наверняка заколдовал, когда был в Ланциге. Только рот раскрою – и всё, конец. Я ходил к магам из Королевской гильдии, просил, чтобы сняли чары. А они мне: что ты, нет никаких чар, иди отсюда. А я: да как нет, если я точно знаю, что есть? В общем, не маги у нас, а пустое место.

Но вы уже поняли, что я не напишу о том, что знаю. Страшно. До жути страшно, что выведу полслова и брякнусь замертво. Скажу одно: хотите узнать что-то – разыщите эльфа по имени Скользящий Сильфер. Он хотел осесть в Сейлиг Риче и наверняка теперь кличет себя Офигительный Сильфер или как-то так, но это и впрямь скользящий ублюдок, каких поискать. У него половины уха не хватает, если только не заплатил чародеям, чтобы нарастили. Он эльф,

так что переживёт меня. Найдите его, пусть расскажет, о чём Дейермер поговорил тогда с нами. Можете верить: не пожалеете!

Айдан осторожно положил драгоценную рукопись и улёгся на спину, подложив под голову руки. Так выходит, билось у него в голове, мастер Бернхард не просто знал о походе Дейермера, но и говорил с ним самим, а молчал все эти годы и запрещал исследовать Обратную Сторону, потому что боялся нечаянно сболтнуть об услышанном от Дейермера? Уж не то ли давнее проклятье сгубило старика? А если так, то кому он попытался рассказать? Рихарду? Или неведомому гостю? Может быть, даже кому-нибудь из ехавшего на север каравана? А что, если кто-то попробовал силой выпытать у мастера Бернхарда, что он знал, и тем самым активировал чары? Айдан вздрогнул от таких мыслей. Должно быть, скверно двадцать с лишним лет провести в страхе перед проклятьем.

Ульрих наверняка был Ульрихом фон Ланцигом – увы, подробностей его дальнейшей судьбы письмо не раскрывало. Что же до Сильфера, Айдан готов был хоть в тот же миг броситься на его поиски, да больно далека была дорога, на лошади не проскачешь. На юге Гевинтер подступал к берегам Срединного моря, противоположный берег которого тянулся далеко на восток, пока наконец не поворачивал на полдень, и там, на острие скалистого полуострова, дорогу к сказочным краям сторожил Сейлиг Рич – богатый город, который, как и Толимар, держали под контролем ааренданцы. Имя его было сладким для северных уст, оно мелькало в легендах, олицетворяя дальние края, в которых могут происходить любые, даже самые неправдоподобные события. Странно было даже подумать, что в Сейлиг Риче можно в самом деле очутиться. Может быть, подумал Айдан, какой-нибудь другой хронист однажды будет там и пообщается с Сильфером – а мне бы в Толимар прорваться...

Но всё же история Дейермера пополнилась именами, лицами, в воображении монаха уже не смутные тени ехали на север, а старик, девушка, дама, толстяк и рогатое чудовище. И элегантный бандит, разумеется, – Ульрих фон Ланциг. Айдан пообещал себе, что не успокоится, пока не узнает о них больше, пока они не оживут совершенно. Он уже взялся за перо, чтобы записать всё, что, выяснил за последние два дня, но вспомнил о предрассветной службе и застонал в голос.

Ланциг притих, как напуганная девчонка. Разговоры – лишь о чуме, и то шёпотом, словно болезнь могла услышать и наброситься на сплетников. Ещё месяц назад она была далеко, за Севериновым валом, все надеялись – обойдётся, северный ветер отгонит заразу. Теперь уже на улицах раздавались крики. Ааренданцы обещали помочь, но пока отделялись рекомендациями. Местный барон повелел вышвырнуть из города всех кошек, и в первую очередь чёрных, но, разумеется, ничего этим не добился.

Пожалуй, простых путников вовсе не пустили бы в город, велели бы седмицу, не меньше, сидеть в лагере у стен, но отряд Дейермера никто бы не посмел задерживать. Кто-то пустил слух, что предводитель – святой, способный исцелять чуму наложением рук, и на площади перед таверной очень быстро замаячили едва стоящие на ногах фигурки. Дейермер сперва велел трактирщику прогнать их, но тот начал канючить, и, выбранившись, мнимый святой всё же вышел к народу. Он очень злился. Черни ведь невозможно объяснить, что чума – серьёзное заболевание, что нужно во всех тонкостях соблюдать сложные схемы лечения, да и то болезнь отступит лишь после одной, двух седмиц борьбы – нет, им всем нужен один волшебный пасс, и они будут верить в его существование, пока не передохнут. Попросив воды, попив и успокоившись немного, Дейермер начертил в воздухе никому не нужную, но зрелищную колдовскую фигуру и, пока все пялились на неё, накрыл площадь незримыми, подлинными чарами – не целительными, но укрепляющими сопротивление хворям. Не помогут – так хоть не навре-

дят никому. Но этим было мало. Посыпались вопросы: правда ли, что этак Светлый Властелин карает за грехи своих нерадивых рабов, и не близится ли конец света. Дейермер про себя назвал их суеверными кретинами, а вслух сказал, что и Свету, и Тьме интересны только души, а телесные недуги происходят в основном от пренебрежения правилами гигиены. Людешек эта речь впечатлила, правда, как стало понятно позже, гигиену они приняли за неизвестного им ранее подвижника – святого Гигиену, автора особо строгих правил поведения для мирян. Подоспевшие чуть позже монахи очень просили Дейермера больше не смущать умы простых людей своими, без сомнения, душеспасительными, но слишком премудрыми речами. Он пообещал, что не будет, а сам с большим злорадством наблюдал за попытками незадачливых клириков не дать людскому воображению превратить его нехитрый ритуал в священнодействие с участием ангелов.

Должно быть, религиозное рвение было заразным, потому что тем же вечером Анхар изъявил желание проповедовать. Он созвал в свою комнату всех, кто был в отряде – правда, пришли немногие. Кого-то ввергали в панику рассказы о Тёмном Властелине, другие просто находили речи рогатого бесконечно занудными. Дейермер явился из вежливости. Кроме того, у Анхара на родине, в Вейхвидейворте, некоторые считали его живым соратником Нергеддеона, участником Великой Войны – Дейермер находил занятным слушать легенды о тех днях с таким видом, словно в любой момент хрустнешь пальцами и скажешь: «Эх, славно мы тогда сражались! Таких бы, как я, хоть сотню – не сдали бы Тёмную Цитадель!» Напротив него, почти прижимаясь к мохнатому боку неэрни, пристроилась Тайко. Ноги напоказ – и как теперь слушать проповедь? Она всегда была такой – влекущей и безжалостной, как соблазнительные мраморные ангелы в ротондах Альдонии. Третьим стал здешний рыцарь, имени которого Дейермер никак не мог запомнить – то, что фон Ланциг, это ясно, а как дальше – Угальдвин? Или, может, Рихард? Простой рубака, но много кого знал на севере, когда надо – проявлял изобретательность, и с удачей накоротке. Дейермер ему сразу сказал, что никакой добычи скорее всего не будет, но этому, кажется, уже прискучила нажива – захотелось бессмертия, не в этом мире – так хоть на страницах летописей. Неудивительно, что он пытался притащить на проповедь монаха, которого Дейермер велел не пускать. В дороге Анхара маскировало альвестское чародейство, но говорить о Владыке Мрака он соглашался только в своём истинном облике – и лучше бы кому попало его не видеть. Монаху сказали ждать аудиенции в трактирной зале, а рыцарю объяснили, что если будет и дальше трепаться о делах экспедиции, то отправится своей дорогой.

Анхар подготовился: накрутил на рога красных и синих ленточек – без этого у неэрни не принято было проповедовать. Его расстроила скудность аудитории, но ведь сам Нергеддеон начинал едва ли не с меньшего – и вскоре слушатели были обрадованы вестью о том, что они-то и отыщут ключ к освобождению Тёмного Властелина. Дейермер привычно кивнул. Величайшей мечтой всех неэрни было вернуть Владыку, это алой нитью проходило через все их обряды, и в Вейхвидейворте решили попробовать, скоординировав с помощью высокого чародейства усилия многих верующих, отлить из их молитв оружие, которое смогло бы разрубить Нергеддеоновы оковы. Успехов пока не было; неэрни считали, что сила Обратной Стороны должна помочь – вот Анхара и отправили вслед за Дейермером, чтобы получше изучил тёмное отражение мира и подумал, как его использовать.

Но за обычными речами последовало нечто новое – поданное под видом величайшего откровения описание Обратной Стороны как действительной и физической темницы Нергеддеона. Ведь почему она мрачная: потому что Тёмный Властелин. А почему те, к кому она прикоснулась – Пробуждённые – гибнут? Почему Тьма не делает их сильнее, а убивает? Потому что Его сознание сковано и Его промысел искажён. Логично? Как дважды два. Конечно, Дейермеру стоило сдержаться. Но зачумлённые просители уже подточили его терпение, а он всегда не выносил любителей голословно рассуждать об Обратной Стороне. Чего

он только не наслушался. Где обретаются души умерших? На Обратной Стороне! Где философский камень? Так на Обратной Стороне, коллега! Дорогая, я потерял свои очки. Поищи их на Обратной Стороне, растяпа. Дейермер поднялся и объяснил, что заточение Нергеддеона является чисто метафизическим, и оно не привязано ни к какому конкретному месту, так что искать Его узилище на Обратной Стороне так же бессмысленно, как и в подвале таверны.

– Но ты же сам говорил, – уязвлённым тоном воскликнул Анхар, – что ни в одном из других миров нет столькох, да простит меня Заточённый, мелких божеств! Чем они рождены, как не дыханием Его? Выходит, здесь Он! А если мы будем знать, где находится Владыка, то вернее сможем освободить Его!

– Так вот в чём дело? Думаешь, у вас не получается нанести удар, потому что вы не знаете, где оковы?

Анхар радостно кивнул.

– Не понимаю, – фыркнул Дейермер. – Ты всерьёз мне хочешь сказать, что у Владыки Мрака есть физическое тело?

Анхар напрягся. Утверждать подобное было бы святотатством.

– Ты никогда не верил, что у нас получится! – наконец довольно зло гавкнул он. Тайко отодвинулась: вдруг будет драка. – Считаешь, незрн слабы, да? Кто тогда, если не мы? Ты, что ли?

– И в самом деле, кто? – едко промолвил Дейермер. – Так вот тебе идея. Боги тесно связаны со своими почитателями, причём связь эта работает в обе стороны. А представь, что пыхтение богов поднимается к Нему, и они тоже могут влиять на то, что с Ним будет? Может быть, вам пора проповедовать и среди богов?

Рогатый не сразу понял, но обида на его морде начала уступать место восхищению. Дейермер пожалел, что позволил подтолкнуть себя к таким откровениям.

Город безбожников

Ночь выдалась гнетущей: в обрывках Айдановых снов мелькали образы, вереница зелёных огоньков змеилась в почти священной темноте ночного леса, неясные фигуры плыли в дымке над болотом, гнусава непристойные гимны, – вроде бы, это был отряд Дейермера, но как будто и нет. Мастер Бернхард – почему-то пузатый и с пышной бородой – шептал, что это он и был Дейермером. Потом вдруг Бернхард пропал, а щека оказалась на жёстком, колючем тюфяке.

В коридоре кто-то и в самом деле перешёптывался, дверь слегка скрипнула, как будто на неё надавили. Айдан насторожился. Подумал: если ворвутся, брошусь в них одеялом и, пока будут высвобождаться, сбегу. Или нет? Да нет, не смогу. И вот он просто лежал и ждал, пока разбойники придумают наконец, что делать с хлипким запором.

– А вы что тут забыли? – скомандовал кто-то, как будто Вальтер. – Ну-ка свалили обратно в свою помойку!

– Заткнитесь! – простонали в соседней комнате.

– И я вас двоих запомнил; называетесь торговцами, картошку возите, а на деле обычное ворьё.

За окном всё ещё было темно – хорошо, Айдан перевернулся на другой бок и накрылся с головой одеялом. И там была она. Только в прекрасном белом платье, хотя лицо почему-то расплывчатое, словно в капюшоне из снов – вот ровно таким и пришло это сравнение – они шли по монастырскому коридору, и Айдан всё хотел что-то сказать ей, но слова ускользали с языка всякий раз, когда им надо было отправляться в путь.

Снаружи кто-то взвыл, резкий голос приказал замолкнуть, и потом в самом деле стало тихо, но волшебство не возвращалось, и больше хронист не смог уснуть.

Спустившись по тёмной лестнице, пробравшись между столами в сумрачной зале, Айдан вышел на улицу. Над головою ещё догорали звёзды, но по мере приближения к восточному горизонту они беспомощно бледнели, да и небо там становилось рыжим, разогретое невидимым ещё солнцем. Над горизонтом облака легли тонкими слоями, как мечи, брошенные на кузнечный горн: сверху они были ещё тёмными, а снизу раскалились. ад самой дорогой небо царапнул белый коготь – падающая звезда. Неподалёку и другая вытянула бледный хвост, но никуда не двигалась. Монах мрачно воззрился на неё: в хрониках такие часто сопутствовали бедствиям.

Священник уже возился у алтаря, распаковывая книги и священные символы: благословляющую ладонь, всевидящее око, восемь чаш, а точнее – тонкостенных металлических площадок, которые вкладывались друг в друга и символизировали восемь ступеней восхождения к Сияющему Престолу, восемь испытаний, ожидающих души на пути в Светлый Ормэн.

Как он серьёзно подготовился! – подумал Айдан. – Не могу вспомнить: что мы делали год назад в седмицу Малого Откровения? Неужто тоже столько бара... прошу прощения, священных предметов ворочали каждое утро? А чаши ровненькие, блестящие, как только сберёг в дороге – да у нас в Ланциге, когда наконец купили новые, кто-то на второй же день у одной погнул краешек, да так и не признался, а потом ещё один из братьев швырнул её в того, кто уверял, что, дескать, и с гнутыми таинство не становится недействительным – и она, конечно, не стала краше от этого.

Заметив Айдана, священник зашипел:

– Ну, явился наконец! Я уж сам за тобой хотел идти, – искры посыпались из непрощающих глаз. – На вот, раскладывай.

Ну, это, знаете ли, уже слишком! – возмущился про себя Айдан. – Я вам не какой-нибудь там ничтожный служака, я...

– Да, хорошо, хорошо, сейчас, – смиренно промолвил он. – Извините, что задержался.

Священник принялся бережно листать дорожное Писание, задерживаясь ненадолго на каждой странице – так делали некоторые клирики, утверждая, что даже беглый взгляд на богодухновенный текст для души аки нектар бессмертия. Айдан же начал вынимать одну за другой полукруглые чаши, покрытые снаружи резьбой с изображением восьми главных добродетелей, осторожно откладывая в сторону тряпицы, которыми они были переложены – но уже третью чашу почти что выронил, потому что над ухом ни с того ни с сего раздалось негромкое, но весьма отчётливое:

– Ты, надеюсь, умеешь одновременно работать руками и слушать?

Вопрос был риторический, но тот внезапный приступ ловкости, которым Айдан встретил его, послужил едва ли благоприятным ответом. А вот священник прекрасно справлялся с тем, чтобы листать, вставляя в нужные места голубые, расшитые серебряной нитью шёлковые закладки и говорить одновременно.

– Ты, значит, из Ланцига, да?

– Я... из Ланцига, – не решился врать во время подготовки к молитве, да ещё и не обдумав как следует.

– Выходит, я всё правильно понял. Мой хороший друг Рихард прислал мне птичку, сказал, что один из его монахов, по имени Айдан, отправляется в Хейвенфельт с ответственной и небезопасной ношей, – тут рука у хрониста снова дёрнулась, металл зазвенел о металл. – Просил меня догнать этого монаха и стать его, как бы это сказать, ангелом-хранителем на какое-то время, – прозвучало желчно и насмешливо. – А он-то, как оказалось, совсем и не туда едет.

– А как вы?.. – только и смог выдавить Айдан.

– Так ты, мальчик мой, не только что не скрываешься – всякому язычнику понятно, кто ты и откуда. Когда я вчера услышал, что тебя называют Айданом, сперва не поверил, но потом подумал: вряд ли в Ланциге было два Айдана и обоих в одно и то же время отправили с поручениями. Нет, не надо ничего рассказывать, я не хочу знать, что придумал Рихард и зачем он тебя втравил в это дело. – Хронист хотел вставить, что Рихард почти даже пытался отговорить его, но паузы для этого не представилось. – Так получилось, что мне действительно срочно нужно в Хейвенфельт, так что будь нам по пути, я б тебе составил компанию, как раз нагнал бы на Севериновом Валу, а так – придётся отделаться от тебя советом. Да ты хоть смотри, куда ставишь-то! – резко прикрикнул он и, протянув недобрую руку, поменял местами две площадки.

– Но в Толимаре...

– Так, это ты потом Рихарду расскажешь, я про это ничего не хочу знать. Твоё дело, сам решай, как поступать. Я бы тебе сказал: сделай, как Владыка подскажет, но ты же разве Его послушаешь? Так вот, совет, – сопровождаемый пронзительным взглядом. – Никому не верь.

– Как это, совсем никому? – от удивления Айдан даже забыл шевелить руками, но тут же резкий тычок заставил его вернуться к работе.

– Да, и мне тоже. Рихард велел передать тебе: бойся того, с кем мастер Бернхард говорил в свой последний вечер, а ещё больше – спутников Дейермера, потому что если кое-кто из них всё-таки жив, то именно в нём твоя гибель. Как знать, – зловеще усмехнулся священник, – не я ли хаживал с Дейермером двадцать лет назад. Испугался? Правильно. Я ещё так понял, он дал тебе с собой что-то – нет, не надо мне ничего говорить! Я с этим ничего общего иметь не хочу! Похоже, он эту вещь очень сильно хотел удалить из монастыря. Видимо, сейчас она может начать притягивать опасность. Нет, я не знаю, какую. Я вообще, наверное, не должен был бы тебе этого рассказывать, но... Так, нет, это вот сюда поставь. Неужели у вас в монастыре всё держали в таком беспорядке? Тебе даже нельзя поручить расставить чаши!

Довольно невежливо оттолкнув Айдана, священник простёр над злосчастными чашами руки, две-три подвинул на каких-то полпальца и остался очень доволен собой.

– И вот я говорю: береги всё в тайне и ни в коем случае не показывай никому того, что дал тебе Рихард. Болтай тоже поменьше. А то ж ты мало того, что окружил себя крайне подозрительным народом, так ещё и говоришь о себе с каждым встречным!

– Но чем же они подозрительные-то? – застонал задавленный запретами Айдан.

– Тебе про каждого рассказать? – выставив благословляющую длань и убедившись, что всё безупречно, он бросил через плечо недоверчивый взгляд.

Какое-то время оба молчали. Священник, вроде бы всё сказал, что хотел и распевался, Айдан же от его советов почувствовал себя совершенно опустошённым. Это как же, получается, ни с кем даже посоветоваться нельзя? Но как ещё разузнать хоть что-нибудь о Дейермере и его злосчастном походе, если сидеть всё время с мрачным видом и затворёнными устами? Своими сомнениями он поделился со священником и спросил, как ему быть теперь, отягощённому этим советом.

– Ты можешь отправиться со мной в Хейвенфельт, конечно, – ответил тот, а потом, зловеще ухмыльнувшись, добавил: – если вопреки здравому смыслу веришь мне. Но, знаешь ли, одно упоминание Дейермера притягивает злодеев и демонов, как самая сладкая невинная душа, так что лучше бы тебе считать, что все вокруг желают тебе зла.

Айдан подумал, как это всё будет выглядеть: вот так вот неожиданно сдать, повернуть, сказать, что передумал ехать в Толимар. Да и священник наверняка не даст расспрашивать о Дейермере – а тогда какой смысл в этом путешествии? Какое-то время он всё-таки колебался, но чем дальше – тем больше думал не о Дейермере даже и не об Ульрихе фон Ланциге, а о ней. Она ведь продолжит свой путь на север. Нет, – решил он, – пусть будет неизвестность, пусть кишат вокруг соглядатаи Нергеддеона, моё место всё-таки...

– Но, может быть, в Толимаре есть кто-то, с кем я мог бы, ну, поговорить, не опасаясь за свою жизнь?

– Ну, если ты совсем не хочешь слушать добрых советов, то можешь поболтать с каноником Бальдуином. С Дейермером он, правда, не ходил, но когда-то интересовался тем же, чем и ты. Потом оставил это – может быть, и тебя уговорит. Найдёшь его в кафедральном соборе. Я ему даже птичку могу отправить, чтобы он тебя не прогнал с порога. Так, всё, хватит болтать! Солнце уже почти взошло, нам пора заняться делом!

Он запел – довольно резким, но сильным голосом, растягивая гласные на концах строк, размашистыми движениями листая книгу от закладки к закладке, неспешно, но в то же время уверенно и почти не делая пауз между отдельными фрагментами; Айдан едва поспевал за ним, а пару раз и вовсе не попал в ритм, сбился и вынужден был ждать до начала следующей строфы. Другой рукой священник взял тонкий металлический стержень и ударял им в такт молитве по чашам. Пение смутным гулом отдавалось в своде ротонды, как будто камни тоже молились вместе с ними; звон серебряной нитью вплетался в узоры молитвы. Небо в разрывах между слоями туч раскалялось всё сильнее, и вот уже жаркий столп стал подниматься над горизонтом. Свежий ветер нежно щекотал ноздри, а где-то среди холмов синица, похоже, всерьёз решила присоединиться к их маленькому хору. Это было так непохоже на унылые, душные службы перед щелью святого Ремигия, что Айдан расчувствовался и вполне серьёзно представил себя воином духа на страже сонного, расслабленного мира.

Когда они закончили, священник тоже выглядел вдохновенным, взгляд его был всё так же пронзителен, но теперь в нём светилась мудрость и что-то даже более странное: словно он видел нечто недоступное взору – ангелов, кружащих в рассветном небе. Айдан и сам почувствовал, как стал ближе к Свету, а, обернувшись, увидел нескольких крестьян, застывших снаружи; с шапками, прижатыми к сердцу и выражением бесконечного благоговения на лицах – они стояли так ещё какое-то время после того, как всё завершилось и только камень дрожал от воспоминаний о молитве. Потом несмело, пригибаясь, боясь даже лишней раз дохнуть, они

всё-таки зашли внутрь ротонды. Священник великодушно улыбнулся им, кивнул – и сделал Айдану знак начинать обычную утреннюю молитву.

Таким образом, священник со своими мрачными предостережениями оправился своей дорогой, а Айдан своей, только вот безобидный визит в архивы всё больше напоминал опасную экспедицию.

Во-первых, монах уже совершенно уверился в том, что мастер Бернхард умер не сам собой, но не мог понять, было ли это вызвано проклятием Дейермера. Когда о последнем собеседнике мастера упомянул священник, Айдан тоже вспомнил, как на похоронах ехидничали по поводу любовницы – выходит, в свой последний вечер старик действительно говорил с кем-то и был весьма доволен беседой; может быть, речь даже зашла о Дейермере, и мастер решил, что за двадцать-то лет чары выветрились, и попробовал облегчить душу – не это ли его в конечном итоге сгубило? На логичный вопрос, почему тогда Бернхард не хлопнулся замертво прямо в таверне, Айдан ответил себе, что проклятье могло иметь отсроченный эффект, и тут же нафантазировал, что в таком случае оно наверняка заразно, и теперь собеседник мастера, если только ему не известно противоядие, тоже был в большой опасности – как, может статься, и один слишком любопытный монах, который мог подцепить проклятье, прочитав послание Бернхарда. Звучало натянуто, но ведь колдовство и не на такое гораздо, и Айдан так себя запугал этими подозрениями, что не решался больше трогать доставшееся ему наследие.

Дальше, вставал вопрос о том, был ли ночной гость Бернхарда невинным искателем истины или же он специально заговорил о Дейермере, чтобы сгубить старика и окончательно похоронить правду. В этом случае предостережения священника были по делу: следующей целью вполне мог стать и хлипкий монашек, преспокойно катящийся на север с записками покойного. Айдан попробовал примерить роль злодея на своих попутчиков – правдоподобнее всего смотрелся Фродвин – и начал прикидывать, как изобличить его, но дело шло туго. Как вывести чернокнижника на откровения, было непонятно.

Не давала покоя и загадочная гибель ааренданнца, которая в караване то и дело скакала с языка на язык, причём убиенного уже уверенно кликали альвестцем, словно убили заморского пришлеца-чародея, а не одного из их местных приспешников, да и безобидное «заколоти, когда болтался возле монастыря» порой превращалось в «зарубили, не таясь, перед всей братией». Айдана даже всерьёз спросили, каков из себя был убийца и как он сам уцелел во время побоища – едва удержался от того, чтобы приписать себе пару подвигов. Но смех смехом, а слишком уж подозрительно совпало: ведь мастер Бернхард умер в тот самый день, когда поблизости шастал чародей – этому и никакой отравы не нужно, чтобы сгубить человека, притом самым незаметным, недоказуемым образом. Недаром Шаан говорил, что развалить обвинение в убиении при помощи колдовства – это плёвое дело. Но если старика угробил ааренданец, то кто разделался с ним самим, да ещё так ловко, что убийца скончался раньше своей жертвы? Во всей обители только мастера Рихарда можно заподозрить в способности одолеть чародея, если только не принять во внимание слегка фантастический, но оттого ещё более притягательный вариант: что мастер Бернхард сам, почуяв приближение насильственной кончины, отыскал негодяя и, отмстив ему, спокойно отдал Владыке душу. Поразмыслив, Айдан соорудил и более сложный сценарий, в котором ааренданец вызнал у старика о Дейермере, но потом обоих угробил Фродвин. К сожалению, хотя любую из догадок можно было вставить в хронику, их обилие не помогало понять, как и от кого защищаться в дороге несчастному историку. А ещё ведь и сподвижник Дейермера прибавился в качестве действующего лица! Одно было приятно – среди путников никто не напоминал ни самого загадочного колдуна, ни эльфийку, ни старуху, ни толстого южанина, ни тем более рогатое чудовище.

Однако не только Айдана беспокоили ланцигские дела. Вальтер то и дело подлавливал кого-нибудь, чтобы поговорить наедине – и все вскоре начали догадываться, что рыцарь не просто так примкнул к отряду, а по герцогскому велению расследует убийство ааренданнца, дабы голову душегуба выдать альвестскому дознавателю и тем купить его снисхождение. Подробности некоторых бесед очень скоро становились общим достоянием, – например, все каким-то образом узнали, что у Шаана на значке не ворон, как у всех гевинтерских инквизиторов, а чайка – и, стало быть, он не тутошний, а из самой Альдонии, великого южного города, расположенного на берегу Срединного моря у самых границ Гевинтера. Обломав зубы об Этельфледино молчание, Вальтер отыгрался на Годфруа. Тот сперва всерьёз поверил в рассказы о строгих обычаях Северной Марки, которые запрещают женщине путешествовать в компании кого-либо, кроме лишь близких родственников или особо уполномоченных людей – и очень забеспокоился, начал рассказывать, как они с ней познакомились в Аррекьо, совать Вальтеру текст договора и, пока рыцарь читал, даже шёпотом осведомился у Айдана, можно ли как-нибудь понарошку обвенчать их с Этельфледой – причём желательно так, чтобы она ничего не узнала. Когда Шаан ему сказал, что Вальтер всё придумал, чуть не дошло до поединка – к счастью, Годфруа слишком боялся, что его госпожа узнает, сколько всего он разболтал рыцарю, и предпочёл помириться.

Айдан с трепетом ждал собственного допроса и, как ему казалось, недурно отполировал враньё, но Вальтер, подсев к нему на привале, стал совсем даже не про Бернхарда спрашивать, а про тонкости ритуалов, и до того удачно изображал любознательного простеца, что монах расслабился и дал себя увлечь в дебри практической теологии. Когда дошло до свадебных обрядов, он почти посыпался – в монастыре-то немного практики! – но ловко вывернулся, спросив, о каком браке речь – первом или повторном – на что рыцарь беззаботно брякнул: «Да какая разница?» – и Айдан захлопнул капкан, с притворным гневом обвинив его в приравнивании первого, настоящего брака, к повторному, который не более чем прикрытие для блуда. Вальтер хохотнул и объявил, что монах парень что надо. Они расстались на дружеской ноте, а хронист почти открыто пялился на Этельфледу, гадая, заметила ли она его победу и надеясь на ответный взгляд – но куда там. Впрочем, рыцаря он теперь уже не так боялся и, когда тот спросил немного погодя, не шатался ли кто-нибудь подозрительный возле монастыря в вечер перед смертью мастера Бернхарда. Айдан рискнул рассказать ему про ночной поход старика в трактир, но о проклятье Дейермера умолчал, конечно же. Вальтер сперва призадумался, но потом сказал, что ааренданнец к тому времени уже, наверное, валялся в переулке – и больше не мучил хрониста.

В целом, следующие несколько дней были бедны событиями. Новых сведений о Дейермере или об Ульрихе фон Ланциге уже никто сообщить не мог. В одной из таверн, где останавливались путники, Виллем сыграл в гляделки с проезжим герцогским гонцом и показал ему решётку из пальцев – такую же, как рассуждавшему о богах учёному. У гонца были пышные, сросшиеся на переносице брови – про таких в народе говорили, что это оборотни, поэтому внимание незнакомца не слишком удивило его – гонец просто ухмыльнулся и подмигнул Виллему, и это явно была не та реакция, на которую тот надеялся. Зато ужимками южанина заинтересовался Вальтер, который после этого стал присматриваться к нему. Айдан тоже подумал, что сложенные пальцы могли быть условным знаком агентов Соединённых провинций, но, право же, настоящему лазутчику стоило бы делать свою работу немного более скрытно.

Караван пополнился ещё одним монахом, и поистине поразительным: с каким-то жалким и явно полупустым мешочком на длинной палке, в грубых сандалиях на босу ногу – это ранней весной-то! – с многодневной щетиной и лысиной во всю голову, только едва обрамлённой по бокам и сзади короткими белыми волосами. Его сухая, морщинистая кожа была даже чуть темнее протёртой в нескольких местах рясы, зато зубам – идеально белым и отменно сохранившимся – позавидовал бы и иной епископ. Пока все остальные уныло тащились вер-

хом, он с завидной прытью чапал на своих двоих, то и дело громким, хоть не вполне приятным голосом принимался распевать гимны и непременно оказывался рядом, когда кому-нибудь надо было подтолкнуть застрявшую в луже телегу, починить колесо, поднять упавший тюк или просто развеять дорожную тоску. На привалах он собирал вокруг себя крестьянскую малышню и растолковывал про Свет и Владыку, причём как-то чудно и, на вкус Айдана, не вполне канонично. Поднимет, к примеру, с земли пустой жучиный панцирь, красивый такой, с перламутровым блеском – и вот тебе готова притча про тщету мирских забот и устремлений. Детишкам-то, конечно, это было больше по сердцу, чем скучные проповеди с примерами из священной истории. А уж когда он с радостными криками полез купаться в жгуче холодном, едва освободившемся ото льда озере, Фродвин вполне серьёзным голосом предположил, что это какой-нибудь давно почивший святой угодник, чьи мощи потревожили разбойники. На ночь тот, впрочем, не под кустом завалился, как некоторые ожидали, и даже не где-нибудь у ротонды, а забрёл в дешёвую гостиницу и отужинал, обнаружив отменный аппетит. Наверное, такие, желчно заметил Шаан, и грызут в трактирах ложки. Тем не менее, именно это убедило всех, что перед ними живой человек, и вскоре странники знали уже, что зовут его Ингольберт, что он подвизался в скиту посреди глухомани, а теперь отправился в паломничество к твердыне Ордена Чаши. Почему туда? А почему бы и нет, в самом деле.

Лицо брата Ингольберта никогда не покидала доброжелательная, если не сказать ласковая, улыбка. Даже когда Вальтер его стал подначивать, неся какую-то блудотень про искушения плоти, а также сговорчивых и пышнотелых служанок, он только качал головой и улыбался. Осмелев, Айдан попробовал завести с ним обычный свой разговор про Дейермера, но Ингольберт весьма уверенно заявил, что ничего о нём никогда не слышал, и посоветовал – коли уж ты, говорит, грамотный – чаще читать священное Писание. Да я-то что, против как будто? – фыркнул про себя монашек. – Вот если бы там про Дейермера что было – не вылезал бы оттуда!

А раз не получалось насыщать грядущую книжку содержанием, Айдан стал фантазировать по поводу миниатюр. Каким бы вышел Дейермеров отряд из-под пера ланцигских иллюминаторов? Повесили бы у предводителя над ухом демона с крылышками, непременно соучастника злых дел? Отринули бы они прискорбное искушение изобразить всех жалкими, с искажёнными пропорциями – обычная месть хронистов язычникам, – убоялись бы разных нетривиальных персонажей? А может, сказали бы, что важен только Дейермер и его бы отрисовали с бородой, как полагается, всех остальных оставив неоформленным сонмом? Айдан представил, как вожак бредёт среди редких, чем-то на разветвлённые кистени похожих деревьев, протирает боком узорный синий фон, а за ним шествует, бряца латами, многоногое, многоголовое чудовище. А как поступят с Обратной Стороной? В Аойне бы сплели чёрные, золотые загогулины – и вот тебе провал не пойми куда, впадающий в орнамент на полях; гевинтерцы приземлённей – нарисуют чёрное пятно на земле и скажут, что так и надо.

Между тем, Вальтер оказался не только воякой, но и практически бардом: на второй вечер достал лютню и давай распевать разбойничьи удалые песенки. Голос у него был мощный, а пальцы так и бегали по струнам; тени плясали на блестящей алой равнине его лба, золотистые змеи копошились в бороде, и каким-то языческим лукавством польхали глаза – такого запросто представишь на миниатюре в роли Падшего-искусителя ведущим за собой танцующие души прямиком в чёрную глотку Долины Утрат. Все собрались послушать его: Фродвин укачивался над незатейливой похабщиной, Виллем молча пил, Годфруа сутулился, кулаки упрятав между коленями. Она сидела чуть поодаль, но тоже внимала; предательский огонь, проникнув под прежде непроницаемую маску из теней, выхватывал один из уголков её довольно тонких и бледных губ – и этот уголок временами чуть приподнимался. Когда Вальтер в очередной раз отставил свой инструмент, отшучиваясь и заявляя, что не всё из описанного в последней песне довелось испытать лично ему – что, конечно же, вызывало только новый взрыв хохота, – она поднялась, подошла к нему и сказала, что тоже хотела бы сыграть, хотя, быть может, и не к

такому увеселению всех присутствующих. Рыцарь очень удивился, даже ничего ответить не смог, а просто с разинутым ртом протянул ей лютню. Она села рядом, сплетя между собою ноги, в задумчивости, словно сомневаясь, выйдет ли у неё что-нибудь, провела по струнам пальцами – те как-то нелепо звякнули в ответ. Вздохнув, она прикрыла глаза запела неожиданно высоким и не очень громким голосом, играя гласными и растягивая окончания, лишь изредка проводя по струнам несмелыми пальцами, что так и не расстались с перчатками, но эти редкие звуки вплетались в её песню настолько удачно, что ни убавишь ни одной, ни прибавишь. Айдан боялся пошевелиться, он так и слушал бы до самого утра её голос, такой чистый, такой хрупкий, и в то же время такой тёплый, в нём было что-то такое, как будто она им хотела согреть кого-то отсутствующего, кого уже никогда не увидит. Она пела – неожиданный поворот – на аойненском, и это было что-то про девушку, ждущую кого-то из военной экспедиции, хотя за игрой голоса иной раз непросто удержать в голове сюжет. Закончив, она как на Обратную Сторону провалилась, и даже телохранитель ходил и спрашивал у всех, не видел ли кто его хозяйку, и лишь к утру обнаружив её спящей, вздохнул с облегчением.

С беспокойной душой выйдя на улицу, наполовину надеясь увидеть её, а наполовину просто рассчитывая побыть наедине со своими переживаниями, Айдан едва не врезался в крепко пахнущую табаком громаду Виллема, который вытащил изо рта трубку и твёрдым голосом пояснил, что песни и музыка – дар Заточённого. А то, чем Вальтер занимается – это вообще чистой воды распутство.

– И вот меня удивляет, – снова закусив трубку, пробормотал он, – что у вас даже монахи терпят такое, против чего у нас восстал бы всякий порядочный человек.

Толимар повёл себя весьма предупредительно: уже после полудня путники хорошо понимали, что приближаются к этому оплоту вольнодумства, твердыне чужеродной пугающей силы, к этой, как с уверенностью провозглашали некоторые из монастырских соратников Айдана, гнойной язве на теле Гевинтера. Как бы то ни было, окрестности его выглядели куда приятней унылых и пустынных холмов, коими столь обильно баловала гостей Северная марка. Сперва земля вспучилась, оскалилась шершавыми каменными глыбами, окрашенными подчас в самые удивительные тона: многие были покрыты зеленоватыми, а то и ржаво-красными пятнами. В теснинах между ними начали попадаться деревья, затем рощицы, а в одной из ложбин притаилась даже целая деревня.

К городу странники подъехали на закате. В небе Айдану чудилась затянутая дымкою равнина, разделённая надвое рекой из чистого золота; на её фоне тёмными ступенями поднимался холм, увенчанный знаменитою башней: круглой и дерзновенно высокой.

Толимар окружали двойные стены: внешние кольцом обнимали весь холм, нависая над рекой, а внутренние, в свою очередь, возвышались над ними, отгораживая от мира простецов подлинных повелителей этого места – ааренданских волшебников. Как хорошо было известно, постройку этих стен они заставили оплатить Гевинтер.

Скрипя цепями, с зубцов свешивались клетки, в которых то совсем очищенные скелеты, а то и свеженькие, засиженные вороньём – разбойнички, захихикал Фродвин, тати словленные, да выставленные на поруганье. Айдан удивился: вроде бы, ааренданцы выставляли себя цивилизованным, утончённым народом, которому чужды страсти необузданных северян, в том числе нездоровая склонность уродовать останки преступников. Чернокнижник весело заклекотал и ответил, что, может быть, они и цивилизованные – безнадежно исковеркав это слово – но нас тут всех считают вахлаками, которых надобно пугать, да покрепче, чтобы не бедокурили.

У ворот уже толпились путники, приехавшие, должно быть, надведерским трактом. Кучка неопрятных старух собралась тесным кругом на тюках и делилась свежими сплетнями, изобретая по ходу новые, трое добротнo одетых мужчин с притороченными за спиной арбалетами задумчиво курили, малышня с радостными криками носилась вокруг телеги, счастливо не замечая вялых, утомлённых окриков ссутуленной, бесцветной женщины с усталым и грубым лицом. От самых ворот – нелепо низких для такой величественной стены – раздавались крики, весьма далёкие от одобрительных.

– Их поди пойми, – сплюнув, проворчал Фродвин. – То заходи кто хошь, то тебе в каженную сумку, в каженный карман залезут. Бывалось, до глубокой ночи выстаивал.

– Да, похоже, мы тут надолго застряли, – откликнулся Шаан.

– Вон, как их припекло, – прищурился Вальтер. – Убийство, потом ещё и орки...

– Подааайте монеточку! – к странникам подскочил тонкорукий и тонконогий чумазый мальчуган, призывно дрыгавший ладонью и совавший её то к одному, то к другому. Ржица была до крайности несчастная – Шаан размяк и полез в суму, а этот уже и хныкать начал, чтобы не упустить своего.

– А ну пошёл! – рыцарь несильно пнул его ногой в спину, да так рассчитал, чтобы, споткнувшись о ногу инквизитора, попрошайка наверняка грохнулся. – Ещё раз тебя увижу – сдам герцогу на кухню, понял?

– Таковской руготни давненько не слыхивал, – хихикнул Фродвин, когда мальчишка поплёлся прочь, сквозь зубы понося жадюг.

– Вальтер, за что вы его так! – воскликнул инквизитор, всё ещё державший злополучную монету и явно раздумывавший, не догнать ли бедолагу. – Это же наверняка сирота, разве мы?..

– Сирота или там чего, но я таких знаю: будет хныкать, весь изойдётся соплями, а стоит вам отвернуться – подрежет кошель! Сколько был в Толимаре, тут вечно этих...

– Разве вы можете быть уверены, что это действительно вор?

– Да полноте, любезный господин! Так и клыкастики не бранятся! Вот вам длань – из ентих, скрадчиков!

– Скажете, вас никогда детишки не грабили? Вот вас, моя прекрасная госпожа, грабили детишки?

– Что? Да, и однажды украли очень дорогую мне вещь. Это было... – заканчивать она не пожелала.

– Ну, вот!

– Я не знаю... – пробормотал Шаан. – Всё-таки это мог быть настоящий сирота.

Чуть в стороне от остального люда собралась громкая и самодовольная компания рыцарей. Привязав лошадей к столбикам, которые тут, похоже, специально врыли для ожидающих, они бранились, распевали более чем легкомысленные песенки и голодно поглядывали на крестьянок. Позади маячила довольно просторная клетка на колёсах, в которой прутьями служили крепкие, толстые брёвна. Внутри угадывались крупные тела, но ни чьи, ни сколько, понять было нельзя. Из рыцарского роя протолкался жизнерадостный толстяк в меховом плаще, у которого щёки торчали над бородой как два спелых, блестящих яблока, а мясистый, неровный нос напоминал кусок непропечённого теста. Он деловито направился к путникам, и не пройдя половины пути, завопил:

– Вальтер! Хитрый лис, ты же за разбойниками охотился! Решил передохнуть с приличными людьми?

– Рогёр! – живо отозвался тот и, отодвинув с дороги Айдана, вышел навстречу. – А я и поехал, но вот, видишь... – он развёл руками.

– Ладно, потом расскажешь!

– А что это у вас там? – Вальтер указал на клетку. – Коров, что ли угнали?

– Да каких коров... – Рогир обернулся, словно проверяя, не коровы ли там в самом деле. – Да ты глаза-то разуй! Там же орки! – сразу несколько ртов за спиной у Айдана шумно вытолкнули воздух, а усталая крестьянка вскочила и при помощи пинков и недобрых окриков резво собрала своих чумазых и теперь весьма недовольных детей на телеге. Старухи замолчали, хищно вперились в клетку, а потом засудачили ещё активней.

– Орки? – Вальтер явно удивился. – Вы их, что ли, на зиму засолить хотите? Они ж давно не платят ни за клыки, ни за шкуры, какой теперь смысл их везти?

– За наших точно отвалят! – бросил Рогир, и уверенности в его голосе хватило бы на пятерых. – Знал бы ты, как мы с ними столкнулись, – он прикинул почти к уху Вальтера, но тех обрывков слов, которые донеслись до Айдана, и того смятения, которое они вызвали, хватило, чтобы сложился образ ещё одного Пробуждённого, ставшего мостом для орочьего набега. – А ты чего? – тоже подметив, как изменился в лице собеседник, спросил Рогир. Вальтер не сумел выдать и слова. – Да не говори только...

Кивок.

– Вот зараза.

– Ваши орки тоже разбежались? – почти шёпотом уточнил Вальтер.

– Пара или тройка, – гордо заявил Рогир. – Раньше клыкастые были посмелей, скажи?

– Точно, – кивнул Вальтер. – А этих зачем притащили, – он посмотрел на клетку.

– Ну, так не уберегли волшебники – пусть расплачиваются – нет разве?

– Допустим.

– Слушай, да что ты, как зануда? Пошли пропустим по кружке?

Тут уже Вальтер махнул рукой и отправился за ним следом. Войнство приветствовало их нестройными, не вполне пристойными к тому же окриками. Айдан почему-то представил, что они сейчас и её позовут с собой. Но, на счастье, они не позвали, а она тоже не напрашивалась.

– Что думаете, – проскрежетал Фродвин, – не увидим больше вояку?

– Почему? – откликнулся инквизитор.

– Так нас проводил до Толимара – и всего делов?

– М-м, может быть.

В голосе инквизитора было сомнение. Айдану тоже показалось, что Вальтер кого-то из них подозревает в убийстве ааренданца и не отстанет, пока не докопается до правды – или не выбьет признание; от северного правосудия вряд ли стоило ждать справедливости. Наверняка рыцарь уже знал, что рядом с ним – тот самый монах, которого считают колдуном. Почему бы всё на него не повесить? Тут ещё подумаешь, – грустно констатировал Айдан, – кому сдаваться: Вальтеру или Шаану, признаваться ли в убийстве колдуна или старого хрониста. Задержка у ворот была отсрочкой перед застенками, от которых он бежал, отказавшись ехать в Хейвенфельт, и которые всё равно настигли его. Ошалев от ожидания, Айдан стал бродить среди путников и в какой-то момент обнаружил, что его передвижениями никто и не думает интересоваться. Можно было добраться до ближайшей роши, а там... Накормить пару страждущих волков, наверное. Он признался себе, что жизнь в одиноком скиту посреди белого пятна на карте совсем не для него, лучше уж хлеб и вода, и вернулся к остальным. Они как раз искали брата Ингольберта, но тот как на небеса вознёсся.

– Я завтра пойду к оружейнику. Хочешь со мной? Выберем тебе палочку, – увидев Айдана, промолвила Этельфледа. Её голос, монотонный, но добрый, придавал ему немного уверенности в борьбе с предчувствиями. Он радостно кивнул, и воображение наполнилось картинками предстоящего похода.

Западное небо отгорело, и только узкая полоса синевы держалась ещё под натиском звёздного воинства. На стенах зажглись яркие бледные огни, не мигавшие, не чадившие – явно магические. Смотреть на них было больно, приходилось либо сидеть лицом в другую сторону, либо всё время рыскать глазами по земле, прикрываясь ладонью от жестокого пламени. Вокруг

ворот же зажглись обыкновенные жаровни – Айдан всё не мог понять, чем их топили в этой пустыне, да так жарко – углём, что ли? Особенно пугливые монахи не преминули бы вернуть: душами грешными! Странники, сделавшиеся при таком освещении похожими на привидений, роптали, прикидывая, не пора ли прямо тут уже встать лагерем. Виллем не выдержал: достал несколько полосок солонины, предложил соседям – те вежливо отказались – и принялся жевать. Проглотил одну, вторую – и тут наконец издевательский лязг возвестил о том, что Толимар готов-таки принять очередную дозушку шелупони, как желчно выразился Фродвин – после подробного досмотра, конечно же.

Ворота медленно, по одному пожирали путников, и – виной ли тому беспокойные огни вокруг них или мучившие Айдана дурные предчувствия – они в этот час более всего напоминали вход в преисподнюю, подле которого демоны, вооружённые списками грехов всех тварей начиная с самого сотворения мира, вершили суд, назначая каждому его судьбу на оставшуюся вечность. Крестьян заставляли выворачивать убогие мешки, стражники даже не погнушались разворошить копну соломы в одной из телег. Фродвин ворчал, что со своей поклажей он едва ли и к утру окажется внутри. Даже Этельфледа почему-то выглядела озабоченной и прошептала своему телохранителю, что зря отправилась в Толимар. Айдан в какой-то момент уже перестал терзаться и просто тупо дожидался своей судьбы. Его даже не тревожило то, что чародеи наверняка почуют краденую пирамидку и обвинят в контрабанде магических артефактов. Как знать, может, ограничатся конфискацией. Легко пришла – легко ушла, да и назначение её по-прежнему оставалось загадкой.

Когда уже пара десятков шагов осталась до моста, со словами «Ну, вы ведь не против?» подошли рыцари, заодно вернув бродягам Вальтера, всем довольного и уже не вполне трезвого. Стражник, довольно гаденький, с мышинным вытянутым вперёд лицом и торчащими из носа серыми волосками едва глянул на подорожную и сразу заинтересовался клеткой. Голова его закачалась из стороны в сторону, сиюсья заглянуть в узкие щёлочки между брёвнами, чародейский огонёк на конце бронзового жезла взмыл вверх, но среди движущихся теней различить можно было только тёмную бездвижную грудку.

– Это что у вас? – требовательно спросил страж.

– Так орки ж, – гулко грянул Рогир и несколько рыцарей хохотнули вслед за ним. – Не уберегли – так расплачивайтесь, нет? – он повторил, как заученное.

– Орки? – почти оттолкнув его, стражник неуклюже, какими-то рывками устремился к повозке. Двое его коллег оторвались от дел и с любопытством посмотрели ему вслед; один из них даже забыл вынуть руку из тощего мешка очередного крестьянина. Отблески колдовских огней и настоящего, живого пламени дрожали в их глазах.

Когда длинный нос почти уже просунулся в клетку, что-то внутри пошевелилось. На сердце Айдана легла смутная тяжесть, словно воспоминание о давней ошибке, а следом этот комок внутри прорвался волной паники. Толстые брёвна клетки разорвало, окатив рыцарей щепками – одному воткнулась в плечо, другому по щеке полоснуло. Крыша грохнулась неподалёку, разбившись о камни. Орки одни за другим спустились на землю – трое, перевязанные жгутами молний, с непроглядной чернотой в немигающих глазах. Айдан видел то стену крепости, то совершенно голый утёс, нависший над мрачной равниной, то укромный пятачок, окружённый шестёркой стоячих камней, на котором грелся у костра дряхлый, скукоженный орк. Он поднялся и стал звать кого-то, загребать лапищей. На краях камней замелькали тени. С трёх черноглазых клыкачей прыгнула молния, прямо в сердце ударила мышастого стражника, швырнула его к самым воротам. Оттуда уже спешили маги, выслая вестниками сгустки фыркучего пламени – жажнули в орков, у одного рука обуглилась, он даже не поморщился. Молнии всё ползли вверх, уже, как пальцами, вцепились в зубцы на стене, пару выкрошили, но и там ааренданцы выскочили – отпугнули вражеские чары, свои вниз бросили, да не свалили клыкастых. Рыцари забежали, но с колдунами не стали связываться, Рогир вскричал: «Защи-

щаем людей!» – и сам подхватил двух ребяташек, а их родителям гаркнул, чтоб тоже драпали. И вовремя: чернота, проступив сквозь орков, разродилась волчьей стаей – не под стать клячку-всаднику, но всё равно злющими, клыкастыми бестиями. Одна замешкавшегося бойца тяпнула за ногу и протащила, как мальчика, но не загрызла насмерть, а, бросив беднягу, ринулась к чародеям.

Айдан успел отойти, но кто-то подобрался сзади, поставил подножку, бросил на спину – и, взгромоздившись сверху, стал душить. Злодей выпростал зубы, на смятом лбу надулась жилка – один из картофельных.

– Давай скорей! Колдун сгинет – и волшба его развеется, – подзуживал его дружок.

Душитель был силён, но Айдан успел прохрипеть по странному наитию:

– Я сгину – погибнут тысячи!

Хватка лишь чуть ослабла, мрак отступил немного, и тот, другой, оттолкнув пугливого, сам замахнулся кинжалом со злющей рожей – в плечо ему вонзился арбалетный болт, отбросив в сторону. Кинжал выпал. Она была как тёмный воинственный ангел, и огни со стены одели её в пылающую корону.

– А ну, прочь! – крикнула она.

– Ведьма! – взвизгнул душитель и, подхватив нож, бросился к Этельфледе. Её собственный нож, с пояса, раскрыл мерзавцу ладонь, а Годфруа, не замарав и меча, плечом отбросил селянина.

– Не трогай её, негодяй! – прозвенело гневное.

– Что у вас там? – гаркнул Вальтер. – Давайте сюда скорее! – и поманил к себе, где редкий пунктир прикрывшихся щитами рыцарей отчёркивал брошенные телеги, между которыми ещё метались последние тени драпающих крестьян. Пара шальных волков уже валялась под ногами у бойцов – головы с телами врозь – остальные вились под ногами у чародеев, мешали расправляться с орками.

– Помоги ему подняться! – бросила она телохранителю, занимая позицию позади Рогировых бойцов. Годфруа не церемонился: подхватил за шкуру и поволок, Айдан едва успевал перебирать ногами, да и больше смотрел на неё, чем вниз, и, споткнувшись о камень, последние несколько шагов пропахал сапогами.

– Они бы ещё дракона притащили, – сплюнул Вальтер.

Изогнувшись над орками, молния протянулась к рыцарям, но её поймал, закутал в серебристое сияние всадник в шерстяной широкополой шляпе – не ааренданец, проезжий из королевской гильдии магов.

По земле прокатилась дрожь. Возле клыкастых выросла белая туча, окинула рыцарей тяжёлым взглядом – и не туча это вовсе, а дракон – белогривый, с меховым воротником, с венцом из костяных шипов, с глазами цвета сумерек – недобрыми, расчётливыми. Айдан не мог сказать, крупный ли это зверь, не видел раньше драконов, но размером он был с ланцигский храм, не меньше, и проглотил бы целиком хрониста.

– Да вы издеваетесь! – Вальтер негромко скомандовал своим: – Давайте назад, и без резких движений!

На изгибах крыльев пристроились пальцы несуществующих передних лап, дракон тяжело припадал на них и распахивал землю шипастой грудиной, вертел и покачивал головой, шёлкал хвостом, расшвыривая комья грязи, демонстрировал два частокола заточенных зубов с изрядными щелями у клыков, рыкал и ворчал на рыцарей, а те отходили, выставив против него свои железки. Выпад – челюсти схлопнулись почти перед лицом Рогира, беднягу окатило паром, он грохнулся – к нему тотчас же кинулся сосед, прикрыл щитом, помог подняться. Но зверь и не хотел жрать рыцарей – мимоходом раздавил бросившегося ему под ноги волка, перекрутил шею и стал смотреть, что творится у стен, трагично вскрикнув, когда его ужалила случайная молния.

– Госпожа, если сейчас выстрелить ему в грудь... – крикнул Годфруа.

– Я не буду стрелять в дракона. Он только разозлится.

– Но я точно вижу, что у него чешуйки неплотно подогнаны. Смотрите, вот! – там, куда тыкал пальцем телохранитель, Айдан и в самом деле разглядел тёмную полоску между когда-то белыми, заляпанными ворсистыми щитками.

Дракон не стал ждать, пока в него станут палить, и повернулся к Толимару, по ходу сбив хвостом – тяжёлым, с меховой кисточкой на конце – нескольких зазевавшихся рыцарей. Взгрозившись на край стены, он чихнул, сбросил оттуда пару настырных защитников – те, впрочем, ловко воспарив, спокойно приземлились у ворот. К мохнатому гостю, наконец, вышел и кто посерьёзнее из волшебников, в развевающемся плаще, с голубыми звёздами на месте глаз, и не вышел даже – снизошёл от самой башни, проплыл по воздуху и завис перед белой мордой. Дракон рявкнул, но чародей и не пошевелился даже – тогда зверь повёл другой разговор: стал обиженно подвывать и тявкать, как мог бы, наверное, бандит жаловаться на жизнь своим жертвам, причудами лихой судьбы оправдывая свершённый разбой. Что ему колдун ответил, осталось загадкой, но дракон слез со стены и побрёл, разминая землю в кашу и грязью пятная брюхо. По дороге он снёс сарай и с горя закусил брошенной на привязи лошадью, добрался до утёса, где берег обрывался к Ведеру, перевалился через него, тяжело взлетел и слился с ночью.

Ааренданцы к этому времени уже одолели орков: то, что осталось, напоминало кучку обугленных брёвен. Голубоглазый собеседник дракона спустился, в задумчивости повисел над прахом и, завернувшись в дым, исчез. Другие чародеи не чурались топтать землю и сновали подле ворот с измерительными инструментами – по крайней мере, так охарактеризовал их побрякушки Фродвин.

– Ну, что за дела? – недовольно буркнул Вальтер. – И меча не запачкал, как девчонка, честное слово. – Сбивчивые благословения благодарных крестьян его совсем не радовали.

– Слушай, – беспокойно кося в сторону колдунов, молвил ему Рогир, – мы, наверное, потихоньку...

– Никуда вы не поедете! – зло заявил мышастый ааренданец, который как раз спешил к ним, целясь в рыцаря дрожащим пальцем. Плащ ему подпалили, но сам он был целёхонек. Айдан вздохнул: чародеи! Обычного человека та молния, наверное, превратила бы в головешку, а этому хоть бы что. Жалко магии нельзя научиться, если дара нет, а то бы дальняя дорога могла стать куда безопасней.

– Вы, – продолжал колдун, – проследуете, куда мы скажем, и ответите на все положенные вопросы о происхождении этих орков, обстоятельствах встречи с ними и так далее, неспешно и по порядку.

Рогир обречённо глянул на приятеля и сделал своим знак собираться.

– Так, вы, – теперь мышастый воззрился на Айдана. – Почему те двое на него напали? – он пошарил глазами в поисках картофельных мужиков и, как видно, нашёл, но вдавленные драконьими лапами в грязь тела не подходили для допроса.

– Всё случилось на земле Северной Марки, – твёрдо отвечал Вальтер, имея в виду, как понял Айдан, то, что происшествие имело место вне стен Толимара. – Это наше внутреннее дело.

Колдун презрительно дёрнул носом, но спорить не стал и начал торопить Рогира с его бойцами. Вальтер же воспользовался тем, что Айдан придвинулся к телеге, и будто невзначай встал между ним и свободой.

– Айдан, а ты понимаешь, почему те двое набросились на тебя? – спросила она.

– Селяне, – пренебрежительно протянул Годфруа. Если бы Айдан мог отделаться от душных взглядов таким невинным ответом!

– Что, сам скажешь, нет? – пока монах пытался понять, что такого он должен сказать, Вальтер хмыкнул и, поворотившись к остальным, объявил: – Да они ко мне приходили с доно-

сом. Дескать, это не просто монах, а злой колдун, и стычка с орками, благодаря которой мы с вами познакомились, это его рук дело. Я вот понял, что тогда ночью они к нам в гостиницу не пограбить завалились, а этого прирезать хотели – но Владыка им указал их место.

– Как интересно. Мне они тоже говорили о своих подозрениях, – поддакнул Шаан.

– Упорные ребята.

– Я им тогда сказал, что у Айдана нет ни крупицы дара. Я бы знал. М-м, простите, Айдан, это ведь не прозвучало обидно?

– Нет. Нет, конечно. Я сам знаю, что ни на что не гожусь... как маг. Меня проверяли в детстве.

– Вот видите, – Шаан примирительно улыбнулся. – Я им так и сказал.

– А эти что? – поинтересовался Вальтер, показав пальцем на раздавленные тела.

– М-м, они весьма подробно описали ритуал с участием паучьих лап и другой, м-м, эксцентричной атрибутики, с помощью которого даже самый обычный человек, не волшебник мог бы вызвать Падшего.

– Скажете, нельзя? – ухмыльнулся рыцарь.

– Боюсь, м-м, не с таким набором ингредиентов, – у инквизитора сбежала улыбка; он спокойно посмотрел на покойников и поспешил спрятать её. – Но в целом, предметная магия, на много способна в подготовленных руках.

– Но вы ж не верите, что это Айдан накликал тех орков, и ещё сегодняшних гостей?

– М-м, у нас ведь нет причин полагать, что Айдан – эксперт по...

– Монах-колдун? Что за странное предположение, – донёсся чей-то глубокий, исполненный чувства собственной значимости голос. Над телегой нависла тёмная фигура в широкополой шляпе – волшебник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.